

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2012

№ 2 (103)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 3
Social and Political Scienses

2012

№ 2 (103)

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1920 г.

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2006 г.

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ –
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. А. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. УрО РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. СО РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнёв**, чл.-корр. УрО РАН
- С. В. Голынец**, акад. РАХ
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Дитирх Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- Пол Бушкович**, проф. (США)
- М. М. Гиршман** (Украина)
- Массимилено Гудерцо** (Италия)
- Лай Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Альберт Ковач**, проф. (Румыния)
- Нэнси Коллман**, проф. (США)
- М. Н. Липовецкий**, проф. (США)
- Джеральд Майкельсон**, проф. (США)
- Арто Мустайоки**, проф., вице-президент
МАПРЯЛ (Финляндия)
- Б. Ю. Нормани**, проф. (Белоруссия)
- Хармут Рюсс**, проф. (Германия)
- Грэг Саймонс** (Швеция)
- Карен Хьюитт**, проф. (Великобритания)
- А. Федотов** (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов

Заместитель главного редактора
по международным связям

Т. С. Кузнецова

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Е. В. Грунт

В. Д. Камынин

А. Г. Кислов

Н. А. Комлева

Т. А. Круглова

С. А. Лукьяннов

Н. С. Минаева

А. В. Меренков

В. И. Михайленко

Л. Г. Попова

О. Ф. Русакова

Л. Л. Рыбцова

Е. Г. Трубина

Д. М. Федяев (Омск)

Е. С. Черепанова

А. Ю. Цофнас
(Одесса, Украина)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА	
<i>Лобовиков В. О.</i> Формально-аксиологическая эквивалентность рационалистического и сенсуалистического критериев существования в двузначной алгебре метафизики	5
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ	
<i>Трубина Е. Г.</i> Мобильность и седентаризм в социально-теоретическом дискурсе	22
<i>Попов В. Г., Климов В. Н.</i> Социальная природа предпринимательства в контексте классической социологии	34
ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ	
<i>Зекрист Р. И.</i> Концепция власти Мишеля Фуко	40
<i>Керимов А. А.</i> Понятие парламентаризма в российской политической науке	46
<i>Мухаметов Р. С.</i> Постсоветское пространство в российско-американских отношениях	52
ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА	
<i>Петрищев М. В.</i> Межрыночная конкуренция товаропроизводителей и межотраслевая конкуренция капиталов	59
<i>Шерстнёв М. А.</i> Международное движение капитала в странах переходной экономики в период рыночных реформ: основные тенденции и проблемы	67
<i>Елисеев А. В.</i> Совершенствование коллективных договоров в условиях модернизации экономики	77
<i>Соболев А. О., Темкина И. М.</i> Особенности товарного экспорта старопромышленного региона: анализ и прогнозы (на примере Свердловской области)	85
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ	
<i>Юртаева М. Н., Глуханюк Н. С.</i> Медиативно-модеративные взаимодействия когнитивных процессов и черт личности как детерминанта различных форм преодоления неопределенности	95
<i>Егоров В. М., Елькин И. О.</i> Сравнительная оценка влияния вариантов общей анестезии и операционного стресса на высшие психические функции у детей	99
<i>Исмагилова Ф. С., Миролюбова Г. С.</i> Психологическое исследование проблемы критериального обеспечения профессиональной деятельности руководителей	108
<i>Вильгельм А. М., Глотова Г. А.</i> Сравнительный анализ представлений педагогов о коммуникативной культуре учителя	117
<i>Попова Л. Г., Разина М. В.</i> Исследование ценностных ориентаций у воцерковленных (православных) подростков	127
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ	
<i>Бережной С. Б.</i> Теория дхарм Абхидахармакоши	135
<i>Ионайтис О. Б.</i> Юрий Крижанич в России	146
<i>Азаренко С. А.</i> Русское философование и топологическая философия в современности	160
<i>Авторы номера</i>	171

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

УДК 111.1 + 165.19

В. О. Лобовиков

ФОРМАЛЬНО-АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО И СЕНСУАЛИСТИЧЕСКОГО КРИТЕРИЕВ СУЩЕСТВОВАНИЯ В ДВУЗНАЧНОЙ АЛГЕБРЕ МЕТАФИЗИКИ. ДИСКРЕТНАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЦЕННОСТНОГО АСПЕКТА РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО И СЕНСУАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЙ О БЫТИИ, НЕПРОТИВОРЕЧИВОСТИ И ОЩУЩЕНИИ МАТЕРИИ

Понятия «ощущение», «материя», «бытие», «знание», «всеобщее», «бесконечное» исследуются как *ценностные функции от двух ценностных переменных в двузначной алгебре метафизики*, которая трактуется как формальная аксиология. Даётся строгое определение понятий «формально-аксиологическая эквивалентность» и «закон алгебры метафизики», генерируется список уравнений и законов исследуемой алгебры. Предлагаются точная формулировка и табличное обоснование *законов контрапозиции* бинарных операций «знание», «универсальность» и «бесконечность» в двузначной алгебре метафизики.

Ключевые слова: эмпирическое, знание, ощущение, материя, бытие, универсальность, реальность, конечность, бесконечность, алгебра, метафизика, бинарная, операция, формально-аксиологическая, эквивалентность, контрапозиция.

В данной статье, исследуя *ценостный* аспект *сенсуалистического* учения о «мире как комплексе *ощущений*» [1–3, 9, 10, 13], мы будем систематически использовать искусственные языки, понятия и методы дискретной математики, в частности двузначной булевой алгебры. В небольшой работе нет возможности представить все необходимые разъяснения и дать точные определения всех понятий, вовлеченных в рассуждение, поэтому сошлюсь на монографию, в которой все эти разъяснения и дефиниции даны [5]. В дополнение к ним дадим следующие ниже определения унарных и бинарных операций

двузначной алгебры формальной аксиологии, относящихся к рассматриваемой теме.

Глоссарий для табл. 1. Символ Sa обозначает морально-правовую ценностную функцию «субъект (что, кто) a ». Символ Oa обозначает ценностную функцию «объект (что, кто) a »; символ $O'a$ – ценностную функцию «объект (чего, кого, чей) a »; $S'a$ – ценностную функцию «субъект (чего, кого) a »; Ba – «бытие (чего, кого) a » (здесь имеется в виду *подлинное, истинное бытие*); Na – «небытие (чего, кого) a », Ca – «сознание (чье) a , осознание (чем, кем, чье) a »; Fa – «осознание (чего, кого) a »; Za – «противоположность для (чего, кого) a »; Ia – «illusioия, т. е. (только) “кажимость” (чего, кого) a »; Va – «насилие над (чем, кем) a »; Io – «действие (воздействие) на (что, кого) a ». В двузначной алгебре метафизики перечисленные ценностные функции от одной переменной точно определяются табл. 1.

Таблица 1
Ценностные функции от одной переменной

a	Sa	Oa	$S'a$	$O'a$	Ba	Na	Ca	Fa	Za	Ia	Va	Io
х	х	п	х	х	х	п	х	п	п	п	п	п
п	п	х	п	п	п	х	п	х	х	х	х	х

Глоссарий для табл. 2. Символ Ma обозначает ценностную функцию «материя (что, кто) a »; $M'a$ – «материя (чего, кого, чья) a »; Φa – «материя для (чего, кого) a »; Πa – «ощущение (чего, кого) a »; Ja – «ощущение (чем, кем, чье) a »; Wa – «мир (чего, кого, чей) a »; $W'a$ – «мир для (чего, кого) a »; Ua – «внешний (что, кто) a »; Ya – «внутренний (что, кто) a »; Ra – «причина для (чего, кого) a »; $R'a$ – «причина (что, кто) a » или «причина (чего, кого, чья) a ». В двузначной алгебре метафизики эти ценностные функции точно определяются табл. 2.

Таблица 2
Ценностные функции от одной переменной (продолжение)

a	Ma	$M'a$	Φa	Πa	Ja	Wa	$W'a$	Ua	Ya	Ra	$R'a$
х	п	п	х	п	х	х	п	п	х	п	х
п	х	х	п	х	п	п	х	х	п	х	п

Глоссарий для табл. 3. Символ Pa обозначает ценностную функцию «реальность (чего, кого, чья) a »; $\mathcal{E}a$ – «объективная (что, кто) a »; Ta – «бытие вне (чего, кого) a »; Xa – «бытие независимо от (чего, кого) a »; Ba – «возможность» (чего, кого) a »; Ha – «невозможность (чего, кого) a »; Da – «движение, изменение (чего, кого) a »; Pa – «противоречие в (чем, ком) a » или «противоречивость (чего, кого) a »; Ba – «плоть (что, кто) a » или «плоть (чего, кого, чья) a »; Ga – «тело (что, кто) a » или «тело (чего, кого, чье) a »; Aa – «множество (что, кто) a » или «множество (чего, кого) a »; $A'a$ – «множество для (чего, кого) a ». Перечисленные ценностные функции точно определяются табл. 3.

Таблица 3
Ценностные функции от одной переменной (продолжение)

<i>a</i>	<i>Pa</i>	<i>Эa</i>	<i>Ta</i>	<i>Xa</i>	<i>Ba</i>	<i>Ha</i>	<i>Дa</i>	<i>Пa</i>	<i>Ba</i>	<i>Ga</i>	<i>Aa</i>	<i>A'a</i>
x	x	п	п	п	x	п	п	п	п	x	п	x
п	п	x	x	x	п	x	x	x	x	п	x	п

Глоссарий для табл. 4. Символ $Z'a$ обозначает ценностную функцию «разрушение, уничтожение (чего, кого) *a*»; $I'a$ — «измерение (чего, кого) *a*»; Ja — «измерение (чем, ком, чье) *a*»; $Цa$ — «цель (что, кто) *a*» или «цель (чего, кого, чья) *a*»; $Ц'a$ — «цель для (чего, кого) *a*»; $P'a$ — «программа (алгоритм) для (чего, кого) *a*»; $I'a$ — «алгоритм, программа (что, кто) *a*»; $Чa$ — «средство (что, кто) *a*» или «бытие средством (чье) *a*»; $Ч'a$ — «средство для (чего, кого) *a*»; $Жa$ — «объект для (чего, кого) *a*»; $Б'a$ — «субъект для (чего, кого) *a*». Перечисленные ценностные функции определяются табл. 4.

Таблица 4
Ценностные функции от одной переменной (продолжение)

<i>a</i>	$Z'a$	$I'a$	Ja	$Цa$	$Ц'a$	$P'a$	$I'a$	$Чa$	$Ч'a$	$Жa$	$Б'a$
x	п	п	x	x	п	п	x	п	x	x	п
п	x	x	п	п	x	x	п	x	п	п	x

Глоссарий для табл. 5. Символ La обозначает ценностную функцию «необходимость (чего, кого) *a*»; $L'a$ — «необходимость для (чего, кого) *a*»; $Уa$ — «общее, всеобщее (что, кто) *a*» или «универсальность (чего, кого) *a*»; $Y'a$ — «общее, всеобщее для (чего, кого) *a*» (другой вариант перевода $Y'a$ на естественный язык — «общее, всеобщее *y* (чего, кого) *a*»); $Б'a$ — «бесконечность, т. е. бесконечное, (что, кто) *a*» или «бесконечность (чего, кого, чья) *a*»; $G'a$ — «бесконечность для (чего, кого) *a*» или «(что, кто) *a* относительно (по отношению к) бесконечности»; $E'a$ — «единое, неделимое (индивидуум), единичное (что, кто) *a*» или «единство, единичность, единственность (的独特性), бытие индивидом (чего, кого) *a*»; $U'a$ — «единое, неделимое (индивидуум) для или против (чего, кого) *a*»; $B'a$ — «нечто, вещь (что, кто) *a*» или вещность, реальность (чего, кого) *a*; Da — «определение, ограничение (чего, кого) *a*»; $D'a$ — «определение, ограничение (чем, ком, чье) *a*». Перечисленные ценностные функции определяются табл. 5.

Таблица 5
Ценностные функции от одной переменной (продолжение)

<i>a</i>	La	$L'a$	$Уa$	$Y'a$	$Б'a$	$G'a$	$E'a$	$U'a$	$B'a$	Da	$D'a$
x	x	п	x	п	x	п	x	п	x	п	x
п	п	x	п	x	п	x	п	x	п	x	п

Глоссарий для табл. 6. Символ Ia обозначает ценностную функцию «я (что, кто) a » или «я (чего, кого, чье) a »; $\Pi'a$ — «построение (конструирование), порождение, создание (чего, кого) a »; $I'a$ — «повреждение (чего, кого) a » или «причинение вреда (чему, кому) a »; $J'a$ — «вычисление (чем, кем, чье) a »; $Y'a$ — «вычисление (чего, кого) a »; $K'a$ — «контроль (чем, кем, чей) a »; $H'a$ — «контроль над (чем, кем) или за (чем, кем) a »; $Я'a$ — «управление, правление (чего, кого, чье) a »; $N'a$ — «управление, правление (чем, кем) a »; $Ю'a$ — «наблюдение (чье), т. е. осуществляется (чем, кем) a »; $V'a$ — «наблюдение над или за (чем, кем) a ». Перечисленные ценностные функции определяются табл. 6.

Таблица 6
Ценностные функции от одной переменной (продолжение)

a	Ia	$\Pi'a$	$I'a$	$J'a$	$Y'a$	$K'a$	$H'a$	$Я'a$	$N'a$	$Ю'a$	$V'a$
x	x	x	x	x	п	x	п	x	п	x	п
п	п	п	п	п	x	п	x	п	x	п	x

Глоссарий для табл. 7. Символ Y^2a обозначает ценностную функцию «чувство (чего, кого, чье), чувственность, чувствительность (чего, кого, чья) a »; N^2a — «бесчувственность (чего, кого, чья) a »; N^3a — «чувственность (чего, кого) a как ощущимость (чего, кого) a в качестве объекта, т. е. данность a в ощущениях органов чувств»; J^2a — «неощущимость (чего, кого) a в качестве объекта, т. е. невозможность данности a в ощущениях органов чувств»; Y^2a — «невидимость (чего, кого) a »; K^2a — «беззвучность, неслышимость, бесшумность, безмолвие (чего, кого) a »; H^2a — «неосозаемость (чего, кого) a »; Φ^2a — «форма, формальное (что, кто) a , формальность, форма (чего, кого) a »; F^2a — «форма для (чего, кого) a , формирование (трансформация), оформление, оформленность (чего, кого) a »; $Ч^2a$ — «частное, т. е. не-общее, особенное, т. е. не-всеобщее (что, кто) a , частность, особенность (чего, кого) a »; Z^2a — «конечное (что, кто) a , конечность, конец (чего, кого) a ». Перечисленные ценностные функции определяются табл. 7.

Таблица 7
Ценностные функции от одной переменной (продолжение)

a	Y^2a	N^2a	N^3a	J^2a	Y^2a	K^2a	H^2a	Φ^2a	F^2a	$Ч^2a$	Z^2a
x	x	п	п	x	x	x	x	x	п	п	п
п	п	x	x	п	п	п	п	п	x	x	x

ОПРЕДЕЛЕНИЕ: ценностные функции μ и β называются *формально-аксиологически эквивалентными*, если и только если они (μ и β) принимают одинаковые ценностные значения из множества {x (хорошо); п (плохо)} при любой возможной комбинации ценностных значений (x или п) переменных. Отношение *формально-аксиологической эквивалентности* ценностных функций μ и β

обозначается символом « $\mu =+=\beta$ ». В естественном русском языке отношение формально-аксиологического тождества ($\mu =+=\beta$) выражается разными средствами, например, словами «значит», «означает», «является», «есть», иногда заменяемыми тире.

Используя данные выше табличные дефиниции ценностных функций от одной переменной, а также точное определение отношения формально-аксиологической эквивалентности « $=+=$ », легко получить следующие уравнения:

- 1) $Oa =+= ZO^1a$: объект (что, кто) a есть противоположность (для) объекта (чего, кого) a ;
- 2) $Sa =+= S^1a$: субъект (что, кто) a есть субъект (чего, кого) a ;
- 3) $O^1a =+= S^1a$: объект (чего, кого) a — субъект (чего, кого) a ;
- 4) $Sa =+= ZOa$: субъект (что, кто) a является противоположностью (для) объекта a ;
- 5) $Oa =+= ZSa$: объект (что, кто) a является противоположностью (для) субъекта a ;
- 6) $Oa =+= NSa$: объект (что, кто) a есть небытие субъектом a ;
- 7) $Sa =+= NOa$: субъект (что, кто) a есть небытие объектом a ;
- 8) $Sa =+= Ca$: субъект (что, кто) a — сознание (чего, кого, чье) a ;
- 9) $Oa =+= M^1a$: объект (что, кто) a — материя (чего, кого, чья) a ;
- 10) $\mathcal{I}a =+= Oa$: ощущение (чего, кого) a — объект (что, кто) a ;
- 11) $\mathcal{I}a =+= Sa$: ощущение (чем, кем, чье) a — субъект (что, кто) a ;
- 12) $\mathcal{I}a =+= Ma$: ощущение (чего, кого) a — материя (что, кто) a ;
- 13) $\mathcal{I}a =+= Ca$: ощущение (чем, кем, чье) a есть сознание (чего, кого, чье) a ;
- 14) $\mathcal{I}a =+= Ba$: ощущение (чем, кем, чье) a есть бытие (чего, кого, чье) a ;
- 15) $Ba =+= \mathcal{I}a$: бытие (чего, кого, чье) a есть ощущение (чем, кем, чье) a ;
- 16) $\mathcal{I}a =+= Na$: ощущение (чего, кого) a означает небытие (чего, кого, чье) a ;
- 17) $\mathcal{I}a =+= Ia$: ощущение (чего, кого) a есть иллюзия, (только) кажимость (чего, кого) a ;
- 18) $Ia =+= Na$: иллюзия, т. е. (только) кажимость (чего, кого) a означает небытие (чего, кого) a ;
- 19) $\mathcal{I}a =+= Z\mathcal{I}a$: ощущение (чем, кем, чье) a является противоположностью (для) ощущения (чего, кого) a ;
- 20) $\mathcal{I}a =+= Z\mathcal{I}a$: ощущение (чего, кого) a является противоположностью (для) ощущения (чем, кем, чьего) a ;
- 21) $Ba =+= \mathcal{I}a$: бытие (чего, кого, чье) a есть ощущение (чем, кем, чье) a ;
- 22) $Ba =+= \mathcal{I}M^1a$: бытие (чего, кого, чье) a есть ощущение материи (чего, кого) a ;
- 23) $N\mathcal{I}M^1a =+= Na$: небытие ощущения материи (чего, кого) a есть небытие (чего, кого) a ;
- 24) $Ba =+= \mathcal{I}UWa$: бытие (чего, кого, чье) a есть ощущение внешнего мира (чего, кого) a ;
- 25) $N\mathcal{I}UWa =+= Na$: небытие ощущения внешнего мира (чего, кого) a есть небытие (чье) a ;
- 26) $UWa =+= R\mathcal{I}a$: внешний мир (чего, кого, чей) a есть причина (для) ощущений (чьих) a ;

- 27) $UWa =+ = RCa$: внешний мир (чего, кого, чей) a есть причина (для) сознания (чьеого) a ;
- 28) $M'a =+ = RCa$: материя (чего, кого) a — причина (для) сознания (чьеого) a ;
- 29) $M'a =+ = RYa$: материя (чего, кого) a — причина (для) ощущений (чыхих) a ;
- 30) $M'a =+ = \mathcal{E}Pa$: материя (чего, кого) a есть объективная реальность (чего, кого) a ;
- 31) $M'a =+ = TCa$: материя (чего, кого) a есть бытие вне сознания (чего, кого, чьеого) a ;
- 32) $M'a =+ = XCa$: материя (чего, кого) a есть бытие независимо от сознания (чьеого) a ;
- 33) $M'a =+ = \mathcal{I}Cra$: материя (чего, кого) a есть ощущение реальности (чего, кого) a ;
- 34) $M'a =+ = \mathcal{V}\mathcal{I}Ca$: материя (чего, кого) a означает возможность ощущения (чего, кого) a ;
- 35) $\mathcal{I}Ca =+ = M'a$: ощущение (чего, кого) a — материя (чего, кого) a ;
- 36) $M'a =+ = \mathcal{I}Ca$: материя (чего, кого) a — ощущение (чего, кого) a ;
- 37) $Ya =+ = Ca$: ощущение (чем, кем, чье) a — сознание (чего, кого, чье) a ;
- 38) $Ca =+ = Ya$: сознание (чего, кого, чье) a — ощущение (чем, кем, чье) a ;
- 39) $\mathcal{I}Ca =+ = Na$: ощущение (чего, кого) a — небытие (чего, кого) a ;
- 40) $M'a =+ = Na$: материя (чего, кого) a есть небытие (чего, кого) a ;
- 41) $Ya =+ = Pa$: ощущение (чем, кем, чье) a есть реальность (чего, кого, чья) a ;
- 42) $Pa =+ = NIa$: реальность (чего, кого, чья) a есть небытие иллюзии (чего, кого) a ;
- 43) $Ya =+ = NIa$: ощущение (чем, кем, чье) a — небытие иллюзии (чего, кого) a ;
- 44) $Ya =+ = IIa$: ощущение (чем, кем, чье) a — иллюзия иллюзии (чего, кого) a ;
- 45) $Pa =+ = IIa$: реальность (чего, кого, чья) a есть иллюзия иллюзии (чего, кого) a ;
- 46) $IIa =+ = Pa$: иллюзия иллюзии (чего, кого) a — реальность (чего, кого, чья) a ;
- 47) $\mathcal{I}CM'a =+ = IIa$: ощущение материи (чего, кого) a — иллюзия иллюзии (чего, кого) a ;
- 48) $\mathcal{I}Da =+ = IIa$: ощущение движения (чего, кого) a — иллюзия иллюзии (чего, кого) a ;
- 49) $\mathcal{I}Da =+ = Ba$: ощущение движения (чего, кого) a означает бытие (чего, кого) a ;
- 50) $\mathcal{I}Da =+ = \mathcal{I}Pa$: ощущение движения (чего, кого) a есть ощущение противоречия в a ;
- 51) $Ba =+ = \mathcal{I}Pa$: бытие (чего, кого) a есть ощущение противоречия в (чем, ком) a ;
- 52) $\mathcal{I}Pa =+ = \mathcal{I}Da$: ощущение противоречия в a — противоречие в ощущении (чего, кого) a ;

53) *ПЩа* =+ = *Ба*: противоречие в ощущении (чего, кого) *a* означает бытие (чего, кого) *a*;

54) *Ба* =+ = *ПЩа*: бытие (чего, кого) *a* есть противоречие в ощущении (чего, кого) *a*;

55) *Ба* =+= *ПИа*: бытие (чего, кого) *a* есть противоречие в иллюзии (чего, кого) *a*;

56) $Ba =+ = PNa$: бытие (чего, кого) a есть противоречие в небытии (чего, кого) a ;

57) $Ba =+ = NPa$: бытие (чего, кого) a есть небытие противоречия в (чем, ком) a ;

58) $Pa =+ = Na$: противоречие в (чем, ком) a означает небытие (чего, кого) a .

Вычисляя соответствующие ценностные таблицы, нетрудно убедиться, что все приведенные выше уравнения верны и формально логически друг другу не противоречат, а все три непосредственно следующих ниже уравнения неверны: они представляют собой суть ошибки солипсизма, отношение « $=+ =$ » между правой и левой формулами не существует.

ОШИБКА I: ЭРа =+ Яа: объективная реальность (чего, кого, чья) *a* есть ощущение (чье) *a*.

ОШИБКА II: *UWa* == Яа: внешний мир (чего, кого, чей) *a* — ощущение (чего, кого, чье) *a*.

ОШИБКА III: $M'a = + = Яa$: материя (чего, кого, чья) a есть ощущение (чего, кого, чье) a .

Сказанное выше можно развить и углубить, дополнив модель рассмотрением некоторого множества относящихся к делу ценностных функций от *двух* переменных.

Глоссарий для табл. 8. Символ T_2ab обозначает ценностную функцию «разрушение, уничтожение (чем, кем) b (чего, кого) a »; C_2ab — «сохранение (чем, кем) b (чего, кого) a »; Π_2ab — «противоречие (чего, кого, чье) b (чemu, кому) a »; D_2ab — «движение (чем, кем) b (чего, кого) a »; R_2ab — «детерминация, причинение (чем, кем) b (чего, кого) a »; \mathcal{J}_2ab — «отражение, рефлексия (чем, кем) b (чего, кого) a »; \mathcal{I}_2ab — «ощущение (чем, кем) b (чего, кого) a »; K_2ab — «объединение, соединение (чего, кого) b и (чего, кого) a »; D_2ab — «разъединение, разделение (чего, кого) b и (чего, кого) a »; E_2ab — «отождествление ценности (чего, кого) b и (чего, кого) a ». Эти функции точно определяются табл. 8.

Таблица 8

Ценостные функции от двух переменных (продолжение)

Глоссарий для табл. 9. Символ S_2ab обозначает ценностную функцию «субъект (что, кто) b для (чего, кого) a »; O_2ab — «объект (что, кто) a для (чего, кого) b »; Ψ_2ab — «средство (что, кто) a для (чего, кого) b »; Π_2ab — «цель (что, кто) b для (чего, кого) a »; Φ_2ab — «форма (что, кто) b для (чего, кого) a »; M_2ab — «материя (что, кто) a для (чего, кого) b »; J_2ab — «причина (что, кто) b для (чего, кого) a »; W_2ab — «мир (чего, кого, чей) b для (чего, кого) a »; B_2ab — «бесконечность (чего, кого) b для (чего, кого) a »; L_2ab — «необходимость (чего, кого) b для (чего, кого) a ». Эти функции точно определяются табл. 9.

Таблица 9
Ценностные функции от двух переменных (продолжение)

a	b	S_2ab	O_2ab	Ψ_2ab	Π_2ab	Φ_2ab	M_2ab	J_2ab	W_2ab	B_2ab	L_2ab
х	х	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п
х	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п
п	х	х	х	х	х	х	х	х	х	х	х
п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п

Глоссарий для табл. 10. U_2ab — «общее, всеобщее (что, кто) или (чего, кого, чье) b для (чего, кого) a »; Z_2ab — «сознание, осознание (чем, кем, чье) b (чего, кого) a »; X_2ab — «контроль, учет (чем, кем, чей) b (чего, кого) a »; V_2ab — «насилие (чего, кого, чье) b над (чем, кем) a »; $Ю_2ab$ — «действие, воздействие (чего, кого, чье) b на (что, кого) a »; P_2ab — «алгоритм, программа (что, кто) или (чего, кого) b для (чего, кого) a »; A_2ab — «машина (что, кто) или (чего, кого, чья) b для (чего, кого) a »; G_2ab — «управляет (что, кто) или управление (чего, кого, чье) b (чем, кем) a »; F_2a — «определение, ограничение (чем, кем, чье) b (чего, кого) a »; I_2a — «измерение (чем, кем) b (чего, кого) a ». Эти функции точно определяются табл. 10.

Таблица 10
Ценностные функции от двух переменных (продолжение)

a	b	U_2ab	Z_2ab	X_2ab	V_2ab	$Ю_2ab$	P_2ab	A_2ab	G_2ab	F_2a	I_2a
х	х	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п
х	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п
п	х	х	х	х	х	х	х	х	х	х	х
п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п

Глоссарий для табл. 11. $З_2ab$ — «(истинное) знание (чем, кем, чье) a (чего, кого) b »; I_2ab — «эпистеме (episteme), т. е. абсолютно истинное (и абсолютно неизменное) знание (чем, кем, чье) a (чего, кого) b »; $Э_2ab$ — «эмпирическое (опытное) чувственное знание (чем, кем, чье) a (чего, кого) b »; $Г_2ab$ — «прагматическая (практическая), фактическая бесконечность (чего, кого, чья) b для (чего, кого) a »; Y_2ab — «эмпирическая (опытная) универсальность (чего, кого,

чья) b для (чего, кого) a ; B_2ab — «вещь (thing как противоположность для nothing), вещественное, реальное (что, кто) b для (чего, кого) a » или «вещественность, реальность (чего, кого, чья) b для (чего, кого) a »; \mathcal{B}_2ab — «единое, неделимое (индивидуум), единица, единичное, уникальное (что, кто) b для (чего, кого) a » или «единство, единственность (的独特性), индивидуальность, единичность (чего, кого, чья) b для (чего, кого) a ». Эти функции точно определяются табл. 11.

Таблица 11
Ценностные функции от двух переменных (окончание)

a	b	Z_2ab	I_2ab	\mathcal{Z}_2ab	Γ_2ab	Y_2ab	B_2ab	\mathcal{B}_2ab
х	х	п	п	п	п	п	п	п
х	п	п	п	х	х	х	п	п
п	х	х	х	п	п	п	х	х
п	п	п	п	п	п	п	п	п

Согласно данному в монографии [5] точному определению *законом метафизики (=философии) является любая такая и только такая аксиологическая форма, т. е. ценностная функция, которая принимает значение «хорошо» при любой возможной комбинации аксиологических значений своих переменных*. Иначе говоря, закон метафизики есть (по определению) ценностная функция-контанта, принимающая значение «хорошо». Если Σ есть некая аксиологическая форма, то она есть закон метафизики, если и только если $\Sigma =+=x$. В рассматриваемой нами простейшей модели данное определение алгоритично. Поэтому очень просто, вычисляя соответствующие ценностные таблицы, открывать и обосновывать все новые и новые философские (= метафизические) законы. В принципе, их количество бесконечно: поэтому давать полный список бесмысленно. Но в исследуемом специфическом контексте вполне резонно привести некоторое небольшое конечное множество примеров, относящихся к теме работы. Поэтому ниже дается список законов метафизики (= формальной аксиологии). Он невелик, но потенциально бесконечен.

59) $C_2aa =+=NT_2aa =+=x$: закон самосохранения, или небытия саморазрушения.

60) $HT_2aa =+=x$: закон невозможности самоуничтожения.

61) $H\Pi_2aa =+=x$: закон невозможности самопротиворечия.

62) $H\Delta_2aa =+=x$: закон невозможности самодвижения.

63) $HR_2aa =+=x$: закон невозможности самодетерминации.

64) $HЖ_2aa =+=x$: закон невозможности самоотражения.

65) $H\mathcal{I}_2aa =+=x$: закон невозможности самоощущения.

66) $D_2SaOa =+=x$: закон разделения объекта и субъекта.

67) $D_2YWaUWa =+=x$: закон разделения внутреннего мира (чего, кого) a и внешнего мира (чего, кого) a .

68) $D_2\mathcal{I}aJa =+=x$: закон разделения ощущения (чего, кого) a и ощущения (чем, кем) a .

69) $D_2M'aCa =+=x$: закон разделения материи (чего, кого) a и сознания (чем, кем, чьего) a .

70) $D_2M'a\Phi a =+=x$: закон разделения материи (чего, кого) a и материи для (чего, кого) a .

71) $D_2FaCa =+=x$: закон разделения осознания (чего, кого) a и осознания (чем, кем, чьего) a .

72) $E_2\Phi aCa =+=x$: закон тождества материи для (чего, кого) a и осознания (чем, кем, чьего) a .

73) $E_2BaCa =+=x$: закон тождества бытия (чего, кого) a и осознания (чем, кем, чьего) a .

74) $E_2M'aFa =+=x$: закон тождества материи (чего, кого) a и осознания (чего, кого) a .

75) $E_2YWaCa =+=x$: закон тождества внутреннего мира (чего, кого) a и осознания (чем, кем, чьего) a .

76) $E_2UWaFa =+=x$: закон тождества внешнего мира (чего, кого) a и осознания (чего, кого) a .

77) $E_2M'aUWa =+=x$: закон тождества материи (чего, кого) a и внешнего мира (чего, кого) a .

78) $E_2UWaM'a =+=x$: закон тождества внешнего мира (чего, кого) a и материи (чего, кого) a .

Итак, в наше время, систематически используя средства дискретной математики, даже на простейшем (двузначном) уровне математического моделирования легко продемонстрировать ошибочность (логическую противоречивость) солипсистской концепции мира как комплекса ощущений, не опускаясь до вульгарной браны.

Однако утверждать закон разделения «внешнего мира как комплекса ощущений» и «внутреннего мира как комплекса ощущений» вполне правомерно, если при этом слово «ощущение» в двух своих вхождениях в данное предложение имеет принципиально разные (даже противоположные) формально-аксиологические значения, точно определенные выше соответствующими ценностными таблицами. К сожалению, бессознательное отождествление этих двух различных значений, т. е. неосознанное игнорирование *омонимии* слова «ощущение» в естественном языке [6], привело к грандиозному недоразумению [1–3, 9–11]. В связи с этим особенно актуальна тенденция аналитической философии к усилению логико-лингвистической дисциплины в отношении естественного языка.

Используя данные выше табличные дефиниции ценностных функций от одной переменной, а также точное определение отношения формально-аксиологической эквивалентности « $=+=$ », путем «вычисления» соответствующих ценностных таблиц нетрудно получить следующие уравнения, проливающие свет на формально-аксиологический аспект традиционной философской проблемы существования универсалий (многовекового спора между реалистами и номиналистами [4, 14, 15, 19, 20]).

79) $Ya =+=E'a$: общее (что, кто) a есть единичное (что, кто) a .

80) $E'a =+=Ya$: единичное (что, кто) a есть общее (что, кто) a .

- 81) $Ya =+ Pa$: общее, всеобщее (что, кто) a есть реальное, т. е. вещественное (что, кто) a . (Платон, реалисты: «*Universalia sunt realia*» — «Универсалии суть реалии».)
- 82) $E'B'a =+ Ba$: единичная вещь (что, кто) a есть (истинное) бытие (чего, кого) a . (Номиналисты: «единичные вещи существуют».)
- 83) $Ba =+ E'B'a$: (истинное) бытие (чего, кого) a есть единичная вещь (что, кто) a . (Номиналисты: «существуют единичные вещи».)
- 84) $Ya =+ E'B'a$: универсалия a есть единичная вещь a (Платон, реалисты, в частности Иоанн Скотт Эригена).
- 85) $Ya =+ Ba$: универсалия a есть (истинное) бытие (чего, кого) a . (Платон, реалисты, в частности, Иоанн Скотт Эригена: «универсалии есть».)
- 86) $Ba =+ Ya$: (истинное) бытие (чего, кого) a есть общее, всеобщее (что, кто) a (Платон, реалисты).
- 87) $UM'a =+ Na$: универсалия материи (чего, кого) a есть небытие (чего, кого) a . (Номиналисты: «универсалий материи нет».)
- 88) $U\tilde{a} =+ Na$: универсалии ощущения (чего, кого) a — небытие (чего, кого) a . (Номиналисты: «универсалий ощущения нет».)
- 89) $U'a =+ ZYa$: универсальность для a — противоположность для универсальности (чего, кого) a .
- 90) $Ya =+ ZU'a$: универсальность (чего, кого) a — противоположность для универсальности для a .
- 91) $U'a =+ Na$: универсалии для (чего, кого) a — небытие (чего, кого) a . (Номиналисты: «универсалий для a нет».)
- 92) $Na =+ U'a$: небытие (чего, кого) a эквивалентно универсалиям для (чего, кого) a .
- 93) $Ba =+ NY'a$: бытие (чего, кого) a — небытие универсалий для (чего, кого) a . (Номиналисты: «универсалий для a нет».)
- По моему мнению, необходимым условием разрешения многовековой проблемы универсалий является ясное осознание различия и закономерной связи двух ценностных функций от одной переменной, выражающихся в естественном языке одним и тем же словом-омонимом «общее». Первым формально-аксиологическим значением этого слова является ценностная функция «общее (что, кто) a » или, что то же самое, «универсальность (чего, кого) a ». Вторым — «общее у (чего, кого) a » или, что то же самое, «общее для (чего, кого) a ».
- Согласно (приведенным выше) табличным определениям обсуждаемых функций справедливы следующие уравнения, устанавливающие вполне закономерную связь между упомянутыми двумя значениями слова-омонима «общее».
- 94) $Ya =+ U'Aa$: общее (что, кто) a есть общее у множества (чего, кого) a . (В этом предложении слово «общее» использовано в двух разных значениях.)
- 95) $U'a =+ U'Aa$: общее у (чего, кого) a есть единое для (чего, кого) a .
- 96) $U'Aa =+ U'a$: единое для (чего, кого) a есть общее у (чего, кого) a .
- 97) $Ya =+ U'Aa$: общее (что, кто) a есть единое для множества (чего, кого) a .
- 98) $Ba =+ BU'Aa$: бытие (чего, кого) a есть бытие общего для множества (чего, кого) a .

99) $NY'Aa =+ Na$: небытие общего у множества (чего, кого) a есть небытие (чего, кого) a .

100) $NU'Aa =+ Na$: небытие единого для множества (чего, кого) a — небытие (чего, кого) a .

Последние два уравнения выражают ту опасность для богословского учения о Святой Троице, которую увидели идеологи христианского монотеизма в номинализме Росцелина из Компьена. (Он был обвинен в «тритеизме», и его номинализм был отвергнут как ересь.) Логическим следствием предыдущих семи уравнений является пара непосредственно следующих, которая выражает суть платоновского реализма.

101) $Ba =+ Ya$: (подлинное) бытие (чего, кого) a есть универсалия (что, кто) a .

102) $Ya =+ Ba$: универсалия (что, кто) a есть (подлинное) бытие (чего, кого) a . (Иоанн Скотт Эригена: «универсалия есть».)

Если сосредоточить внимание на точно определенной выше *омонимии* слова «универсалия», на наличии у него двух *противоположных* формально-аксиологических значений (см. уравнения 90, 91), то нетрудно заметить, что список уравнений 80–103 формально-логически непротиворечив. В этом конкретном отношении спор номиналистов и реалистов представляет собой не более чем досадное логико-лингвистическое недоразумение, иллюзию спора (нарушение формально-логического закона тождества путем неосознанной подмены понятий и тезисов). Следующие ниже уравнения также не противоречат (формально-логически) приведенной выше системе уравнений, моделирующей «спор» между реалистами и номиналистами. В исследуемой формально-аксиологической интерпретации этот так называемый спор представляет собой *два параллельных монолога*, дополняющих друг друга до формально-логически непротиворечивой *синтетической* концепции универсалий и реалий (как *ценостных функций от некоторого числа ценостных переменных*).

103) $Ba =+ NYM'a$: бытие (чего, кого) a есть небытие универсалий материи (чего, кого) a .

104) $Ba =+ NY\bar{U}a$: бытие (чего, кого) a есть небытие универсалий ощущения (чего, кого) a .

105) $Ba =+ \bar{NY}a$: бытие (чего, кого) a есть ощущение небытия универсалий (чего, кого) a .

106) $Ba =+ I\bar{NY}a$: бытие (чего, кого) a есть иллюзия небытия универсалий (чего, кого) a .

107) $Ba =+ N\bar{I}Ya$: бытие (чего, кого) a есть небытие ощущения универсалий (чего, кого) a .

108) $Ba =+ H\bar{I}Ya$: бытие (чего, кого) a есть невозможность ощущения универсалий a .

109) $Ba =+ H\bar{U}a$: бытие (чего, кого) a — невозможность универсалий ощущения (чьеого) a .

110) $\bar{H}Ua =+ Ia$: ощущение универсалий (чего, кого) a есть иллюзия (чего, кого) a .

- 111) $\text{ЩУ}a =+ = Na$: ощущение универсалий (чего, кого) a — небытие (чего, кого) a .
- 112) $\text{ЩУ}a =+ = Pa$: ощущение универсалий (чего, кого) a есть противоречие в (чем, ком) a .
- 113) $Ba =+ = УЦМ'a$: бытие (чего, кого) a — универсалия ощущения материи (чего, кого) a .
- 114) $УЦМ'a =+ = Ba$: универсалия ощущения материи (чего, кого) a — бытие (чего, кого) a .
- 115) $Ba =+ = \text{ЦУМ}'a$: бытие (чего, кого) a — ощущение универсалий материи (чего, кого) a .
- 116) $Ba =+ = \text{ЦУД}a$: бытие (чего, кого) a — ощущение универсалий движения (чего, кого) a .
- 117) $Ba =+ = \text{ЦУЦ}a$: бытие (чего, кого) a — ощущение универсалий ощущения (чего, кого) a .
- 118) $Ba =+ = ПЦa$: бытие (чего, кого) a есть противоречие в ощущении (чего, кого) a , т. е. противоречивость ощущения (чего, кого) a (*амбивалентность* чувств [12, 38–124]).
- 119) $ППЦa =+ = Na$: непротиворечивость (отсутствие *амбивалентности*) ощущения (чего, кого) a означает небытие (чего, кого) a .

Важным дополнением к сказанному выше об универсалиях как *бинарных* операциях двузначной алгебры метафизики (т. е. как о ценностных функциях от двух ценностных переменных) является точно сформулированный ниже в виде уравнения алгебры метафизики (и обоснованный «вычислением» соответствующих ценностных таблиц) *закон контрапозиции универсальности* (чего, кого) b для (чего, кого) a .

120) $U_2ab =+ = U_2\text{Ч}^2b\text{Ч}^2a$: универсальность (чего, кого) b для (чего, кого) a эквивалентна универсальности частного (особенного) a для частного (особенного) b (закон контрапозиции бинарной операции «универсальность b для a »).

Пусть, по определению, вводимому данным предложением, «*эмпирическая (фактическая) универсальность* (чего, кого) a для (чего, кого) b » (обозначим ее символом $У_2ba$) есть новое название (имя) «*универсальности частного (особенного) a для частного (особенного) b* ». Тогда справедливо следующее уравнение двузначной алгебры метафизики.

121) $U_2ab =+ = У_2ba$: алетическая (в строгом смысле) универсальность, т. е. абсолютная всеобщность (чего, кого) b для (чего, кого) a эквивалентна эмпирической (опытной, фактической, практической, конечной) универсальности (чего, кого) a для (чего, кого) b .

Это уравнение устанавливает фундаментальную эквивалентность (формально-аксиологическую равноценность) метафизической (абсолютной) универсальности в смысле Платона (и реалистов) и эмпирической (относительной) универсальности законов (опытной) науки (science).

Рассмотрим теперь метафизические концепции (1) бесконечности существования и (2) существования бесконечности в их отношении к сенсуализму, т. е. исследуем взаимосвязь ценностных функций «существование», «бесконечность»

и «ощущение». Одним из результатов такого исследования является следующий список уравнений.

- 122) $Ba =+ = B'Ba$: бытие a есть бесконечное бытие a (Мелисс).
- 123) $Ba =+ = B'a$: бытие a есть бесконечность a (Мелисс).
- 124) $B'a =+ = Ba$: бесконечность a — бытие a (Мелисс).
- 125) $Ba =+ = H\bar{I}Ba$: бытие a — невозможность ощущения бытия a (Парменид, Мелисс).
- 126) $Ba =+ = H\bar{I}B'a$: бытие a — невозможность ощущения бесконечности a .
- 127) $\bar{I}Ba =+ = Z^2a$: ощущение бытия a — конечность a .
- 128) $\bar{I}a =+ = Z^2a$: ощущение a — конечность a .
- 129) $Z^2a =+ = \bar{I}a$: конечность a — ощущение a .
- 130) $Z^2a =+ = B\bar{I}a$: конечность a — возможность ощущения a .
- 131) $B'a =+ = H\bar{I}a$: бесконечность a — невозможность ощущения a .

Приведенных уравнений вполне достаточно для того, чтобы осознать метафизический источник стремления эмпирической науки к *финитизму*, т. е. источник тенденции сенсуализма к систематическому избеганию упоминаний актуальной бесконечности. Более подробное рассмотрение категорий конечности и бесконечности как *унарных* операций двузначной алгебры метафизики представлено в статье [7]. Однако в указанной статье нет рассмотрения и, в частности, точного определения *бесконечности* как *бинарной* операции двузначной алгебры метафизики (т. е. как ценностной функции от *двух* ценностных переменных), а в настоящей работе такое определение представлено в табл. 9.

Важным следствием сказанного выше о *бесконечности* как *бинарной* операции двузначной алгебры метафизики является точно сформулированный ниже в виде уравнения (и обоснованный «вычислением» соответствующих ценностных таблиц) *закон контрапозиции бесконечности* (чего, кого) b для (чего, кого) a .

132) $B_2ab =+ = B_2Z^2bZ^2a$: бесконечность (чего, кого) b для (чего, кого) a эквивалентна бесконечности конечного a для конечного b (закон контрапозиции бинарной операции «бесконечность b для a »).

Пусть, по определению, вводимому данным предложением, «*практическая (фактическая) бесконечность* (чего, кого) a для (чего, кого) b » (обозначим ее символом \mathcal{E}_2ba) есть новое название (имя) «*бесконечности конечного a для конечного b* ». Тогда справедливо следующее уравнение двузначной алгебры метафизики.

133) $B_2ab =+ = \mathcal{E}_2ba$: настоящая (в строгом смысле) бесконечность (чего, кого) b для (чего, кого) a эквивалентна практической (фактической) бесконечности (чего, кого) a для (чего, кого) b .

Это уравнение устанавливает фундаментальную эквивалентность (формально-аксиологическую равноценность) между метафизическими (абсолютной) бесконечностью и *практической, фактической (относительной) бесконечностью*, с которой люди имеют дело в повседневной жизни и в опытной науке (science).

Важным дополнением к сказанному выше (в табл. 11) о знании и (в табл. 8) об ощущении как о *бинарных* операциях двузначной алгебры метафизики (т. е. как о ценностных функциях от двух ценностных переменных) является точно сформулированный ниже в виде уравнения алгебры метафизики (и обоснован-

ный «вычислением» соответствующих ценностных таблиц) закон контрапозиции знания (чего, кого) b (чем, кем) a . Этот закон контрапозиции был опубликован автором ранее в [6, 16–18].

134) $\exists_2 ab =+ = \exists_2 M'bM'a$: (*истинное*) знание (чего, кого) b (чем, кем) a эквивалентно (*истинному*) знанию материи a (чем, кем) материальным b . Это уравнение — закон контрапозиции бинарной операции «знание (чего, кого) b (чем, кем) a ».

135) $\exists_2 ab =+ = \exists_2 Z^2 b Z^2 a$: знание (чего, кого) b (чем, кем) a эквивалентно знанию конечного a (чем, кем) конечным b . Это уравнение — еще один вариант формулировки закона контрапозиции бинарной операции «знание».

Пусть по определению, вводимому данным предложением, «*эмпирическое (опытное) знание* (чего, кого) a (чем, кем) b » (обозначается символом $\epsilon_2 ba$) есть новое название (имя) «*знания материи* (чего, кого) a (чем, кем) *материальным* b ». Тогда справедливо следующее уравнение двузначной алгебры метафизики.

136) $\exists_2 ab =+ = \epsilon_2 ba$: настояще (*истинное*) знание (чего, кого) b (чем, кем) a эквивалентно *опытному (эмпирическому) знанию* (чего, кого) a (чем, кем) b .

Это уравнение (точнее его конъюнкция с уравнением $I_2 ab =+ = \exists_2 ab$) устанавливает фундаментальную эквивалентность (формально-аксиологическую равнозначенность) абсолютно истинного знания в смысле эпистеме (episteme) и относительно истинного эмпирического знания, в частности опытной науки (science). Данное уравнение оправдывает эмпиризм, точнее содержащееся в эмпиризме «зерно истины». Более того, по сути своей это *уравнение преодолевающее конфликт между эмпиризмом и рационализмом, точно формулируя условие их тождества* (формально-аксиологической эквивалентности), каковым является *контрапозиция*. Тождество и различие — понятия относительные: утверждения об абсолютном различии знания и ощущения и об их абсолютном тождестве суть утверждения ложные (или бессмысленные). В настоящей работе, в частности в уравнении, приведенном ниже, утверждается *относительное тождество* знания и ощущения — их формально-аксиологическая эквивалентность, т. е. их тождество в строго определенном формально-аксиологическом отношении (а не вообще). Более того, обсуждаемое тождество знания и ощущения является не безусловным, а условным. Условием этого тождества является контрапозиция (точно определенная выше).

137) $\exists_2 ab =+ = \exists_2 ab$: (*истинное*) знание (чего, кого) b (чем, кем) a эквивалентно *ощущению* (чего, кого) a (чем, кем) b .

Это уравнение оправдывает сенсуализм, точнее содержащееся в сенсуализме «зерно истины». Более того, по сути своей это уравнение преодолевает конфликт между сенсуализмом и рационализмом, точно формулируя условие их тождества (формально-аксиологической эквивалентности), каковым является *контрапозиция*. Согласно парадигме, сформировавшейся со времен Парменида, Пифагора, Платона, *ощущение не есть знание, а знание не есть ощущение; отождествление знания и ощущения недопустимо*: они суть взаимоисключающие противоположности. В каком-то смысле это верно. Если обсуждаются только *унарные* операции «*знание* (чего) a » и «*ощущение* (чего) a », то при

поверхностном знакомстве с темой (в первом приближении) дело обстоит именно так (в некотором отношении), что и было зафиксировано на заре человеческой культуры – в философии Античности. Однако при более глубоком исследовании темы (во втором приближении) дело обстоит иначе (в некотором другом отношении), что и было зафиксировано в настоящей статье. Если обсуждаются *бинарные* операции «знание (чего) *b* (чем, кем) *a*» и «ощущение (чего) *a* (чем, кем) *b*», то можно и нужно говорить об их метафизическом (=формально-аксиологическом) тождестве. Установить это тождество легко (в чисто техническом отношении): нужно просто «вычислить» соответствующие ценностные таблицы (функции) и сравнить результаты «вычислений», имея при этом в виду данную выше дефиницию отношения формально-аксиологической эквивалентности.

Итак, основной вывод данной работы: существует некоторое строгое определенное отношение (а именно формально-аксиологическое), в котором существует некоторое точно определенное условие (контрапозиция), при котором *дискретные математические модели сенсуализма и рационализма эквивалентны*. Научная новизна этого тезиса очевидна. Его точная формулировка дана выше. Строгое обоснование этого тезиса также представлено выше. То, что некоторые из приведенных выше тождеств, отличающихся научной новизной, *кажутся парадоксальными, противоречащими интуиции и «здравому смыслу»*, является *закономерно возникающей логико-психологической иллюзией* (логико-лингвистическим недоразумением). Чтобы эту иллюзию рассеять, необходимо систематическое использование логико-методологического принципа, известного под *условным* названием «Гильотина Юма». Учитывая ограниченный объем статьи, не будем приводить в ней точную формулировку названного «принципа Юма», а отошлем читателя к публикациям [5, 8], в которых такая формулировка дана вместе со всеми относящимися к делу разъяснениями.

-
1. Авенариус Р. Критика чистого опыта. Изд. 2-е, испр. М., 2008.
 2. Беркли Дж. Сочинения. М., 2000.
 3. Кондильяк Э. Трактат об ощущениях // Кондильяк Э. Соч. : в 3 т. М., 1982. Т. 2. С. 189–399.
 4. Котарбиньский Т. Спор об универсалиях в Средние века // Котарбиньский Т. Избр. произведения. М., 1963. С. 410–415.
 5. Лобовиков В. О. «Ницшета философии» и ее преодоление «цифровой метафизикой». Екатеринбург, 2009.
 6. Лобовиков В. О. Фундаментальное обобщение формально-логической концепции «пропозициональных установок» Бертрана Рассела и Яакко Хинникки в двузначной алгебре формальной аксиологии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. Вып. 10. Екатеринбург, 2010. С. 108–131.
 7. Лобовиков В. О. Финитизм Д. Гильберта, «наивный финитизм» Л. Кронекера и метафизика элеатов (Парменида и Мелисса) с точки зрения двузначной алгебры формальной этики // Философия науки. 2009. № 4 (43). С. 34–46.
 8. Лобовиков В. О. Учение Парменида и Мелисса о небытии движения и «гильотина Д. Юма» с точки зрения двузначной алгебры метафизики // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2011. № 2 (14). С. 130–138.

9. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч. : в 3 т. М., 1985. Т. 1; Т. 2. С. 3–201.
10. Max Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 2005.
11. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1993. Т. 2.
12. Фрейд З. Totem и табу. СПб., 2010.
13. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Минск, 1998.
14. Carré M. H. Realists and nominalists. London, etc., 1946.
15. Landesman Ch. (Ed.) The problem of universals. N. Y., 1971.
16. Lobovikov V. Episteme and scientific knowledge as significantly different evaluation-functions in algebra of metaphysics (a law of contraposition of the two functions in metaphysics algebra) // Metaphysics 2009. Proc. of 4th World Conf. (Rome, Nov. 5–7, 2009). Madrid, 2011. P. 565–574.
17. Lobovikov V. Science, episteme and mathematical ethics (A law of contraposition of episteme in algebra of formal ethics) // Abstracts of 14th Intern. Congr. of Logic, Methodology and Philosophy of Science (July 19–26, France). Nancy, 2011. P. 147–148.
18. Lobovikov V. Discrete Mathematical Representing the Value of Knowledge// Epistemology: Contexts, Values, Disagreement. Papers of the 34th Intern. Wittgenstein Symp. Kirchberg am Wechsel: Austrian Ludwig Wittgenstein Society. 2011. P. 175–177.
19. Loux Michael J. (Ed.) Universals and particulars: readings in ontology. Notre Dame, 1976.
20. Penner Terry. The ascent from nominalism: Some existence arguments in Plato's middle dialogues. Dordrecht, 1987.

Рукопись поступила в редакцию 29 ноября 2011 г.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.25 + 316.28

Е. Г. Трубина

МОБИЛЬНОСТЬ И СЕДЕНТАРИЗМ В СОЦИАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются исследования мобильности, осуществляемые в социальной теории последнего десятилетия в рамках провозглашенного английским социологом Д. Урри «поворота к мобильности». Основания социальной теории пересматриваются сторонниками данного поворота с помощью таких концептуальных новаций, как понятия «мобильность» и «седентаризм». Цель статьи – показать сложности соединения этих понятий с уже существующими линиями мысли, в частности с пониманием трансформаций публичной сферы в век информационных технологий.

Ключевые слова: мобильность, седентаризм, движение, материальность, приватное и публичное, публичная сфера.

Одна из главных проблем, возникающих перед нами, когда мы начинаем задумываться над существом масштабных социолого-теоретических очерков и появляющихся в социальной теории новых парадигм и «поворотов», это сведение социального и исторического разнообразия к новым, волнующим, но далеко не всегда продуктивным и реалистичным обобщениям. У значительной части социальной теории достаточно короткая историческая память: два-три последних столетия, анализируемых в теоретических портретах модерности, второй модерности и т. д., которые рисуют сегодня Ульрик Бек, Скотт Лэш и др., составляют лишь выгодный фон для того, чтобы эффектно оттенить последние и, как нередко считается, беспрецедентные социальные изменения. Одним вектором таких изменений считается нарастание географической и виртуальной мобильности людей и вещей. Обобщения социальной теории нередко приводят как к исчезновению различий между уровнями социальных образований, так и к упрощенному изображению предшествующих эпох и достигнутых в их рамках концептуальных завоеваний.

Исследования мобильности

Активно осуществляемые в последнее десятилетие исследования мобильности описываются их инициаторами как радикально переосмысливающие философские и социологические теории по той причине, что они не ставят в центр внимания движение. Однако радикальность тех или иных сдвигов парадигм в социально-гуманитарном знании, при всей ее психологической привлекательности, часто преувеличивается. Так, «поворот к мобильностям» в социальной теории, провозглашенный английским социологом Джоном Урри [26], сложно отделить от общего постструктуралистского концептуального движения 1980–2000 гг., которое для одних ассоциируется с деконструкцией Деррида, для других — с «детерриториализацией» и «номадами» Делеза и Гваттари, для третьих — с «текучей» модернностью Баумана. Отказ от дихотомичного противопоставления внешнего и внутреннего и от мышления в терминах центра — периферии в пользу реляционного мышления привел к попыткам описать сети и потоки. Последние — как метафора — важны тем, что у них нет исходной или конечной точки, поэтому они позволяют мыслить движение в его материальности, но без преувеличения его направленности и управляемости. Социальные связи объединяются в сети, которые перемещают потоки товаров, денег, людей и идей. Вместе с тем различные виды движения людей, вещей, информации и идей не могут беспроблемно стать предметом исследования, они требуют перефокусировки социального знания и специфической методологии.

В ходе рассматриваемого поворота складывается представление о социальном мире как об образованном множественными и пересекающимися системами мобильности. Оно тесно связано с «пост-человеческим» взглядом на этот мир, согласно которому движения вещей следует рассматривать не как подчиненные человеческой воле, а как соучаствующие в человеческих практиках. Ряд социальных географов и геологов рассматривают не только мобильность людей и коллективов, но и движение «не-человеческих» участников трансформации земного ландшафта, в частности, растений, расселяющихся по континентам в соответствии с отнюдь не очевидной логикой [5]. Насколько поощряет мобильность сама природа? Исторические нарративы колонизации часто изображают дело так, что поселенцы принесли с собой семена новых растений, приручили животных, преобразуя первозданную, уже существовавшую природу. Под влиянием акторно-сетевой теории географы и антропологи пересматривают эти нарративы, показывая, что расселение живых существ, людей и растений шло в самых разных направлениях, и далеко не всегда колонизаторы могли предвидеть, чем обернется дело. На этот случай в масштабных описаниях колонизации, включая преобразование колонизаторами нетронутой природы, есть другой часто встречающийся объяснительный прием: природное равновесие было нарушено, и расплата была неминуема.

Но так ли уж дорожит природа равновесием? Таким вопросом задаются сегодня теоретики мобильности. «Если в “природе” жизни — держаться родной почвы, то почему в любом направлении таксономического спектра дома есть

биологические виды, что так и рвутся к перемещению?» [7, 112]. Достаточно вспомнить сорняки и усилия, которые повсеместно (и со скромными результатами) предпринимаются по спасению от них. Взаимодействие растительной природы с окружающей средой осмысляется в современной экологии с учетом того, что далеко не все экосистемы развиваются в направлении стабильных сообществ [10]. Напротив, как показал в последние двадцать-тридцать лет ряд экологов, природные перемещения либо возмущения столь же значимы для существования экосистем, как и стабильность [5]. Разного масштаба извержения вулканов, эпидемии, штормы, пожары способствуют тому, что многие экосистемы представляют собой своего рода лоскутные одеяла, объединяющие старые и стабильные и только что потревоженные участки, а стабильные и уравновешенные экосистемы в целом представляют собой скорее исключение [25, 5]. После природных потрясений первыми приходят невзыскательные микроорганизмы, растения и животные, которым все годится, а именно все немногие оставшиеся доступными жизненные ресурсы: они, пользуясь тем, что более капризные биологические соперники уничтожены, с невероятной скоростью воцаряются на больших пространствах, оживляя поврежденную землю.

Акторно-сетевая теория Б. Латура и его последователей стимулировала появление многих интересных исследований. Переосмыслены не только история колонизации всех континентов, эволюция природы, но и природа агентов мобильности. Среди таковых рассматриваются, к примеру, байты информации.

Идеи К. Хэйлз, Ф. Киттлера и многих других исследователей, призывающих отказаться от «гуманистической» парадигмы, ставящей человека в центр исследования любых процессов, сегодня используются для описания процессов, в которых на равных участвуют люди и вещественная оснастка информационных технологий. Мобильным видится все, и прежде всего, повторим, потоки информации. Один из упомянутых авторов справедливо подчеркивает, что в «высокоразвитых и сетевых обществах, например в США, человеческое сознание составляет лишь вершину огромной пирамиды потоков данных, большая часть которых перемещается между машинами» [13, 161].

Джон Урри, большой мастер разнообразных связанных с движением остроумных перечней и типологий, выделяет следующие типы мобильности, которые в равной степени относятся к людям и вещам: 1) удержание на месте (заключенный, зажатая между другими машина, постер, риторическая фигура); 2) прикрепленность к месту (страдающий агорафобией человек, здание, библиотечная книга, чувство места); 3) времененная остановка (посетитель, машина в гараже, граффити, презентация); 4) портативность (младенец, ноутбук, сувенир); 5) часть мобильного тела (зародыш, ipod, удостоверение личности, дизайнерская марка); 6) протез (помощник инвалида, контактные линзы, бедж с именем, гендер); 7) компонент мобильной системы (водитель, дорога, расписание, скорость); 8) основанность на коде (киборг, Blackberry, цифровой документ, компьютерный вирус) [6, 100].

Главное, чем важна «парадигма новых мобильностей», как еще именует ее Урри, это возможность их интерпретации в качестве образований, заданных множественными вариантами движения, ритмов и скорости. Движение повсе-

местно, пронизывая материалы, места, пространства, настаивает Урри, выделяя четыре смысла понятия «мобильный» или «мобильность». Во-первых, это что-то движущееся или способное к движению (мобильный телефон, мобильный человек, передвижные госпиталь или кухня, дом на колесах). Мобильность — это свойство вещей и людей, осмысливаемое в основном позитивно [27, 7]. Во-вторых, это неуправляемая толпа, неуправляемая именно в силу своей подвижности, способности выйти из-за границ, а потому нуждающаяся в наблюдении и регулировании. Современность порождает все новые, «умные» толпы и «множества», для сдерживания которых используются все более изощренные средства надзора. В-третьих, в традиционной социальной теории термин используется для обозначения перемещения индивида с одной социальной позиции на другую, которые, в свою очередь, мыслятся как четко отделенные друг от друга. Социальная мобильность, таким образом, может быть восходящей или нисходящей. Если этот вариант понимания мобильности метафорически фиксирует карьерный рост как вертикальный, то четвертый, напротив, сосредоточен на миграции и других вариантах географического перемещения людей, а потому может быть сочен горизонтальным. Стремление к лучшей жизни от века побуждало людей к пересечению больших территорий, но сегодня миграция беспрецедентно интенсивна [Там же, 8; 21].

В нескольких книгах, что Урри посвятил мобильности, он оперирует широким спектром понятий, образов и метафор, включающим сети, жидкости, потоки, сложность, мобильные гибриды, ризомы, детерриториализацию, для того, чтобы показать, каким образом разные виды движения (образов, информации и т. д.) и путешествий (воображаемых, виртуальных, телесных и вещественных) материально преображают «социальное как общество» в «социальное как мобильность», включая современную социологию в движение в «пост-социальном» направлении [26, 186]. Поворот к мобильностям социолог связывает с определением степени, размаха и последствий телесных, воображаемых и виртуальных передвижений самого разного плана — на работу, на отдых, чтобы избежать насилия, чтобы поддержать свою диаспору. В фокусе внимания, во-первых, то, как перемещения людей и передача сообщений, информации и образов накладываются друг на друга и соединяются, и, во-вторых, как физические и виртуальные перемещения связаны с социальной мобильностью, подтверждая статус и обладание властью в одних случаях и порождая социальную исключенность в других.

Исследования мобильности, открывавшие много нового в отношениях людей и вещей, тесно связаны с критикой традиционной социальной теории за ее слепоту в отношении разных видов движения в социальном пространстве. В «Социологии помимо обществ» Урри [Там же] противопоставил традиционную социологию, базирующуюся, по его мнению, на статичных структуре и социальном порядке, и мобильную социологию, которая должна основываться на движении, мобильности и случайном упорядочении. Если традиционная социология рисует картину мира как поделенного на национальные государства, то это и антропологов, и урбанистов, и иных специалистов побуждает мыслить в терминах стабильных структур. Дело, однако, заключается не только в том,

чтобы подробно описать самые разнообразные варианты мобильности (чем многие исследователи сейчас увлечены). Важно сделать акцент на мобильности стимулом к *новому мышлению* о социальном мире, такому, которое бы не «вычитало движение из картины», по выражению канадского философа Брайана Массуми [18, 3].

Перечислим основные составляющие этого нового мышления. Во-первых, социальные науки должны стремиться зафиксировать мир как подвижный и текучий, а не как стабильный. Во-вторых, социальный мир образован разнородной множественностью времен и пространств. В-третьих, социальные науки должны исходить из того, что социальность составляют как человеческие, так и нечеловеческие силы, а технология и общество взаимозависимы. В-четвертых, социальным наукам необходимо избавиться от «контейнерного» мышления, в частности от описания мира как поделенного на национальные государства. В-пятых, социальные практики — главное в обществе. В-шестых, эмоционально-аффективная составляющая социальной жизни должна в теоретических описаниях последней занять подобающее место.

Анализируя эти составляющие, обнаруживаем, к примеру, что тезис о подвижности и текучести социального мира отнюдь не нов. «То, что “все вещи изменяются”, представляет собой первое смутное обобщение, которое было сделано несистематической и еще далекой от аналитичности человеческой интуицией. Это тема лучших образцов древнееврейской поэзии в Псалмах; как фраза Гераклита она выступает одним из первых обобщений древнегреческой философии... и вообще на всех стадиях цивилизации воспоминание об этом способно вдохновлять поэзию», — справедливо пишет английский философ Альфред Уайтхед, подробно исследовавший понятия процесса, протекания и креативности [3, 293]. Дело в том, чтобы, во-первых, само мышление и метафоры, в которых оно фиксируется, сделать динамичными, а во-вторых, критически выявить общепринятые представления о подвижности и неподвижности, понять их связь с моралью и политикой.

В этом отношении можно согласиться с теми авторами, что пытаются разграничить понятия движения и мобильности, в частности Тимом Крессвелом, [8], и именно последнее сделать инструментом анализа различных вариантов пересечения подвижных (и неподвижных) людских тел и представлений о подвижности, что то или иное общество поощряет. Почти любое движение, совершающееся в социальном мире, имеет тот или иной смысл, но анализ того, как именно различные его варианты осмысливаются и становятся предметом тех или иных политических и социальных репрезентаций, сегодня видится отдельной и насущной задачей. Если «движение» может быть сведено к простому перемещению, если его можно представить как перемещение из точки А в точку Б, то разговор о «мобильности» позволяет проанализировать, как данная траектория связана с властью, материальностью и той или иной метафизикой [Там же, 2–3]. Это вполне допустимая (и последовательно Крессвелом в его книге проведенная) точка зрения, однако здесь возникает проблема, с которой мы часто сталкиваемся, оценивая те или иные концептуальные различия либо нововведения. Движение — настолько многозначный термин, что сведе-

ние его к перемещению (что дает возможность именно «мобильность» увязать со «свободой, трансгрессией, креативностью, самой жизнью» [8, 3]) оставляет без ответа вопрос о том, что делать, к примеру, с «политическими движениями». Переименовать их в «политические мобильности»? Другая возникающая здесь сложность состоит в том, что инерция словоупотребления препятствует ассоциированию «аффективной», эмоциональной составляющей социальной жизни именно с «мобильностью». Ведь мы описываем свои чувства, в частности состояние растроганности или затронутости, с помощью связанных с движением метафор (что еще отчетливее можно проследить в английском языке, в котором «я был глубоко тронут» передается как «I was deeply moved», т. е., если буквально, «двинут»). Возможно, попытки *мобильно* мыслить социальный мир посредством новых теорий должны быть сильнее и точнее увязаны с драгоценными интуициями естественного языка.

Критика седентаризма

Естественный язык в то же время запечатлевает социальные предпочтения и предрассудки, и если мы сравним ситуации, в которых употребляются такие выражения, как «перекати поле», «космополит», «голь перекатная», «мигрант», с теми, в которых царит «стабильность», то заподозrim, что в наших представлениях о социальной жизни мы часто неосознанно предпочитаем то, что находится (и остается) на своем месте, тому, что движется (и меняется). Седентаризм, т. е. точка зрения, отдающая предпочтение оседлому и неподвижному образу жизни перед кочевым и подвижным, популярен, и тому много причин.

Упомянем, в частности, что в период модерности сложилось воображаемое противопоставление познания и движения, т. е. уравновешенного и находящегося в покое разума и перемещающегося тела. В то же время некоторые мыслители самим образом жизни свидетельствовали о сложности сочетания практик мышления и разных видов движения: не покидавший Кенигсберга Иммануил Кант запомнился согражданам регулярными прогулками. Хождение мыслилось его современниками как удел простолюдинов, а возможность добраться до цели иными средствами свидетельствовала о более высоком социальном статусе. Вордворд, Рескин и другие романтики прославили зоркость, необходимую, чтобы должным образом воспринимать красоту Озерного края, и тем способствовали воцарению зрения как главного способа контакта с миром. Американский автор Ребекка Солнит, автор интересной книги о гулянии и ходьбе, убеждена, что первым событием, приведшим к тому, что ходьба сегодня так непопулярна, было торжественное открытие в 1830 г. первой междугородней пассажирской железной дороги между Манчестером и Ливерпулем [24, 256]. Воспетые Нестором Кукольником первые российские поезда, которые с 1837 г. стали курсировать между Петербургом и Царским Селом («Дым столбом — кипит, дымится Пароход... Пестрота, разгул, волненье, ожиданье, нетерпенье... Православный веселится наш народ...»), также привели к тому, что люди отныне предпочитали добираться до места сидя и беседуя. Пространство, понятое как вместилище, в котором тело и дух могут оставаться

в покое, положившись на силу зрения, — такое подспудное отношение к пространству сформировалось, как ни парадоксально, с развитием железнодорожного транспорта, сделавшим возможными путешествия, в ходе которых путешественников движение как таковое не интересовало. Они стремились к пунктам назначения, удобно расположившись в вагоне.

По мнению шотландского антрополога Тима Ингольда, тот факт, что мы последние 200 лет живем в «сидящем обществе», «как нельзя лучше иллюстрирует ценность, придаваемую седентарному восприятию мира, опосредованному предполагаемо превосходящими все другие чувства зрением и слухом и не нарушенному тактильным или синестетическим ощущением ног» [5, 323]. Так что, заключает он, для обитателей современных городов характерна беспочвенность: их не только все время что-нибудь отделяет от земли, будь то асфальт, стул или подошвы ботинок, но они почти не ходят, а потому лишены возможности познания мира в движении.

Однако скажем без обиняков: мало ли куда и как далеко люди могут зайти, если дать им волю. Это хорошо понимали и понимают все правители. К слову сказать, многие авторитарные и тоталитарные лидеры были домоседами. По словам французского философа Режи Дебрэ, «у деспотов социал-феодализма были оседлые души. Как правило, великие пааноики говорили только на родном языке. Неотрывным от своей почвы, им недоставало любопытства в отношении других, какого-то импульса бросить им вызов либо смешаться с ними. Автократы боятся путешествовать, съеживаясь от дезориентации и сомнительных встреч» [9, 25].

Необходимость эффективного управления передвижением населения, безусловно, нередко самым опосредованным образом, но все же отражалась в социальной теории. Движение и поток, возможно, потому долго входили в «слепое пятно» социальной теории, что отождествлялись с животным, инстинктивным, иррациональным и примитивным [4, 38]. Антрополог Мэри Дуглас в работе «Чистота и опасность» показала, что мы считаем «грязью» те предметы и тех людей, что сходят со своих мест, нарушая привычный порядок вещей. Антрополог Лииса Малки, развивая эти идеи в книге «Чистота и изгнание» [16], показывает, какую сомнительную роль в современном коллективном воображении играет метафора дерева. Она преобладает в описании отношений человека с местом: укорененность приветствуется, а люди-«перекати-поле» порицаются: «Наши седентаристские допущения о привязанности к месту приводят к тому, что мы определяем перемещение не как факт социополитического контекста, но как внутреннее патологическое качество перемещенных» [17, 62]. «Седентаристская метафизика» проявляется в отношении ко всем, кто выпадает из своей нации в силу исторических событий или случайностей судьбы, ведь именно нация составляет сегодня преобладающий режим классификации, об разуя «национальный порядок вещей». По Малки, это обитание в постоянном месте «мыслится как норма, а глобальный социальный факт, что сегодня, больше, чем когда-либо, люди хронически мобильны и привычно перемещены, изобретая дома и родину в отсутствие территории», недооценивается [Там же, 52].

Упомянутая выше, в разборе идей Джона Урри, «пост-социальная» мобильная социология учитывает, что продолжающееся ассоциирование социального с национальным государством способствует воспроизведству седентаристской метафизики. Она возникла и укрепилась по мере того, как контроль за перемещением людей, возможность которого была одной из предпосылок промышленной революции, стал частью социального порядка, поддерживаемого буржуазными государствами. Разные варианты «огораживания» поставляли заводам рабочих, но их мобильная армия удерживалась в рамках национальных границ, которые свободно пересекали торговцы и колонизаторы. Сложилось понимание того, что некоторые виды движения разрешены и поощряются, тогда как другие ограничены либо запрещены: толпам рабочих разрешалось добираться до другого завода, тогда как колонизаторы садились на корабли, оставляя дома семьи, благополучие которых базировалось на владении землями, понятно, предполагающем многолетнюю укорененность. Само английское написание слова «толпа» (*mob*, что в XVII–XVIII вв. обозначало «чернь», «простой народ», «сброд») напоминает о том, как неразрывно модная сегодня «мобильность» связана с социальными различиями. Когда мы читаем сегодня, в описании «позднего» капитализма Ф. Джеймисоном, что новые коммуникационные технологии усиливают мобильность капитала, который словно теряет вес и определенное местонахождение, либо, в описании текущей модерности З. Бауманом, что это капитал мобилен, тогда как бедность часто остается оседлой, полезно помнить, что ограничение мобильности низших классов и поощрение мобильности денег сложилось, по сути, несколько веков назад.

Антropолог Лииса Малки говорит о седентаристской метафизике, описывая опыт беженцев и то, как к ним относятся и в правительственные инстанциях, и в повседневных местах. «Контейнерное» мышление о мире как поделенном на единицы, обладающие строго очерченными границами [2, 18, 80, 184, 196], оборачивается поощрением укорененности и подозрительностью к странничеству. Соответственно «мобильная», или «номадическая», метафизика в теоретическом осмыслиении общества долгое время занимала второстепенное место, становясь основанием либо романтизации путешествий и подвижности, либо встречающихся сегодня в изобилии абстрактных характеристик современного мира как открытого, пронизанного потоками и перемещениями мобильных субъектов. В более общем плане можно сказать, что как работа с метафорами «места» и «дома» могла обернуться забвением социально-классовых и культурных различий между укорененными оседлыми людьми, так и теоретическая увлеченность «потоками», «номадизмом», «транснационализмом», «туризмом» и различными иными проявлениями мобильности вызывает критику тех теоретиков и исследователей, которые видят свою задачу в том, чтобы точки зрения «недопредставленных» в прошлом общностей и субъектов были учтены в западных дискуссиях. Так, постколониальные теоретики обоснованно критиковали тенденцию прославлять мобильность за ее «сверх-обобщенный характер» [22, 4], за деконтекстualизацию и упрощение различий, за забвение того, что не все предпринимаемые людьми путешествия добровольны: «Проблема с такими терминами, как “номад”, “карта” и “путешествия”, в том, что

они обычно не локализованы и потому целенаправленно подчеркивают беспочвенное и неограниченное движение, поскольку связаны с сопротивлением использованию понятий «Я», зрителей, субъектов. Но вытекающее отсюда допущение о свободной и равной мобильности — само по себе обманчиво, поскольку доступ к дороге у нас в всех неодинаковый» [11, 253].

Мобильное, публичное и приватное

Авторы, настаивающие на том, что в новых теоретических очерках «мобильность» должна прийти на смену «обществу», понимают, что включаются в политически-нагруженный проект социальной теории, но возникает такое впечатление, что иногда они недооценивают двусмысленность своих призывов. К примеру, в глобализованном мобильном мире не прикрепленного к какому-то месту капитала все сложнее становится проводить границы между приватным и публичным, будь это граница между рынком и государством или между интересами корпораций и общественности. Неолиберальное понимание данного различия — в пользу распространения частной, приватной, рыночной рациональности на все сферы жизни общества на том основании, что в прошлом общественность и государство слишком сильно покушались на частные интересы, на приватную сферу. С другой стороны, обоснованно раздаются голоса о том, что это как раз приватные интересы безраздельно подчинили себе публичную сферу, а государство, также став экономическим агентом, предало забвению общественные интересы. Урри с соавтором, также теоретиком мобильности Мими Шелер, последовательно проводя свой дестабилизирующий все и всяческие границы подход, вроде бы логично призывают, с помощью своей теории мобильности, продолжать дестабилизировать границы между публичным и приватным [23]. Их главный довод состоит в том, что, говорим ли мы о границах между публичностью и приватностью, между публичными и приватными сферами, жизнью, интересами, мало того, что эти границы сложно провести, но эти понятия вряд ли полезны в осмыслиении политических действий, также сегодня мобильных и текучих. Заметим, что похожее наблюдение сделал другой теоретик мобильности и скорости — Поль Вирильо, который также убежден, что скорость, стоящая в центре современной цивилизации и политики, — скорее их негативная характеристика. Увеличивается ведь и скорость принятия политических решений, так что на убеждение граждан и выслушивание их мнений ни у кого сегодня времени нет. Скорость дробит политическое сознание до такой степени, что современный человек не способен ни с кем и ни с чем отождествиться, когда пытается осмыслить свою социальную жизнь.

Урри и Шелер подвергают критике «статические» теории публичной сферы, развитые Юргеном Хабермасом и Ханной Арендт, в том числе известные аргументы Арендт об экспансии «социального» и Хабермаса о «колонизации жизненного мира», все на том же основании: все в современном мире подвижно и текуче, в том числе и «моменты публичности и приватности» [Там же, 108]. В качестве примера авторы обоснованно рассматривают уличные протес-

ты, подчеркивая, что «умножение анти-капиталистических, анти-глобализационных социальных движений возникло в контексте новых мобильностей тел, капитала, объектов, денег, информации и образов. Такие фрагментированные и текучие темпоральности публичного и приватного превосходят любое простое понятие размывания границ или колонизации — это больше похоже на “креолизацию”» [23, 121]. Это сильный и правомерный аргумент, но он, однако, возвращает нас к тезису, сформулированному в начале статьи. Тезис, если его переформулировать, состоит в том, что иногда «цена» радикальных концептуальных новшеств повышается их энтузиастами за счет пренебрежения историческими различиями и деталями либо, как в данном случае, не совсем точного изображения «устаревших» теорий.

Доказательность аргументу Урри и Шелер придает утверждение о том, что предшествующие теоретики публичной сферы работали со статичными представлениями о пространстве (подтверждением чего, с их точки зрения, является то, что Арендт писала об агоре, а Хабермас — о кофейнях). Сегодня, продолжают они, идеи ограниченного пространства не работают, значит, нужно искать соответствующие мобильному пространству представления о публичности и приватности: «Мы считаем, что гибридизация публичного и приватного более распространена, чем ранее считалось, и происходит более сложными и подвижными путями, чем те, что способна зафиксировать любая региональная модель понимания публичного и приватного как отдельных сфер. Любая надежда на публичное гражданство и демократию будет поэтому зависеть от способности работать с этим новым материалом — мобильными мирами, не публичными и не приватными» [Там же, 113]. Но последний тезис повисает в воздухе, потому что теоретики публичной сферы и не мыслили ее как тождественную материальному публичному пространству: так, Арендт специально оговаривала, что истинное пространство публичной сферы лежит между людьми, произрастая из их совместного действия и обсуждения [1] Точно так же Юрген Хабермас, посвятивший столько усилий демонстрации языкового конституирования публичной сферы, связывал его со столкновениями и диалогом людей, взаимно признающих коммуникативную свободу друг друга, что, как мы понимаем, может происходить в Сети и других «мобильных» местах, прославляемых теоретиками мобильности как эмблемы принципиально изменившегося мира. Более того, публичная сфера понимается Хабермасом не на основе пространства, а на основе сети, т. е. понятия, которое теоретики новой мобильности Урри и Шелер ставят в центр своей теории: «Публичная сфера представляет очень сложную сеть, разрастающуюся во множество пересекающихся международных, национальных, региональных, локальных и субкультурных арен. Функциональные уточнения, тематические фокусы, политические поля и т. д. образуют опорные точки для дифференциации публичных сфер, сохраняющих, однако, доступность для простых людей» [12, 373].

Внушительность мобильных штудий Урри увеличивают разнообразные перечни либо типологии мобильности, приведенные выше. Однако мишени его и Шелер критики, Арендт и Хабермас, посвятившие десятилетия работе с теориями публичности, также были мастерами отличных типологий, в которых,

по-моему, прекрасно учтены мобильность, случайность и многофункциональность гражданских собраний. Так, Хабермас различает «эпизодические» публики (могут возникнуть где угодно), «случайные» публики (возникающие, когда люди собираются на площадях либо на концертах, т. е. когда они включаются в жизнь каких-то культурных или политических институтов) и «абстрактные» публики (удерживаемые воедино массмедиа) [12, 374]. Он также упоминает «литературные», «эклезиастические», «феминистские» публики, а также такие особые публики, главной заботой которых являются политика здравоохранения, социальная политика или экологическая политика [Там же, 373–374].

Еще одно критическое по отношению к этой позиции Урри и Шелер соображение может быть почерпнуто в работах другого теоретика — американского марксистского географа Дона Митчелла, одну из ранних своих работ посвятившего «разрушительной» мобильности сельскохозяйственных рабочих Калифорнии [19, 58–88], а в рассматриваемом нами контексте особенно значимого в силу настойчивости, с какой он отстаивает материальность как предпосылку публичности. Он напоминает, что господствующий в обществе порядок защищает интересы тех, кто владеет частной собственностью и кто боится выплесков общественного недовольства на улицы. Но как можно бросить вызов существующему социальному порядку, если не сделать это публично и в составе той или иной группы? Так, в США активная и видимая на городских улицах борьба за гражданские права в 1960-е гг. привела к изменению федерального законодательства.

Дон Митчелл обоснованно утверждает, что демократия требует публичной видимости, а публичная видимость требует материального публичного места [20]. Так что при всем происходящем сегодня перенесении стержня политических обсуждений в пространство онлайн важно напоминать о значимости материальности для публичного волеизъявления. Это побуждает нас смотреть на свои города сквозь призму идей, которые возникли давным-давно, задумываясь о том, насколько давно на этой площади прошел настоящий митинг или когда мы сами голосовали, надеясь, что наш голос участвует в дебатах об общественном благе. И если для видимости публичности, для весомого политического заявления нужно «оккупировать» то или иное материальное место, то людей не должны смущать речи о «старомодности» такой деятельности. Одностороннее акцентирование мобильности может вполне отвечать интересам неолиберальных властей, ради гарантии сверхмобильности капитала готовых на многое. Изображение пространства как лишенного отчетливых очертаний, не ограничивающего, но стимулирующего появление все новых мобильностей, на поверку может оказаться куда точнее отвечающим опыту привилегированного человека, нежели обитателю Глазго либо Твери, не понесясь знающему, что такая географическая ловушка.

В статье кратко рассмотрены некоторые сложности соединения, в духе «поворота к мобильности», различных видов движения с его возможными смыслами и политическими значениями. Разобраны проявления интереса представителей различных дисциплин к увеличивающимся скорости и интенсивности

социальных изменений, в частности, формулирование ими таких категорий, как «потоки», «движение», «сети», «мобильность». Преимуществом обновленного интереса к движению в ряде областей является объединение ранее разрозненных векторов анализа перемещения людей, вещей и идей. В то же время воспевание неограниченной мобильности, присущее многим теоретическим текстам, рожденным на волне успеха базирующейся на потоках финансов экономики, потому вызывает скепсис и настороженность, что вполне согласуется с неолиберальной идеологией. Поэтому в статье подчеркнута сложная природа самого рассматриваемого феномена — мобильности, включающей не только движущиеся тела и вещи, нарративы и метафоры, но и установки и ценности людей. Продемонстрировано, что, вдумываясь в концептуальные новации, связанные с «поворотом к мобильности», и оглядываясь при этом назад, важно осознавать и разрывы, и преемственность в различных линиях осмысливания этого противоречивого феномена: диалектика подвижности и неподвижности сегодня с особой остротой совмещается с классовыми различиями, с разрывом между глобальными Севером и Югом, с болевыми точками капиталистического развития, что с такой остротой выявил продолжающийся глобальный финансовый кризис.

-
1. Арендт Х. *Vita activa, или О деятельности жизни* / пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина. СПб., 2000.
 2. Трубина Е. Город в теории: очерки осмысливания пространства. М., 2011.
 3. Уайтхед А. Избранные работы по философии : пер. с англ. / сост. И. Т. Касавин ; общ. ред. и вступ. ст. М. А. Кисселя. М., 1990.
 4. Blackman L. *The Body: The Key Concepts*. Oxford ; N. Y. : Berg, 2008.
 5. Botkin D. *Discordant Harmonies: A New Ecology for the Twenty-First Century*. N. Y., 1990.
 6. Büsscher M., Urry J. Mobile Methods and the Empirical // European J. of Social Theory. 2009. Vol. 12, Nr. 1. P. 99–116.
 7. Clark N. The Demon-Seed: Bioinvasion as the Unsettling of Environmental Cosmopolitanism // Theory Culture Society. 2002. Nr. 19. P. 101–125.
 8. Cresswell T. On the Move. Mobility in the Modern Western World. L., 2006.
 9. Debray R. Socialism: A Life Cycle // New Left Rev. 2007. Nr. 46. P. 5–28.
 10. De Landa M. Nonorganic Life // Incorporations / Jonathan Crary and Sanford Kwinter (eds). N. Y., 1992.
 11. Gupta A., Ferguson J. Beyond Culture: Space, Identity and the Politics of Difference // Cultural Anthropology. 1992. Vol. 7, Nr. 1. P. 6–22.
 12. Habermas J. Between Facts and Norms. L., 1996.
 13. Hayles K. Unfinished Work. From Cyborg to Cognisphere // Theory, Culture, and Society. 2006. Vol. 23, Nr. 7–8. P. 159–166.
 14. Keller E. A., Pinter N. Active Tectonics: Earthquakes, Uplift, and Landscape. Prentice Hall, Upper Saddle River, N. Y., 1996.
 15. Ingold T. The Culture on the Ground: the world perceived through the feet // J. of Material Culture. 2004. Vol. 9, Nr. 3. P. 315–340.
 16. Malkii L. Purity and Exile: Violence, Memory, and National Cosmology among Hutu Refugees in Tanzania. Chicago, 1995.
 17. Malkii L. National Geographic: The Rooting of Peoples and the Territorialization of

- National Identity among Scholars and Refugees// Culture, Power, Place: Explorations in Critical Anthropology / ed. A. Gupta, J. Ferguson. Durham, 1997. P. 52–75.
18. *Massumi B.* Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation. Durhem, 2002.
 19. *Mitchell D.* The Lie of the Land: Migrant Workers and the California Landscape Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
 20. *Mitchell D.* The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. NYC: The Guilford Press, 2003.
 21. Mobile Technologies and the City / eds. M. Scheller, J. Urry. L., 2006.
 22. *Said E.* Culture and Imperialism. L., 1994.
 23. *Sheller M., Urry J.* Mobile Transformations of «Public» and «Private» Life // Theory, Culture and Society. 2003. Vol. 20, Nr. 3. P. 107–125.
 24. *Solnit R.* Wanderlust: A History of Walking. N. Y., 2000.
 25. *Pickett S. T. A., White P. S.* 1985. The Ecology of Natural Disturbance and Patch Dynamics. San Diego, CA, 1985.
 26. *Urry J.* Sociology Beyond Societies. L., 2000.
 27. *Urry J.* Mobilities. Cambridge, 2007.

Рукопись поступила в редакцию 19 марта 2012 г.

УДК 316.244 + 338.22 + 346.26

Б. Г. Попов
В. Н. Климов

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В статье рассматриваются основные теоретические подходы к исследованию социальной природы предпринимательства в рамках классической социологии. Проведен сравнительный анализ социологических концепций места и роли предпринимательства в обществе в трудах Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, В. Зомбарты, Ф. Тённиса. Определены основные социальные характеристики предпринимательства в контексте классической социологии.

Ключевые понятия: предпринимательство, социальные условия и факторы развития, место и роль предпринимательства в обществе, социальная природа предпринимательства.

Выбор методологии изучения места и роли предпринимательства в современном российском обществе во многом зависит от глубокого освоения теоретического наследия классической социологии, в рамках которой значительное внимание было уделено рассмотрению социальной природы данного феномена. Особый интерес у классиков социологии вызывает эволюция функциональных свойств и особенностей предпринимательства, характерных для эпохи формирования современного капитализма.

Цель настоящей статьи — проанализировать наиболее характерные особенности социальной природы предпринимательства в контексте основных теоретических подходов классической социологии. Это имеет принципиально важ-

ное значение в ходе социологического анализа общего и особенного в развитии субъектной сущности современного российского предпринимательства.

В классической социологии традиция анализа *объективно-необходимой обусловленности* возникновения и развития предпринимательства как порождения определенной стадии эволюции социальной системы восходит к концепциям Герберта Спенсера и Эмиля Дюркгейма. Хотя этих мыслителей принципиально разделяла трактовка природы социального порядка в индустриальном обществе («договорно»-индивидуалистическая у Спенсера; коллективно-«солидаристская», органическая у Дюркгейма), общим для них было стремление рассматривать предпринимательство как закономерный результат разделения труда, нарастающего по мере усложнения общественного организма дифференциации и специализации социально-производственных функций, что, в свою очередь, порождает новые формы социальных связей, основанные на отношениях сотрудничества и солидарности. Этот подход последовательно ориентирует на исследование прежде всего социальных условий и факторов, сообщающих предпринимательству *системно обусловленный характер*.

По Спенсеру, наилучшим примером того, насколько предпринимательская функция в своем исходном развитии зависит скорее от социальных институтов («форм соучастия»), чем от активности отдельно взятого индивида, является организация первых *акционерных обществ*, благодаря которым «промышленная деятельность достигла такого развития, которого она никогда бы не достигла... при деятельности отдельных предпринимателей, редко соединяющихся обладание капиталом с духом предпримчивости...» [7, 416].

Для Дюркгейма был характерен еще более широкий социологический подход к предпринимательству: исследуя условия становления «органической солидарности» как регулятора общественной жизни, он рассматривает социально-институциональную обусловленность предпринимательства не только в аспекте *общественной необходимости* его функции в системе прогрессирующего разделения труда, но и с точки зрения его *моральной легитимации*. Дюркгейм, в частности, полагал, что своеобразное предпринимателю стремление к индивидуальному обогащению может быть оправдано с общественной точки зрения только в условиях свободы и юридического равенства граждан, при которых высоким доходом *справедливо* вознаграждаются именно талант, энергия и предпримчивость, а не какие-либо иные преимущества. Отсюда, однако, социолог выводит необходимость существования специальных общественных институтов, которые бы поддерживали эти условия социального и морального консенсуса против разлагающих общество проявлений индивидуального эгоизма [5, 350–356].

Большое значение в изучении социальной природы предпринимательства имеет классическая немецкая социология. Прежде всего, заслуживает внимания концепция Макса Вебера, которая связывает предпринимательство в основном с *субъективной составляющей* процесса развития капитализма. Вебер считал современный ему капитализм (рубежа XIX–XX вв.) системой экономики, основанной на органичном соединении двух факторов: а) особой формы хозяйственной организации, предполагающей рациональное соотнесение затрат (инвестированный капитал) и результатов (извлеченная прибыль), и

б) хозяйствующих субъектов, проникнутых «совершенной своеобразной хозяйственной идеологией» — «духом капитализма» и организующих в соответствии с ее смыслами свои действия.

Примечательно, что Вебер считал возникновение капиталистического духа *первичным фактором* по отношению к капиталистическим формам хозяйства. Он писал: «Вопрос о движущих силах экспансии современного капитализма есть в первую очередь не вопрос о происхождении капиталистически используемых запасов денег, а вопрос о развитии капиталистического духа. Там, где он зарождается и начинает действовать, он создает себе денежные запасы как орудие своей деятельности, а не наоборот» [1, 600–624].

Таким образом, Вебер доказывает, что капитализм не есть функция и результат «накопления имущества» (как до него считали многие западные экономисты). Напротив, чтобы вызвать к жизни капитализм, само это накопление имущества должно было протекать в своеобразных общественных условиях, а они, эти условия, есть *особая хозяйственная психология и идеология*, которая закрепляется в процессе так называемого «экономического отбора» как наиболее рациональная и прогрессивная.

Главнейшим фактором, способствовавшим зарождению этого нового (капиталистического) *массового типа личности*, Вебер считал религию — ту форму общественного сознания, которая в наибольшей степени определяет смыслоложественный и ценностный мир человека. В частности, в известной работе «Протестантская этика и дух капитализма» корни европейского капитализма выводятся Вебером из формирования протестантской (кальвинистской) этики, которая выступала мощным оружием целерациональной организации и хозяйственной деятельности индивида, и его ценностно-духовного мира [2, 61–272].

Однако так обстоит дело лишь в начале зарождения у людей капиталистического духа, поскольку сложившийся, зрелый капитализм — это экономический строй, характеризующийся безудержной экспансией и высокой «плотностью» порождаемых им социальных связей. Поэтому в капиталистическом обществе любой человек, обладающий значительным имуществом на праве частной собственности и стремящийся использовать его в свое благо, изначально вынужден будет действовать в капиталистическом духе. «Капитализм навязываетциальному лицу нормы хозяйствования», — резюмировал Вебер.

Таким образом, хотя в центре концепции предпринимательства у Вебера по-прежнему находится преобразующий социальную действительность рационально мыслящий индивид, все же, в отличие от сугубо экономических концепций, веберовская трактовка подчеркивает *исторический характер* этого феномена. Историчность подхода, в свою очередь, открывает путь для *социологического осмысливания* предпринимательства, она неизбежно ориентирует нас на уяснение той сложной совокупности *социальных условий и факторов*, которая вызывает к жизни предпринимательство уже в качестве *функционального последствия*, а не первопричины определенного строя социальных отношений.

Если для Вебера понятия «капиталист» и «предприниматель» очень часто выступали как синонимы, то Вернер Зомбарт проводил между ними определенный водораздел. Для Зомбарта социальный тип «буржуа», «капиталиста» —

это соединение двух душ (или натур): души *предпринимателя* и души *мещанина* (т. е. экономного материалиста, накопителя, аскета, утилитариста). Таким образом, предприниматель выступает у Зомбарту *одной из граней капиталистического социального типа*. По Зомбарту, капиталистическому предпринимательству как деятельности сопутствует определенная *духовная предрасположенность*: он должен быть толковым, умным и одаренным человеком. Эти свойства социолог определяет следующим образом.

Толковый — значит быстрый в схватывании, понимании, острый в суждении, основательный в обдумывании и одаренный надежным «чутьем существенного», которое позволяет ему вовремя улавливать самое главное в работе. Особенно важна быстрая способность «ориентироваться среди сложных рыночных отношений», несущая при этом, «подобно аванпосту», «службу разведки в бою». Очень важна при этом также хорошая память.

Умный — значит способный «узнать свет и людей», уверенный в суждении о людях, уверенный в обращении с ними, уверенный в оценке любого положения вещей, хорошо знакомый прежде всего со слабостями и пороками окружающих. Это выдающаяся черта «больших коммерсантов». Вступая в договоры, эти люди демонстрируют, с одной стороны, большую гибкость, с другой — силу внушения.

Одаренный — значит богатый «идеями», «выдумками», богатый особого рода фантазией, которую часто называют *комбинаторной*. Зомбарт отмечает, что одаренному «интеллекту» должна также соответствовать полнота «жизненной силы», «жизненной энергии»: предпосылкой всякого предпринимательского поведения является «охота к предприятию», «охота к деятельности», что дает человеку силы для деятельности и делает для него мукой праздный покой.

Предприниматель должен быть человеком с крепкими нервами. «Предпринимчивый» — это значит проявляющий в стремлении к успеху решительность, постоянство, упорство, неутомимость, «целестремительность», «вязкость», «отвагу идти на риск», смелость. Все это слагаемые мощной жизненной силы. Резюмируя, Зомбарт характеризует предпринимательские натуры как людей с ярко выраженной «интеллектуально-волонтаристской одаренностью», которой они должны обладать «сверх обычной степени, чтобы совершить великое». Предприниматель, по Зомбарту, в своей деятельности имеет много сходных черт, с одной стороны, с полководцами и государственными людьми, а с другой — с шахматистами и гениальными врачами (в частности, в искусствеставить диагноз) [6, 153–155].

Трактуя капиталистический тип как противоречивый синтез предпринимательских и «мещанских» черт, Зомбарт намечает социологически перспективную линию анализа, позволяющую рассматривать предпринимательство уже не как редкое и исключительное явление (а таковым оно предстает, если считать его неким «чистым» социальным типом), но как *общественную функцию*, приобретающую в условиях капитализма массовый характер.

Близкий зомбартовскому взгляд на природу предпринимательства развивал Фердинанд Тённис, который рассматривал его в контексте эволюционной смены хозяйственных форм как определенную *социальную функцию* — обособленное

от непосредственно-производительного труда «заведование или управление сложной системой движений и действий» в структуре воспроизводства капитала. В капиталистическом обществе эта функция представлена многолико, изменчиво — сообразно меняющимся комбинациям актуализирующих ее признаков. По Тённису, например, несомненным предпринимателем является фабрикант — но только в той мере, в какой он перестает быть просто «абстрактным имущим лицом» и стремится внести «нематериальный» вклад в создание и реализацию товара; предпринимателем становится мастер — в той мере, в какой он оставляет производительный труд, превращая его лишь во «внешнее средство»; им является по природе своей торговец, который наиболее отчетливо воплощает обособленные от производства управленческую и распределительную функции. Объединяющий эти функциональные роли тип «капиталиста-предпринимателя» противостоит «капиталисту-заимодавцу», но и последний приобретает черты предпринимателя в той мере, в какой он становится «капиталистом-игроком», учитывающим конъюнктуру залога и несущим риск потери прибыли [8, 106–108].

У Тённиса предпринимательство, по существу, превращается в *совокупную общественную функцию*, которая на уровне управления производством и распределением продукта как бы воссоздает целостность общества, основанного на разделении труда и сложной социальной дифференциации.

При заметных отличиях от экономических концепций социологические трактовки М. Вебером, В. Зомбартом и Ф. Тённисом феномена предпринимательства тем не менее имеют с ними принципиальную общность подхода. Они выдержаны в русле так называемого *«методологического индивидуализма»*, который, согласно французскому социологу Ж. Ферреолю, в основе любого социального факта видит результирующий эффект взаимодействия поведенческих реакций рационально действующих индивидов. В этом контексте общество предстает как не более чем простое «существование расчетливых одиночек» [9, 54–56], а предпринимательство — как результат следования индивида *достижительной мотивации*.

Ограниченностю такого подхода заключается в том, что он, не выходя за пределы характеристики предпринимателя как индивида, явно недостаточен для объяснения предпринимательства как *социального феномена*, поскольку игнорирует обусловливающие его социально-структурные факторы [3, 80].

На этом в значительной степени основывалась позднейшая критика веберовской трактовки предпринимательства. Хотя Вебер, строго говоря, не отрицал структурно-институциональных предпосылок становления капитализма (свободный рынок труда, рост денежной экономики, двойная бухгалтерия и т. д.), решавшее значение в этом процессе он все же придавал именно «духовной революции», порождающей такие индивидуальные установки аскетического протестантизма, как ценность упорного труда и отложенное вознаграждение.

Современные взгляды на генезис предпринимательства гораздо большее значение придают не этико-идеологическим установкам, а широкому спектру структурных факторов — начиная с правовых институтций и кончая технической революцией и новой ролью знаний [4, 77–79].

Резюмируя, можно констатировать, что рассмотренные выше представления классиков социологии о предпринимательстве довольно полно представляют тот спектр позиций, который и сегодня определяет понимание представителями социальных наук сущности предпринимательства и его роли в обществе. Это позволяет сориентировать процесс формирования и трансформации предпринимательства в современной России на необходимость комплексного, системного взгляда на его природу.

-
1. *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994.
 2. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
 3. Достижительная мотивация // Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. и др. Социологический словарь : пер. с англ. М., 2000.
 4. *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе : ант. / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999.
 5. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда : пер. с фр. М., 1996.
 6. *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994.
 7. *Спенсер Г.* Синтетическая философия : пер. с англ. Киев, 1997.
 8. *Тённис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии : пер. с нем. СПб., 2002.
 9. *Ферреоль Ж.* Социология : Терминологический словарь. СПб., 2003.

Рукопись поступила в редакцию 29 ноября 2011 г.

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.462 + 321.64 + 321.7

Р. И. Зекрист

КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ МИШЕЛЯ ФУКО

За две с половиной тысячи лет существования философии в ней было разработано множество концепций власти. Большая их часть приходится на XX и наступивший XXI в. В целом большинство этих концепций плохо согласуются между собой. Концепция власти, представленная в творчестве М. Фуко, и станет предметом анализа в настоящей статье.

К л ю ч е в ы е с л о в а: власть, государственная власть, дискурс, микрозвластъ, воля к власти, знание.

Известный французский философ Мишель Поль Фуко (1926–1984) не только очень много внимания уделял проблеме власти, но и разработал оригинальную, не похожую на уже существовавшие до него и при нем концепции власти. Исследователь его творчества Н. С. Автономова отмечает: «В творчестве Фуко можно выделить три этапа: 1) “археология знания” (1960-е гг.), 2) “генеалогия власти-знания” (1970-е гг.), 3) “эстетика существования” с акцентом на “техники работы над собой” (*techniques de soi*) (1980-е гг.). При этом в творчестве Фуко целый ряд “археологических” и “генеалогических” тем и мотивов сосуществуют» [1, 279]. В 1980-е гг. Фуко прожил всего четыре года (умер 25 июня 1984 г.). К первому периоду Н. С. Автономова относит такие работы М. Фуко, как «Рождение клиники: археология взгляда медика» (1963), «Слова и вещи: археология гуманитарных наук» (1966) и «Археология знания» (1969); ко второму периоду — такие, как «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975) и «Воля к знанию» (составившая первый том «Истории сексуальности», 1976); наконец, к третьему периоду она относит работы «Пользование удовольствиями» (1984) и «Забота о себе» (1984), составившие второй и третий тома «Истории сексуальности».

В соответствии с данной периодизацией проблематикой власти Фуко занимался преимущественно во второй период своего творчества, по крайней мере, в первый период она его занимала мало. Между тем сам Фуко так не считал. В беседе с японцем Ш. Хашуми, состоявшейся в октябре 1977 г., он, оглядываясь на свой пройденный творческий путь, начало которого относил к 1955 г., отмечает: «...Подлинную трудность для меня представляло решение вопроса, который, впрочем, нынче является вопросом для всего мира, а именно вопроса о власти» [2, 280]. В то время, говорит он, данный вопрос, «витал в воздухе». Одни осознавали это в большей степени, другие — в меньшей.

К 1955 г., отмечает Фуко, феномен «избыточной власти» стал непонятным. Некоторые теоретики пытались объяснить сталинизм в Советском Союзе и фашизм в Германии экономическими причинами. Но и тот и другой прекратили свое существование, тем не менее «избыточная власть» продолжала существовать. Следовательно, необходимо было разобраться в самой сущности власти. «Однако, — заявляет Фуко, — у нас не было никаких понятийных и теоретических инструментов, которые позволили бы как следует уловить всю сложность вопроса власти, поскольку XIX столетие, завещавшее нам эти инструменты, воспринимало эту проблему лишь посредством различных экономических схем» [Там же, 281]. Но это относится в основном преимущественно к марксизму. А ведь до марксизма и одновременно с ним существовало к 1955 г. много других теорий власти. Но Фуко не приемлет их и даже не обращается к ним. «Отсюда, — говорит он, — стали очевидными необходимость осмыслить проблему власти и отсутствие понятийного аппарата, который мог бы способствовать выполнению этой задачи» [Там же, 282]. И все его философское творчество, согласно ему, посвящено именно решению проблемы власти.

Ко времени цитируемой беседы с Ш. Хашуми М. Фуко выпустил уже немало своих сочинений. По их названиям невозможно сказать, что они посвящены исследованию власти. Тем не менее Фуко настаивает на том, что основным вопросом в них является вопрос о власти [Там же]. «Я бы сказал, — говорит он, — что даже “Слова и вещи” под своей литературной внешностью, под своим, если угодно, чисто умозрительным обличьем выполняют ту же самую задачу, а именно задачу установления различных механизмов власти, существующих внутри самого научного дискурса: какому правилу в определенную эпоху люди обязаны подчиняться, когда желают развивать научный дискурс о жизни, о естественной истории, о политической экономии? Чему необходимо подчиняться, какому принуждению повиноваться и каким образом, переходя от одного дискурса к другому, от образца к образцу, производятся различные воздействия власти? Но в таком случае вся эта связь знания и власти, коль скоро механизмы власти играют главную роль, на самом деле и составляла сущность того, что я хотел сделать...» [Там же, 282–283]. Следовательно, в творчестве М. Фуко тема и проблема власти не просто сопутствуют решению других проблем, но являются лейтмотивом всего этого творчества и по-разному ставятся и решаются во всех сочинениях в зависимости от той темы, какой они посвящены. В лекции, прочитанной во франко-японском институте Кансай в Киото в апреле 1978 г., Фуко заявил: «Мои... исследования обращаются к техникам

и технологии власти. Они сосредоточены на изучении того, как власть властвует и заставляет себе повиноваться» [3, 319].

Феномен власти, отмечает Фуко, весьма сложен: «Не хватит ни Маркса, ни Фрейда чтобы помочь нам познать эту столь загадочную вещь, одновременно и видимую, и невидимую, присутствующую и скрытую, инвестированную повсюду, которую мы называем властью» [4, 75]. В чем же М. Фуко видит причину несостоительности всех прежних концепций власти? Она состоит, по его мнению, в том, что до сих пор феномен власти отождествляли и по инерции продолжают отождествлять с *государственной властью* и ее институтами — армией, полицией, судопроизводством и т. д. В этой связи теория государства и не могла претендовать на то, чтобы охватить феномен власти в ее целостности. Столь же ограниченными в данном аспекте являются и исследования разного рода социальных институтов. Власть, а главное — ее сущность и механизмы осуществления ускользают в таких случаях от исследователя. Поэтому все учения, согласно которым власть как таковая сосредоточена в руках правительства, осуществляющего ее посредством подчиненных ему институтов, согласно Фуко, всецело несостоительны. Политическая власть есть лишь одна из форм власти, но между тем она и в общем сознании народа воспринимается как власть вообще. При этом народ и не догадывается о том, что эта власть осуществляется не только посредством известных социальных институтов, но и — а в этом, по Фуко, суть — еще и посредством множества учреждений, которые на первый взгляд ничего общего с ней не имеют [5, 119–120]. К ним относятся учреждения образования и воспитания, пенитенциарные учреждения, медицинские заведения, особенно психиатрические лечебницы, и т. д. Каждое из них, исходя из своей специфики, пользуется собственными методами и собственной технологией осуществления власти. Но все они одинаково участвуют в поддержании существующей политической власти. К тому же, отмечает Фуко, эта власть проникает в жизнь общества намного глубже, чем о том догадываются люди.

Но власть, согласно М. Фуко, не сводится к государственной власти. На деле, утверждает он, «отношения власти существуют (это-то, несмотря ни на что, нам известно, однако отсюда не всегда извлекаются выводы) и проходят через множество других вещей. Ведь отношения власти существуют между мужчиной и женщиной, между тем, кто знает, и тем, кто не знает, между родителями и детьми, внутри семьи. В обществе имеются тысячи и тысячи различных властных отношений...» [2, 289]; «отношения власти впутаны в другие типы отношений (производственные, брачные, семейные, половые), где они играют одновременно определяющую и обусловленную роль...» [6, 313]. В беседе с Ж. Делезом в марте 1972 г. Фуко заметил, что в наиболее чистом виде, в своей неприкрытой наготе власть существует в тюрьме [4, 71–72]. Неразумно в этой связи, считает он, говорить, что, например, властные отношения между полами, между больными и здоровыми, между знающими и незнающими и т. д. проис текают из государственной власти. Они независимы от нее. Скорее, наоборот: государственная власть опирается на них. Фуко пишет, что вокруг каждого индивида существует «целый пучок властных отношений», которыми

он связан с его родителями, с его работодателем и т. д. [2, 289]. В этой связи бессмысленно, говорит Фуко, пытаться изменить государственную власть, ограничившись сменой правительства и некоторых социальных институтов, посредством которых данная власть осуществляет себя. Изменять надо ту систему микроправления («сетку отношений власти», по характеристике Фуко), на которую опирается данная государственная власть. Власть вездесуща, потому что она в любой точке производит и воспроизводит себя. «Власть повсюду, не потому, что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит» [7, 193].

Власть, особенно государственная, обычно ассоциируется с насилием, с подавлением и оценивается как всецело негативный феномен. Если бы это было так, отмечает Фуко, то она была бы чем-то хрупким и очень слабым. Но мы видим, что она сильна, что она довольно прочна, а это потому, что, помимо негативных, она производит и положительные действия, вследствие чего имеет опору на уровне микроправления.

Фуко предлагает свое определение власти в работе «Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности». Здесь он сначала определяет то, чем он не считает власть, а затем то, чем она, по его мнению, является. Он пишет: «Властью я называю не “Власть” как совокупность институтов и аппаратов, которые гарантировали бы подчинение граждан в каком-то государстве. Под властью я также не подразумеваю такой способ подчинения, который в противоположность насилию имел бы форму правила. Наконец, я не имею в виду и всеобщей системы господства, осуществляемого одним элементом (или группой) над другим, господства, результаты действия которого через ряд последовательных ответвлений пронизывали бы все социальное тело. Анализ в терминах власти не должен постулировать в качестве исходных данных суверенитет государства, форму закона или всеобъемлющее единство некоторого государства; скорее всего, напротив, это только терминальные формы такого анализа. Под властью, мне кажется, следует понимать, прежде всего, множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации; понимать игру, которая путем беспрерывных битв и столкновений их трансформирует, усиливает и инвертирует; понимать опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система, или, напротив, понимать смещения и противоречия, которые их друг от друга обособляют; наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действенности, стратегии, общий обрис или же институциональная кристаллизация которых воплощаются в государственных аппаратах, в формулировании закона, в формах социального господства» [Там же, 191–192].

Согласно Фуко «власть – это не некий институт или структура, не какая-то определенная сила, которой некто был бы наделен: это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе» [Там же, 193]. Обычно говорится о «власть имущих», о «захвате власти» о «передаче власти» и т. п. Согласно же Фуко «власть не есть нечто, что приобретается, вырывается или делится, нечто такое, что удерживают илипускают; власть осуществляется из бесчисленных точек и в игре подвижных отношений неравенства...» [Там же, 194];

«никто не является ее обладателем, но тем не менее она осуществляется всегда в определенном направлении, когда одни находятся по одну сторону, а другие — по другую, и мы не знаем, у кого она есть, но мы знаем, у кого ее нет» [4, 76]. Осуществление власти, пишет Фуко, сродни отправлению культа.

Чем же по своей сути являются отношения власти? Согласно Фуко «отношения власти являются отношениями силы, противостояниями...» [2, 290]. Отдельно взятое отношение власти, таким образом, представляет собой такое отношение, в котором выделяются две стороны, или два полюса: полюс приложения силы и полюс противостояния, сопротивления, противодействия силе. Полюсы, таким образом, находятся в неравноправном положении. Отношение власти, следовательно, есть напряженное динамическое отношение. Фуко подчеркивает, что «отношения власти являются отношениями силы, противостояниями, а стало быть, они всегда обратимы. И нет отношений власти, которые восторжествовали бы целиком и полностью и господство которых было бы необратимым» [Там же, 290]. Это объясняется тем, что, согласно Фуко, не только внутри отношений власти существует напряженность, она в еще большей мере имеет место между микроВластиами, коих в социуме множество. Внутри этого множества существует неравенство видов власти и их борьба. «Всякая борьба, — пишет Фуко, — разворачивается вокруг конкретного очага власти, одного из тех бесчисленных мелких очагов, каковым может оказаться какой-нибудь мелкий начальник, привратник в муниципальном доме, начальник тюрьмы, судья, работник профсоюза, главный редактор журнала» [4, 76].

И в этом пункте становится понятным тот философский источник, из которого выросла концепция власти М. Фуко. Он сознательно отмежевался от К. Маркса и марксизма, а также «от таких парамарксистов, как Маркузе» [8, 166], и фактически обратился к философии Ф. Ницше. Его понятия «воля к знанию» или «воля к истине» являются кальками с ницшевского понятия «воля к власти». Обратимся к Ницше. Согласно ему воля к власти, будучи универсальной, присутствует и реализуется в любом природном формообразовании и «каждая порода захватывает *столько реальности, сколько она может ее одолеть и заставить служить себе*» [9, 198]. Каждая порода, выражаясь терминологией Ницше, стремится реализовать свою волю к власти. Но данное стремление неизбежно наталкивается на стремления всех других пород. Следовательно, неизбежны конфликты. И это нормально по Ницше. «Воля к власти, — пишет он, — может проявиться только тогда, когда встречает *противодействие*; она, следовательно, ищет того, что может оказать ей сопротивление...» [Там же, 264]. Наталкиваясь на оказываемое ей противодействие, воля к власти мобилизует свои силы, закаляется в борьбе или же, будучи побеждена, сдает свои позиции. Следовательно, согласно ему, воля к власти, будучи всеобщей, существует как бесконечное число единичных средоточий, или центров воли к власти. Он пишет: «Относительно мы вправе говорить об атомах и монадах; и несомненно, что мир мельчайших единиц есть самый прочный мир... Нет никакой воли, есть только пунктуации воли, которые постоянно увеличивают или теряют свою власть» [Там же, 294]. Эти «пунктуации» находятся в состоянии непрекращающейся гоббсовской «войны всех против всех». Кто-то из них

достигает успеха — временного или длительного, кто-то теряет прежние позиции и попадает в зависимость от победителя. Аналогичное мы видим и у М. Фуко, только не применительно к Универсуму, как у Ницше, а применительно лишь к социуму.

М. Фуко известен как философ, теснее, чем кто-либо до него, сблизивший понятия власти и знания. Данная тема давно обсуждается в литературе [10, 206–255]. Мы отметим лишь следующее. Некоторые исследователи говорят о «слиянии власти и знания» в учении Фуко [11, 12]. Но в работе «Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности» философ прямо заявил: «Думаю, что в глазах читателей я действительно тот, кто сказал, что знание сплетено с властью, что оно лишь тонкая маска, наброшенная на структуры господства, а эти, последние, всегда были угнетением, заключением и т. д. Что касается первого пункта, то я отвечаю хохотом. Если бы я сказал или хотел сказать, что знание — это власть, то я бы это и сказал; а после того, как я сказал бы это, мне уже нечего было бы добавить, поскольку я не понимаю, для чего бы это мне после того, как я отождествил их, упорствовать в показе их различных отношений. Я как раз старался понять, каким образом однотипные формы власти могли стать поводом для возникновения знаний, чрезвычайно различных по своему объекту и структуре» [7, 321]. И добавил: «У того, кто говорит, что знание для меня — это маска власти, по-моему, просто отсутствует способность к пониманию» [Там же, 322].

Такова в общих чертах концепция власти М. Фуко. Спрашивается, что в ней приемлемо, а что — нет? Следует, на наш взгляд, принять положение о том, что государственная или, более узко, политическая власть — это лишь одна из форм феномена власти. В социуме могут существовать и на деле существуют и иные, *неполитические* формы власти. Такова, к примеру, власть главы семьи в патриархальном укладе. То, что государственная власть использует армию, судебные органы и иные институты для своего осуществления, верно. Но в определенных исторических условиях они могут приобретать и относительную самостоятельность. Однако положение Фуко о том, что власть как таковая рассредоточена почти во всех без исключения социокультурных феноменах, на наш взгляд, принципиально неверно. Фуко стремится почти любой социокультурный феномен если и не редуцировать всецело к власти, то истолковать его как содержащий внутри себя власть. В действительности, по нашему мнению, дело обстоит далеко не так. В обществе существует немало видов межчеловеческих отношений, которые не являются отношениями власти — подвластности. Нельзя принять в концепции Фуко и ницшеанский мотив постоянной борьбы видов власти между собой. Это было бы карикатурой на человеческую историю, которая намного сложнее и богаче содержанием.

1. Автономова Н. С. Фуко // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2001. Т. 4.

2. Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть : Избр. полит. статьи, выступления и интервью. М., 2002.

3. Фуко М. Дисциплинарное общество в кризисе // Там же.

4. Фуко М. Интеллектуалы и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть.
5. Фуко М. О природе человека. Справедливость против власти // Там же.
6. Фуко М. Власть стратегии // Там же.
7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
8. Фуко М. Власть и тело // Фуко М. Интеллектуалы и власть.
9. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (1884–1888). М., 1995.
10. Подорога В. А. Власть и познание (археологический поиск М. Фуко) // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М., 1989.
11. Ержанова А. М. Контаминация власти и знания в западной философии : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Алматы, 2001.
12. Бейсенова Г. А. Концепция власти-знания М. Фуко : учеб. пособие по спецкурсу. Алматы, 2004.

Рукопись поступила в редакцию 25 декабря 2011 г.

УДК 328.3 + 342.533

А. А. Керимов

ПОНЯТИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Статья посвящена изучению различных подходов в трактовке понятия парламентаризма в российской политической науке и определению его универсальных характеристик.

Ключевые слова: парламентаризм, парламент, выборное представительство, народное представительство, принцип разделения властей.

Термин «парламентаризм» начал входить в обиход российской политической теории и практики с появлением в стране первого парламентского учреждения. В дореволюционной литературе парламентаризм определяется как «система государственного устройства, при которой парламент играет преобладающую роль не только в качестве законодательного органа, но и в качестве органа верховного контроля над властью исполнительной» [3, 816]. Как следует из определения, парламент воспринимался как орган верховного контроля над исполнительной властью, имеющий право не только требовать от правительства отчета о его деятельности, но и привлекать министров к ответственности.

Теоретик парламентаризма начала XX в. К. Н. Соколов, так же как и другие исследователи — его современники, парламентарное государство определяет как представительное государство, глава которого в осуществлении своих представительных прерогатив связан конституционно-правовой нормой, требующей постоянного соответствия политики правительства желаниям большинства нижней палаты парламента. По его же мнению, парламентарными могут называться только те государства, «в которых нормы парламентаризма образуют составную часть их конституционного права» [13, 411].

На современном этапе общественного развития существует множество определений, в той или иной мере отражающих сущность понятия «парламентаризм». Некоторые авторы оценивают парламентаризм исключительно как государственный режим, главной отличительной чертой которого является политическая ответственность правительства перед парламентом или его нижней палатой за свою деятельность [14, 6–7].

Расширенную трактовку парламентаризма дает О. О. Миронов. Он определяет его как «сложный и многогранный феномен, некую шкалу социальных ценностей, где господствует закон, утвердились принципы верховенства права и разделения властей, где гражданское общество характеризуется демократизмом и высокой политико-правовой культурой» [9, 100]. Парламентаризм также рассматривается как «представительное начало в управлении» [6, 580] и «форма деятельности представительных государственных органов и их взаимодействие с другими органами государственной власти» [10, 14]. Авторы «Большого энциклопедического словаря» определяют парламентаризм как «систему политической организации государства, при которой четко разграничены функции законодательной и исполнительной властей при привилегированном положении парламента» [2, 880].

Приведенные выше определения позволяют выделить принципы парламентаризма, среди которых важными являются выражение и защита интересов всех социальных групп населения, приоритет законодательных органов власти перед остальными, подчиненность и подконтрольность парламента народу, взаимодействие парламентов с другими органами власти.

При толковании понятия «парламентаризм» используются различные характеристики: это система управления обществом, форма представительной демократии, демократический механизм реализации интересов определенных групп населения и др. На наш взгляд, парламентаризм целесообразно рассматривать как целостную систему организации и функционирования государственной власти, имеющую определенные функции в политической системе общества.

С точки зрения политической теории парламентаризм является одной из форм представительной демократии. В этом смысле он фактически отождествляется с демократическими ценностями, сложившимися за многие столетия, такими, как гражданское общество с высокой степенью правовой культуры; верховенство закона; приоритет прав личности в отношениях с государством; соответствующая шкала ценностей, исключающая противоречия общественных и личных интересов при осуществлении государственной власти. Несомненно, все указанные ценности должны реализовываться посредством деятельности органа народного представительства — парламента.

Для выяснения сущности понятия «парламентаризм» необходимо расставить акценты в связке *парламентаризм — парламент*. Иной раз под парламентаризмом понимают теорию и практику функционирования парламента. Хотя достаточно часто можно встретить и расширенное толкование парламентаризма, его отождествление с представительной демократией в целом, его трактовку как «способности представительного органа государственной власти свободно

обсуждать и принимать политические решения в форме законов» [4, 83]. Можно соглашаться или оспаривать это суждение, однако бесспорно одно: не бывает демократии без парламентаризма, а парламентаризм не существует без парламента.

Парламентаризм возникает и существует тогда, когда парламент наделен полномочиями разработки и принятия законов, избрания правительства, контроля за его деятельностью и другими органами исполнительной власти, их отставки, а также отставки главы государства. Таким образом, правомерно говорить о парламентаризме в том случае, если помимо парламента существует такая система управления обществом, в которой по меньшей мере имеются: 1) четкое распределение законодательных и исполнительных функций; 2) доминирующее (привилегированное) положение представительного (законодательного) органа — парламента — по отношению к другим органам государственной власти.

Однако следует согласиться с мнением современных российских политологов о том, что само существование парламента в системе органов государственной власти вовсе не означает существования парламентаризма на прочных основах, т. е. что для парламентаризма необходимо, чтобы орган народного представительства был наделен определенными качествами, среди которых «избрание депутатов парламента на свободных всеобщих выборах, что является основной гарантией высокого уровня представительности данного государственного органа; самостоятельность и независимость в системе разделения властей; высокий уровень полномочий парламента при решении вопросов государственного управления и в процессе законотворчества» [12, 131].

Парламент необходимо рассматривать как основу парламентаризма — особой демократической системы организации и функционирования высшей государственной власти, базирующейся на принципах разделения властей и верховенства права, в которой парламент с его законодательной, представительной и контрольной прерогативами занимает ведущее положение в политической системе.

Парламенты всех стран в известных пределах имеют сходные функции, их основная роль в системе государственной власти сводится к следующему:

- во-первых, парламент выступает высшим общенациональным государственным органом народного представительства и институционализации господствующих в обществе интересов, политических ориентаций и настроений. Он выполняет функцию соединения суверенитета народа с государственной властью, указывает на реальный источник власти. Именно народное представительство придает системе государственного управления демократический характер, а самому парламенту — широкую социальную доступность и открытость;

- во-вторых, парламент выполняет законодательную функцию. Именно через эту функцию на практике реализуются принципы народного суверенитета и демократического парламентаризма. Именно парламент создает первый слой правового государства, нормативно-правового обеспечения жизнедеятельности человека и общества в целом;

- в-третьих, как представительный орган парламент является важнейшим институтом в триаде разделения властей и наделен реальными возможностями

влиять на каждый элемент этой триады, причем на всех уровнях государственной власти. Выявление социальных потребностей, концентрация и субординация общественных интересов, их открытое выражение делают парламент публичной ареной для преодоления противоречий между различными органами власти, между государством и гражданским обществом. Парламент — единственное место публичной защиты интересов различных классов, социальных слоев и групп общества в системе государственной власти;

— в-четвертых, парламент — важнейший элемент системы формирования, правового обеспечения и практической реализации внешней политики государства. Активная внешнеполитическая деятельность членов парламента — неизменное условие эффективного и авторитетного парламентаризма;

— в-пятых, парламент обладает определенными полномочиями контроля за действиями правительства и других высших органов государственной власти, корректировки их курса. Контрольные полномочия парламентов различных стран, конечно, неодинаковы, но они обязательно присутствуют. Без парламентского контроля, как важнейшей формы социального контроля, трудно говорить о демократизме и правовом характере государства [11, 4–5];

— в-шестых, законодательные органы, выступая в качестве оплота демократии, убеждают граждан в преимуществах или несовершенстве существующего строя. Этим целям служат публикации парламентских органов, пропагандистские выступления, поездки по стране и за рубеж, работа с избирателями и т. д.

Кроме определенных функций парламент, как ключевой элемент парламентаризма, должен обладать и определенными признаками, качественными характеристиками, без которых парламентаризм как система не может состояться. Таковыми являются главенство закона; относительная самостоятельность парламента; разделение и сбалансированность полномочий всех ветвей власти, наличие системы взаимных сдержек и противовесов; представительность; достаточно высокий уровень законодательной компетенции; способность реально обеспечивать права и свободы граждан. Вышеприведенные качественные характеристики позволяют рассматривать парламентаризм как специфический правовой институт реализации интересов всех социальных слоев и групп общества.

Однако наличие представительного и законодательного органа еще не означает наличия парламентаризма как особого социального и политического института современного цивилизованного общества. Парламентаризм — гораздо более сложная и многогранная система организации государственной власти, чем просто наличие парламента и механического разделения властей.

Примечательна точка зрения на систему народного представительства Н. М. Коркунова, который сводил все ее формы к трем основным типам: 1) представительство по личному праву; 2) представительство по назначению правительства; 3) выборное представительство [7, 420].

Представительство по личному праву (так называемое представительство сословий) было распространено в Средние века. В современных условиях, когда сословия по существу исчезли, данная форма представительства практически перестала существовать.

Следующий тип — представительство по назначению правительства — есть не что иное, как назначение того или иного лица правительством для выполнения им каких-либо государственных функций.

Наиболее распространенной и лучшей системой является система выборного представительства. Данное представительство дает реальную возможность отражаться на составе государственных учреждений всем изменениям общественных интересов и настроений общества. Лишь выборное народное представительство может гарантировать, что право, создаваемое государством, всегда будет находиться в соответствии с народным правосознанием — источником всякого права.

По нашему мнению, классификацию Н. М. Коркунова следует несколько детализировать. Выборное представительство необходимо понимать в широком и узком смыслах. В первом случае в систему представительства будут входить все государственные органы, должностные лица, в избрании которых так или иначе принимает участие население государства. В основу подобного представления закладывается признак выборности органов государственной власти гражданами. Во втором случае под представительством будет пониматься создание коллегиальных органов, состоящих из избранных народом представителей, т. е. органов, которые относят к законодательной ветви власти. Именно выборное представительство лежит в основе современной парламентской (партийной) системы: «народные представители, являясь более авторитетными и более правильными, чем кто-либо другой, выразителями народных нужд и желаний, могут с наибольшим основанием решать государственные дела, а также претендовать на выбор тех лиц, которым поручается непосредственное управление» [8, 4].

Сущность принципа представительности однако не исчерпывается делегированием полномочий. Это только одна смысловая сторона понятия «представительность». Н. И. Бирюков и В. М. Сергеев выделяют три смысловых значения этого фундаментального принципа парламентаризма: «делегирование полномочий; „типичность“, то есть обладание типичными, средними характеристиками некой группы лиц; символ» [1, 4]. Полностью разделяя вышеприведенное мнение, считаем, что народное представительство как реальный символ демократии должно включать не только право на свободные выборы доверенных лиц и делегирование полномочий, но и реальную возможность контроля деятельности своих уполномоченных.

Состав парламента определяется волеизъявлением народа. Это означает, что верховная власть принадлежит народу, что парламентская власть выступает как власть, уполномоченная народом — сувереном власти. В силу этого парламент олицетворяет народный суверенитет. Он призван выражать народную волю и субординировать интересы. А что касается «типичности», то здесь речь идет о том, что парламентское представительство в совокупности должно являть собой социум в миниатюре. Следовательно, только при таком характере представительства парламент в состоянии адекватно отразить интересы народа, учесть все многообразие настроений и мнений людей, весь спектр культур и традиций, в особенности если избирателей многонационален.

Правильное толкование представительности как «символа» имеет немало-важное значение для глубокого понимания сущности демократии. Парламент символизирует демократию, и в случае угрозы демократическому строю именно парламент как символ этого строя первым оказывается под ударом.

Таким образом, политическое участие является лишь «внешней» характеристикой парламентаризма, в то время как его базовым компонентом выступают прежде всего функционирование представительных учреждений и характер их взаимодействия с другими элементами политической системы, а также с гражданским обществом. Как отмечает А. Д. Керимов, «говорить о наличии парламентаризма можно только при условии существования особой системы, в которой он не чисто формально, а реально, фактически имеет возможность отправлять свои функции, занимая тем самым адекватное место в политической системе страны» [5, 12].

При определении парламентаризма многие современные исследователи особо подчеркивают приоритет демократических ценностей. Некоторые прямо заявляют, что парламентаризм есть не что иное, как «система представлений об общедемократических, общецивилизованных ценностях государственно-организованного общества» [15, 9].

Полностью соглашаясь с тем, что в основу парламентаризма положены общедемократические, общечеловеческие ценности, тем не менее считаем, что парламентаризм – это прежде всего конкретное явление общественной жизни многих государств современного мира, а не аморфная система представлений. И мы определяем парламентаризм как систему организации и функционирования государственной власти, основанную на принципе разделения властей и верховенстве закона при формально привилегированном положении парламента, избираемого на свободных выборах с участием политических партий, и среди его важнейших элементов выделяем соблюдение принципа разделения властей, безусловное верховенство права, наличие в обществе законодательного и представительного учреждения – парламента, наличие системы политических партий парламентского типа, демократический процесс формирования парламента и его публичность.

Таким образом, понятие «парламентаризм» весьма объемно. Только при органическом единстве таких характеристик, как институт представительной (законодательной) власти, формируемый на основе свободных выборов с участием политических партий и выражający интересы всего общества; конституционно закрепленный принцип разделения властей; верховенство права; гражданское общество, характеризующееся демократизмом и высокой политики-правовой культурой граждан, можно говорить о наличии парламентаризма, призванного утверждать и развивать в обществе принципы социальной справедливости, гражданского согласия и правопорядка.

1. Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004.

2. Большой энциклопедический словарь. М., 1997.

3. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение. М., 1992. Т. 44.
4. Евзеров Р. Я. Парламентаризм и разделение властей в современной России // Общественные науки и современность. 1999. № 1.
5. Керимов А. Д. Французский парламентаризм: опыт сравнительно-правового анализа : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1999.
6. Ковлер А. И. Очерки по истории парламентаризма // Парламенты мира. М., 1991.
7. Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1914.
8. Мижуев П. Г. Парламентаризм и представительная форма правления в главных странах современной Европы. СПб., 1906.
9. Миронов О. О. Истоки российского парламентаризма // Представительная власть. 1996. № 4–5.
10. Миронов С. М. Конституция России и задачи Совета Федерации // Российская Федерация сегодня. 2002. № 2.
11. Охотский Е. В. Государственная служба в парламенте: Отечественный и зарубежный опыт. М., 2002.
12. Романов Р. М. Российский парламентаризм: генезис и организационное оформление // Полис. 1998. № 5.
13. Соколов К. Н. Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентского строя. СПб., 1912.
14. Страшун Б. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : в 2 т. М., 1995. Т. 2.
15. Тихомиров Д. В. Становление и развитие российского парламентаризма (исторический аспект) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Рукопись поступила в редакцию 7 февраля 2012 г.

УДК 327.2(470) + 327.2(73) +327.2(479.22) + 327.51

Р. С. Мухаметов

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Статья посвящена изучению нерешенных проблем в отношениях между Москвой и Вашингтоном. Автор затрагивает вопросы, касающиеся признания Абхазии и Южной Осетии в качестве независимых государств, использования Россией энергетического оружия и поддержки Вашингтоном Тбилиси во время «пятидневной войны». Много внимания уделено расширению НАТО на восток.

Ключевые слова: российско-американские отношения, постсоветское пространство, Грузия, НАТО.

Российско-американские отношения на протяжении многих лет остаются одним из ключевых направлений российской внешней политики. Сложным вопросом в повестке дня двусторонних межгосударственных отношений является постсоветское пространство, так как за последние годы накопился колоссальный объем негатива между Россией и Соединенными Штатами ввиду оче-

видного несовпадения национальных интересов сторон. Растет список международных вопросов, где Москва и Вашингтон явно придерживаются противоположных позиций. Американское видение процессов на постсоветском пространстве во многих отношениях не совпадает с российским. Иными словами, главной и наиболее трудноразрешимой остается застарелая проблема отношений Москвы и Вашингтона со странами постсоветского пространства — одиннадцатью бывшими республиками Союза ССР, не входящими в НАТО или Европейский союз.

Наибольшую опасность в этом плане представляет противостояние между Россией и США по вопросу о расширении НАТО на восток. Данный вопрос является наиболее спорным в аспекте двусторонних межгосударственных отношений.

Москва яростно сопротивляется экспансии Альянса за пределы того, что Е. М. Примаков в 1998 г. назвал «красной линией». Для России неприемлемо членство государств постсоветского пространства в НАТО. Позицию Москвы можно сформулировать следующим образом: расширение Североатлантического альянса за счет абсорбции государств ближнего зарубежья и приближение его военной инфраструктуры непосредственно к российским границам значительно осложнит для Москвы чисто военную обстановку. Это проявится в том, что Альянс получит практически прямой доступ к центральным, ранее тыловым, районам России, имеющим ключевое в военно-экономическом отношении значение. Во-вторых, увеличится досягаемость российской территории со стороны тактической ударной авиации НАТО, которая уже сегодня теоретически способна проникать в воздушное пространство России и достигать целей в глубине территории страны, а также средств предупреждения, боевого управления и разведки.

Расширение НАТО на восток будет иметь и негативные политические последствия для Москвы. Это прежде всего ощутимо сузит свободу действий России на постсоветском пространстве, выбор средств и способов защиты жизненно важных интересов. Кроме того, у России имеются опасения, что членство Грузии и Украины в НАТО укрепит создаваемый, по мнению некоторых российских экспертов, Западом по периметру ее границ «санитарный кордон» из недружественных и ориентированных преимущественно на США государств. Наконец, в данном регионе Россия хотела бы соседствовать с дружественными или по крайней мере нейтральными государствами. Появление у российских границ страны — члена НАТО (балтийские страны — особый случай), который в Москве рассматривают в качестве организации, которая несет потенциальную угрозу для России, будет однозначно воспринято как прямой и провокационный вызов ее национальным интересам. Это обусловлено тем, что ближнее зарубежье представляет собой территорию, традиционно находящуюся в сфере влияния России. Потеряв это пространство, Москва лишается последней буферной зоны, и тогда оборонительная линия страны будет проходить уже по государственной границе.

За намерением Запада добиться расширения НАТО на восток кроется целый ряд причин. Главная из них — попытка сохранить жизнеспособность Севе-

роатлантического альянса. Лишившись прежней основной цели — сдерживания военной и идеологической угрозы со стороны СССР, НАТО вступил в эпоху неизбежного системного кризиса. Все попытки найти Альянсу новое применение — «сдерживание» угрозы с юга, миротворчество и т. п. — не привели к полноценному замещению его главной цели. Существуют также намерения закрепить полученные в результате «победы» в холодной войне geopolитические приобретения с тем, чтобы Россия, даже после ее будущего выхода из кризиса, не смогла добиться адекватного усиления своего политического влияния в Европе [8].

В российско-американских отношениях сохраняются противоречия, связанные с так называемыми «цветными революциями» на постсоветском пространстве. За последние несколько лет произошла смена правящих режимов в некоторых новых независимых государствах («революция роз» в Грузии и «оранжевая революция» на Украине). Американская администрация оказала решительную поддержку революциям в Тбилиси и Киеве как победе демократии западного типа над изжившими себя коррумпированными режимами. Официальные круги США оценивают «цветные революции» как часть развития демократического процесса и «обретения свободы». России, напротив, кажется, что эти революции были отмечены многими признаками антиконституционных переворотов. Российские чиновники и комментаторы обвиняют Запад в спонсировании массовых демонстраций и движений — «цветных революций» — в бывших советских республиках. Они заявляют, что за внешней ширмой этих маршей протesta, проводимых якобы с целью гарантировать свободные и справедливые выборы, кроются далекоидущие замыслы: дестабилизировать российскую периферию; завербовать новых членов НАТО; окружить, ослабить и, возможно, даже расчленить Россию [4, 37]. В Кремле увидели в этих событиях еще одно свидетельство враждебности США и Запада к России. По мнению Москвы, конечной целью цветных революций является создание на постсоветском пространстве антироссийских режимов.

Между Россией и США сохраняются фундаментальные разногласия по Грузии. Во-первых, Вашингтон считает непропорциональными ответные действия России на вторжение Грузии в Южную Осетию. Во-вторых, Белый дом призывает к немедленному выводу российских вооруженных сил из Грузии на позиции, которые они занимали до начала конфликта. В-третьих, Соединенные Штаты заявляют не только о своем жестком осуждении одностороннего решения России о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, но и, более того, призывают другие государства не признавать их независимость. Кроме того, Вашингтон обратился к России с требованием пересмотреть решение о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. Наконец, сенат конгресса США 29 июля 2011 г. единогласно одобрил резолюцию в отношении Грузии, в которой Вашингтон признает Абхазию и Южную Осетию оккупированными Россией территориями. Сенаторы призывают Москву «предпринять шаги по выполнению всех условий соглашения 2008 г. между Грузией и Россией о прекращении огня, включая отвод войск на позиции, занимаемые до начала войны, и допуск международной гуманитарной помощи ко всем пострадавшим в ходе конфлик-

та». Еще американцы призывают руководство России и «власти, контролирующие регионы Южной Осетии и Абхазии», обеспечить «полное и достойное» возвращение всех беженцев. Кроме того, американские законодатели дали понять, что их не устраивает российская интерпретация событий, последовавших после прекращения огня в соответствии с договоренностями, заключенными между Москвой и Тбилиси при посредничестве французского президента Николя Саркози 14 августа 2008 г. [9].

Соединенные Штаты видят в Грузии своего стратегического партнера на постсоветском пространстве и главный противовес региональным амбициям России. Это фактически означает, что Вашингтон постарается сделать все возможное, чтобы Тбилиси не оказался в сфере влияния Москвы. Более того, Грузия должна поддерживать текущий характер «негативно сдержанных» отношений с РФ, все больше ориентируясь на интеграцию в систему контролируемых США наднациональных объединений. Выступая в качестве главного «волнореза» «ближнего круга» российской внешней политики, Тбилиси сохраняет роль статусного субъекта, сдерживающего рост авторитета РФ на международной арене. Иными словами, для Вашингтона «ограничительный потенциал» Тбилиси имеет стратегическое значение, так как он позволяет не только сдерживать влияние РФ на постсоветском пространстве, но и препятствовать усилению ее позиций на международной арене.

Геополитический порядок в Евразии также является яблоком раздора в отношениях между Вашингтоном и Москвой. Отличием во внешнеполитических взорениях России и США являются отношения к сферам влияния в Евразии. Так, Москва настаивает на своем праве на некую «сферу привилегированных интересов» на постсоветском пространстве. По мнению Кремля, Соединенные Штаты должны признать за РФ право на восстановление зоны российских интересов на постсоветском пространстве. К 1993 г. в России сформировался консенсус по вопросу о значении ближнего зарубежья. Его важнейшими элементами можно считать следующие идеи:

- в силу исторических и геополитических причин этот регион имеет для России большее значение, нежели для любой другой великой или региональной державы;
- здесь Россия вправе противодействовать интересам любых других государств;
- необходимо препятствовать формированию в бывших советских республиках враждебных России альянсов и коалиций, а также не допускать возникновения здесь нестабильности, ибо это ослабляет российские позиции в регионе;
- недопустимо считать статус русскоязычного населения в ближнем зарубежье исключительно внутренним делом тамошних правительств; это объект законной озабоченности российского государства — как по символическим, так и по материальным мотивам (обустройство беженцев и вынужденных переселенцев);
- периметр бывшего СССР важен для России в геостратегическом отношении;

— Запад использует временную слабость Москвы для подрыва ее позиций в жизненно важном для нее регионе [5, 68–69].

Москва обеспокоена американским проникновением в те регионы, которые рассматриваются российской элитой как традиционные зоны жизненно важных интересов России. Кремль усматривает в политике Вашингтона на постсоветском пространстве стремление максимально ограничить свободу рук Москвы, поддерживая политиков, недружественно настроенных к России (М. Сакашвили в Грузии и В. Ющенко на Украине).

По мнению же американцев, действия Москвы на постсоветском пространстве свидетельствуют о стремлении к гегемонии в регионе и направлены против США. С американской точки зрения Россия никак не может излечиться от ностальгии по развалившейся советской империи и продолжает претендовать в ближнем зарубежье на главенствующие позиции. США противостоят любым попыткам России установить сферы влияния в Евразии, включая попытки отказать другим странам в их праве вступления в НАТО или другие организации. «Америка оказывает политico-дипломатическую и военную поддержку тем странам, которые взяли курс на интеграцию в западные структуры, продвигает “геополитический плюрализм”, который включает поддержку полного суверенитета и независимости новых независимых государств, а также их права на сближение с европейскими и евроатлантическими институтами» [7, 15].

Следующий источник трений и напряженности в отношениях между Россией и США — поддержка ими различных и взаимоисключающих региональных интеграционных проектов в области экономики и безопасности. Так, Вашингтон предпринимает усилия по формированию в ближнем зарубежье России международной организации, способной конкурировать с ОДКБ, ЕврАзЭС и ШОС в политической и экономической областях. Речь идет об Организации за демократию и экономическое развитие — ГУАМ.

В октябре 1997 г. четыре страны — Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова — создали организацию ГУАМ, к которой в апреле 1999-го присоединился Узбекистан, в результате чего данная структура была переименована в ГУУАМ. В мае 2005 г. ГУУАМ реорганизовался в ГУАМ из-за выхода из его состава Узбекистана. В мае 2006 г. ГУАМ был преобразован в международное формирование «Организация за демократию и экономическое развитие — ГУАМ».

Одной из основных задач объединения является создание трансрегионального транспортно-коммуникационного коридора, сети трубопроводов для транспортировки каспийских энергоносителей на мировые рынки в обход России. Территории стран — членов ГУАМ являются ключевыми и самыми перспективными с экономической и географической точек зрения для транзитных перевозок нефти и природного газа на европейский и американский рынки. Кишиневская Декларация глав государств ГУУАМ «Во имя демократии, стабильности и развития» подчеркивает «необходимость энергетического сотрудничества в рамках ГУУАМ, в частности, активизации усилий, направленных на реализацию совместных программ и проектов, на основе их коммерческой рентабельности, по транспортировке энергоресурсов Каспийского региона на ев-

ропейский энергетический рынок с использованием территорий государств — участников Объединения» [2]. Через территории государств — членов ГУАМ осуществляется доставка на западные рынки энергоносителей из Каспийского региона по следующим трубопроводам: Баку — Тбилиси — Джейхан, Баку — Тбилиси — Супса и Баку — Тбилиси — Эрзерум.

Наряду с энергетической одной из главных признавалась демократическая миссия ГУАМ. После серии цветных революций на постсоветском пространстве эта миссия стала претендовать на доминантную роль и даже способствовала трансформации «Объединения ГУАМ» в «Организацию за демократию и экономическое развитие — ГУАМ». Как заявил в 2005 г. на кишиневском саммите организации Виктор Ющенко, государства — члены ГУАМ «намерены стать локомотивом «третьей волны демократических революций» на пространстве бывшего Союза» [1].

Наконец, одной из приоритетных задач сотрудничества в рамках ГУАМ является урегулирование конфликтов на постсоветском пространстве. Государства — члены ГУАМ подчеркивают важность урегулирования приднестровской проблемы и конфликтов в Азербайджане и Грузии путем реинтеграции неконтролируемых территорий в политическую, правовую и социально-экономическую систему государств, частью которых они являются, возвращения перемещенного населения в места постоянного проживания. Другими словами, урегулирование конфликтов на территориях государств ГУАМ должно осуществляться исключительно на основе соблюдения суверенитета, территориальной целостности и нерушимости международно признанных границ этих государств.

Создание группировки стран эксклюзивного состава с участием нерегиональных сил на постсоветском пространстве для решения узких задач не может не вызывать обеспокоенности Москвы. Отношение России к существованию различных межгосударственных объединений на пространстве СНГ зафиксировано в директивных документах, определяющих российскую политику в Содружестве. Как сказано в утвержденной президентом Д. А. Медведевым Концепции внешней политики Российской Федерации, «отношение России к субрегиональным образованиям и иным структурам без российского участия на пространстве СНГ определяется исходя из оценки... их готовности на деле учитывать законные российские интересы» [3, 230]. Из сказанного выше можно сделать вывод, что позиция России относительно организации ГУАМ будет отрицательной, поскольку деятельность данной организации не отвечает национальным интересам России.

Таким образом, Соединенные Штаты заинтересованы в ослаблении международных организаций, в которых ключевую роль играет Россия (ОДКБ, ЕврАЗЭС), и повышении значения региональных структур без участия России (ГУАМ).

США обвиняют Россию в использовании экспорта энергоресурсов в качестве политического оружия. Прекращение поставок углеводородов в соседние государства расценивается Западом как использование энергетического оружия в политических целях. Критики Москвы утверждают, что Россия использует свой контроль над поставками энергии для принуждения других стран. Иными

словами, в США и во многих европейских странах усиливается беспокойство по поводу того, что авторитарная Россия может использовать свой контроль над значительной долей импорта энергоносителей в качестве рычага давления и шантажа, угрожая «перекрыть вентиль». В подтверждение того, что подобные опасения небезосновательны, обычно приводят пример взаимоотношений России со странами СНГ, поскольку считается, что Россия не раз прибегала к сокращению поставок энергоносителей, чтобы подавить и ограничить политическую и экономическую самостоятельность своих соседей, а также чтобы изменить их прозападную ориентацию [6, 19–20].

Таким образом, межгосударственные отношения России и Соединенных Штатов со странами постсоветского пространства остаются одним из основных источников напряженности между Москвой и Вашингтоном. Российско-американское соперничество в ближнем зарубежье стало скорее нормой, чем исключением. Очевидно, что в обозримом будущем военно-политическое противостояние США и России на постсоветском пространстве будет продолжаться, так как политические цели России и США несовместимы. В этой связи преодоление разногласий в решении ключевых проблем должно стать приоритетным направлением во внешней политике РФ и США. Российско-американские отношения важны и для обоих партнеров, и на региональном и на глобальном уровне.

-
1. ГУАМ : Материал из Википедии — свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 12.01.2012).
 2. Кишиневская Декларация глав государств ГУУАМ «Во имя демократии, стабильности и развития» от 22 апр. 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://guam-organization.org/node/311> (дата обращения: 12.01.2012).
 3. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 года // Международная жизнь. 2008. № 8/9.
 4. На неверном пути: что может и должен сделать Вашингтон в отношении России и США. Доклад Независимой рабочей группы.
 5. Ломагин Н. Новые независимые государства как сфера интересов России и США // Pro et Contra. 2000. № 2.
 6. Монаган Э. Дилемма энергетической безопасности // Там же. 2006. № 2–3.
 7. Нэйшн Р. К. Российско-американские отношения: первые результаты «перезагрузки». Russie. Nei. Visions. 2010.
 8. Россия и НАТО : Тезисы Совета по внешней и оборонной политике [Электронный ресурс]. URL: http://www.svop.ru/live/materials.asp?m_id=7009&r_id=7044 (дата обращения: 12.01.2012).
 9. Сенат США принял резолюцию об «оккупации» Россией Абхазии и Южной Осетии [Электронный ресурс]. URL: <http://news.nur.kz/191379.html> (дата обращения: 12.01.2012).

Рукопись поступила в редакцию 10 февраля 2012 г.

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

УДК 339.142 + 338.012:339.137

М. В. Петрищев

МЕЖРЫНОЧНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ И МЕЖОТРАСЛЕВАЯ КОНКУРЕНЦИЯ КАПИТАЛОВ

Теоретически обосновано существование межрыночной конкуренции товаров. Показано различие оснований, процессов и результатов межрыночной и межотраслевой конкуренции.

Ключевые слова: род товара, конкуренция внутри рынка рода товара, разновыгодность родов товаров, межрыночная конкуренция, общее рыночное равновесие, различие нормы прибыли по отраслям, межотраслевая конкуренция.

В экономической теории традиционно выделяют два рода (вида) рыночной конкуренции — внутриотраслевую и межотраслевую. Понятие «внутриотраслевая конкуренция» возникло тогда, когда понятие «отрасль» было близким к роду занятия, сфере (области, виду) деятельности. Отрасль производила в основном *один род товара*. В настоящее время отрасль и даже подотрасль настолько укрупнились и специализировались внутри себя, что производят *множество родов товара*. И так как конкуренция возникает прежде всего внутри рынка каждого отдельного рода товара, то можно говорить о переходе от понятия «внутриотраслевая конкуренция» к понятию «внутрирыночная».

Так, Д. Н. Хайман в качестве отраслевых рынков называет рынки кукурузы, сахара, ковров, муки, свинца, алюминия, мыла [5, 61], и т. д. Можно ли считать производство ковров отраслью, а рынок мыла или рынок «погружного насосного оборудования» [7, 216] отраслевыми рынками? Это, конечно же, рынки каждого рода товара, и конкуренция идет отдельно на каждом из них.

Само понятие «род товара» означает, что конкуренция не предполагает наличие одинакового, «стандартизированного» товара, что «продукты *совершенно однородны*» [6, 45] (курсив мой. — *М. П.*). На самом деле это могут быть более

или менее различающиеся по второстепенным признакам товары, но удовлетворяющие одну и ту же потребность, т. е. имеющие в основе одни и те же полезные свойства, фактически они «являются такими же в основном продуктами» [6, 104]. Например, автомобили легковые и грузовые — это разные роды товаров. «Конкуренция между спортивными гоночными машинами и десятитонными грузовиками должна в сущности равняться нулю» [Там же, 37], т. е. у каждого из этих товаров свои рынки и своя внутренняя конкуренция. И вступить они могут только в межрыночную конкуренцию.

И напротив, такой родовой товар, как соль, может быть представлен на своем рынке в виде кухонной, экстры, йодированной соли. У каждого ее вида свои стандарты и свои приверженцы. Но реально ее потребители действуют по принципу: нет одного вида, купим другой, ибо это все равно соль, а не сахар. А вопрос взаимозависимости рынков каждого рода товаров — это уже «компетенция» иного рода конкуренции — межрыночной.

Путаница в данном вопросе идет от А. Смита: «Вкладывать капитал туда, где он принесет наивысшую прибыль, а также свобода изымать оттуда, где он приносит меньше прибыль... есть условия формирования естественной цены — цены свободной конкуренции» [3, 40]. Как видно, внутрирыночная конкуренция, выявляющая «естественную цену», смешивается с межрыночной, вызываемой разнотипностью производства и продажи товаров разного рода. Так же и Н. Сениор полагал, что свободная конкуренция существует, когда «капитал и труд могут тотчас же и без потерь переведены с одного вида использования на другой и что у каждого производителя есть полная информация о прибыли, которую можно извлечь из каждого вида производства» [4, 303]. Данные утверждения воспроизводятся в большинстве работ XIX–XX вв. В них речь идет не просто о конкуренции, а о конкуренции, которая вызвана различиями в соотношении спроса (D) и предложения (S) на рынках разнородных товаров, т. е. о межрыночной конкуренции.

Этот род конкуренции исследовался Л. Вальрасом как «общее рыночное равновесие». Основная идея этой теории состоит в том, что, как считали К. Эрроу и Н. Дебре, «равновесие является вектором цен, и при этих ценах сделанные в условиях совершенной конкуренции выборы каждого из экономических агентов в совокупности дают такую аллокацию ресурсов, которая обеспечивает расчистку рынков» [1, 655], т. е. создает равновесие D и S на каждом из них.

Современных экономистов также занимает вопрос не о внутрирыночной конкуренции как процессе формирования среднерыночной цены из индивидуальных цен предложения, а «об уравнивании доходов в различных направлениях, открытых для предпринимателей» [4, 302], о выгодах и невыгодах применения труда и капитала, «когда все торговцы обладают исчерпывающими знаниями об условиях предложения и спроса» [Там же, 307–308], по рынкам разнородных товаров.

Фактически речь идет не о внутрирыночной конкуренции, а о конкурентном равновесии, достигаемом движением ресурсов в другие сферы их приложения. Дж. Стиглер четко отличает этот род конкуренции и предлагает назвать ее отраслевой конкуренцией: «Широкое понятие совершенной конкуренции

определяется условием, что норма прибыли... каждого ресурса должна быть одинаковой во всех видах использования. Чтобы отличить это понятие от понятия рыночной конкуренции, мы можем назвать его... *отраслевой конкуренцией*. Отраслевая конкуренция требует: 1) чтобы в каждой отрасли существовала рыночная конкуренция, 2) владельцы ресурсов знали, какие доходы можно получить в каждой отрасли, и 3) чтобы они были вольны войти в любую отрасль или покинуть ее» [4, 325].

Возможно даже, что Дж. Стиглер включает в понятие «отраслевая конкуренция» и то, что в марксистской теории именуется «межотраслевой конкуренцией», образующей цену производства. Ведь он говорит об *одинакости нормы прибыли во всех отраслях* использования капитала. Представляется, что такое объединение, по сути, неправомерно (правомерно по форме — переливу капитала), так как и причины, и процесс, и результаты «отраслевой» и межотраслевой конкуренции различны. В «отраслевой» рыночная цена не становится ценой производства.

Подобное различие приводилось и в других терминах. Так, Сиджвик и Эджворт приписывали Кэрнсу следующее положение: «Коммерческая конкуренция — это конкуренция в пределах одной отрасли, а отраслевая конкуренция требует, чтобы ресурсы могли переливаться из одной отрасли в другую» [Там же, 304]. Фактически «коммерческая» конкуренция — это внутрирыночная, а «отраслевая» — межрыночная, ибо, как ранее объяснено, отрасль в современных условиях включает разные роды товаров и перелив ресурсов может происходить из производства товара одного рода в другой, даже не пересекая границ «своей» отрасли. Термин «межрыночная конкуренция» фиксирует это обстоятельство и, кроме того, позволяет отличить ее от межотраслевой конкуренции, которую Кэрнс отождествлял с межрыночной [Там же, 303].

У каждого из этих двух родов конкуренции имеются свое основание, свой процесс, свое «место и время», свой результат, свои субъекты.

Первые два основания межрыночной конкуренции уже названы. Это, во-первых, разделение товарного рынка на отдельные рынки каждого рода товара, что обусловлено общественным разделением труда. Во-вторых, это неравенство соотношения спроса и предложения на каждом из этих рынков в каждый данный момент времени: на рынке одного рода товара $D > S$, тогда как на рынке другого рода товара в это время $D < S$.

Противоречие частной и общественной сторон в деятельности товаропроизводителей приводит к тому, что, с одной стороны, каждый из них сам решает, когда какой род товара и в каком объеме производить. Это их частное дело, их частные инвестиции. С другой стороны, они производят не для собственного потребления, а для продажи, т. е. для общества. А это означает, что их частный продукт должен иметь общественную полезность, пользоваться спросом.

Перед товаропроизводителем как частным субъектом всегда стоит вопрос: а верно ли он оценил общественную потребность в товаре, который собрался производить? И рыночный спрос ему на этот вопрос ответит. Так будет дана оценка частной деятельности товаропроизводителя. А между тем ему было

безразлично, какой род товара производить, этот род только форма существования своей противоположности — того дохода, который он получит, когда продаст (или не продаст) свой товар. Поэтому товаропроизводитель должен выбрать для производства только тот род товара, который сейчас и в будущем будет пользоваться спросом, так чтобы D было больше S .

Стихийный (в условиях свободного рынка) процесс формирования общественного разделения труда, *стихийный* (при неопределенности) выбор частными лицами рода товара и его объема для производства и продажи, *стихийно* формирующийся общественный спрос на каждый род товара — все это проявления противоречия частной и общественной сторон деятельности товаропроизводителей. Поэтому неизбежно различие в соотношении D и S на каждом из рынков, что обуславливает «выгодность» одних рынков и «невыгодность» других. Ведь там, где $D > S$, рыночная цена будет выше цены, установленной внутрирыночной конкуренцией (P_{cp}). На таком рынке производители-продавцы получат (при прочих равных условиях) «экономическую прибыль». И наоборот, на рынках, где $D < S$, рыночная цена будет ниже определенной конкуренцией (P_{cp}). Участники такого рынка будут нести убытки.

Поскольку субъекты производства — товаропроизводители, то их интересует именно «выгодность» производства и продажи. Этим обусловлена необходимость движения ресурсов из «невыгодных» в «выгодные» производства, движения продавцов из рынка одного рода товара («невыгодного») на другой, «выгодный» рынок.

Первое условие такого движения ресурсов и его субъектов — *свободная* внутрирыночная конкуренция. Второе условие — наличие информации у производителей о высокодоходных сферах производства, т. е. рынках каких-либо родов товаров, на которых $D > S$. Третье условие — это возможность «располагать свободой доступа к области, обещающей высокую доходность» [4, 302]. Эту свободу может ограничить только монополия на приобретение ресурсов и монополия внутри рынка того рода товара, который имеет высокую доходность.

Процесс межрыночной конкуренции сначала должен быть представлен как колебание во времени (t) среднерыночной цены P_{cp} конкретного рода товара при изменениях соотношения D и S (рис. 1).

Линия P_{cp} означает линию (множество) точек среднерыночной цены товара одного рода при равновесии D и S . В точке A рыночная цена (P) выше конкурентной P_{cp} , что может быть вызвано (при отсутствии монополизации рынка) только превышением D над S . Это обеспечивает экономическую прибыль тем участникам рынка данного рода товара, у которых средние издержки равны P_{cp} или ниже ее.

Осознавая такие условия данного рынка как выгодные (из-за экономической прибыли), *все* предприниматели (и те, у кого были высокие издержки производства (AC), обуславливающие высокие цены предложения, и те, у кого получились низкие издержки и низкие цены) *будут оставаться на данном рынке*. А главное, в производство данного рода товара начнется перелив ресурсов из других производств, его предложение возрастет.

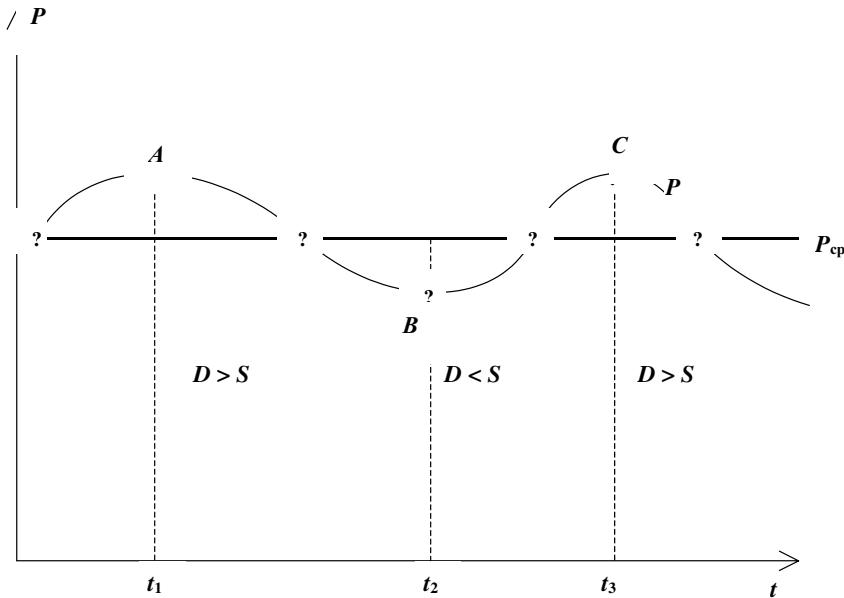

Рис. 1. Колебание рыночной цены относительно конкурентной при изменении предложения товара одного рода

Рост предложения при неизменном спросе вызовет в период от t_1 до t_2 падение рыночной цены до точки B , что обусловит снижение доходности ниже нормального уровня. Особенно существенным будет снижение рыночной цены, если вновь пришедшие на данный рынок товаропроизводители придут с низкими ценами предложения на товар данного рода.

Следствиями такого снижения рыночной цены будет уход товаропроизводителей из производства данного рода товара, что вызовет снижение совокупного предложения при неизменном спросе. От точки B до точки C будет происходить по указанной причине рост рыночной цены товара, так что в точке t_3 ситуация на рынке данного товара будет, по сути, тождественной в точке A с теми же последствиями.

Таким образом, рассмотренный процесс с максимумом его неравновесия в точках A , B и C , определяет колебания доходности всех товаропроизводителей данного рода товара, что диктует либо приток ресурсов в производство и на рынок данного рода товара, либо отток их (точка B). В процессе указанного перелива ресурсов требуется умение инвесторов принимать правильные решения.

Сопоставим теперь *два рынка разнородных товаров*. В одно и то же время на каждом из рынков существует различное соотношение спроса и предложения ($D : S$). На рынке товара B , где сначала $D > S$, рыночная цена выше конкурентной и поэтому все продавцы на нем, как сказано выше, имеют дополнительный доход (по сравнению с тем, который они имели бы при $D = S$). Все продавцы рынка товара A , где в это время $D < S$, несут убытки. Поэтому из

этого рынка (и соответствующего производства товара A) начинается движение ресурсов в производство товара B и на соответствующий ему рынок (рис. 2).

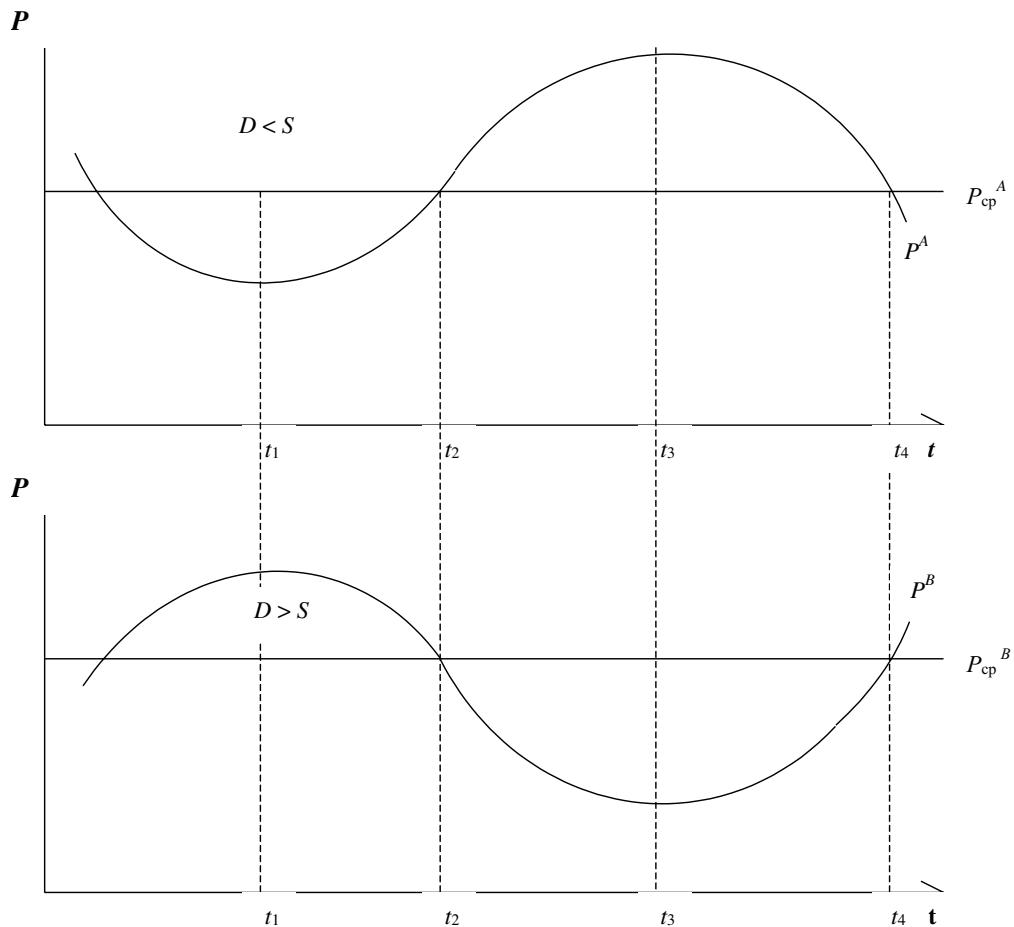

Рис. 2. Сравнительная доходность двух рынков (товары A и B)

В период около t_1 ресурсы начнут переливаться из производства товара A в производство товара B . Но в период около t_3 начнется обратный перелив ресурсов. Поэтому главным для товаропроизводителей становится опережение в переливе ресурсов в «доходные» производства и рынки. Те товаропроизводители товара A , которые начнут переход в производство товара B в период подъема его рыночной цены (до начала t_1), получат максимальную доходность в периоде t_1 и чуть позже него. Но те, кто начал инвестиции в производство товара B в период между t_1 и t_2 , могут рассчитывать только на получение нормального дохода. Наконец, третья группа производителей, начавшая переход на рынок товара B после t_2 , «опоздают», т. е. будут нести убытки в периоде от t_2 до t_4 и должны как можно скорее возвратиться в производство товара A .

Именно *опережение* других производителей в переливе ресурсов в высокодоходные производства и рынки и *опережение в уходе* из низкодоходных производств и составляет смысл межрыночной конкуренции. «Увеличение спроса на определенную продукцию привлекает в соответствующую отрасль новых предпринимателей... заставляет деловых людей “глотать от зависти слюнки” при виде высокой прибыли фирм, уже действующих в данной сфере деятельности» [2, 141]. Его субъекты – товаропроизводители (не обязательно капиталисты, как это было тысячи лет), частные по своему положению, должны подчиняться общественной необходимости – пропорциональному удовлетворению общественных потребностей и потому постоянно находиться в процессе межрыночной конкуренции.

Межрыночный перелив смещает неравновесие на каждом рынке к общему равновесию, а стихийность инвестирования и неопределенность информации, а также временной лаг от налаживания производства нового рода товара до входа на рынок постоянно отклоняют равновесие на каждом рынке к общему неравновесию.

Полного и долгосрочного равновесия на всех рынках разного рода товаров не существует. Общее в основе равновесие – это динамический процесс, а не результат. В нем нормой является равновесие в данное время на одном рынке, а на другом рынке в это же время $D > S$, на третьем $D < S$ и т. д. Столь же нормальным будет смена положения D и S на этих рынках в следующий временной период (месяц, квартал и т. п.): на первом – неравновесие, на втором $D = S$, на третьем $D > S$.

Межрыночная конкуренция обеспечивает *постоянную тенденцию к равновесию* на рынке каждого рода товара. Но ее собственная природа (основания, условия, процесс) определяет и ее контраттенденцию – к постоянному нарушению равновесия: 1) из-за «проскачивания» равновесия; 2) взаимодействия разных рынков. В итоге происходят «сдвиги спроса и предложения в те моменты, когда все устремляются в одну сторону, затем в другую» [6, 61]. Как видно, Э. Чемберлин видит причину таких колебаний от равновесия к неравновесию и обратно в хаотическом процессе межрыночной конкуренции. Он (процесс) порождает сдвиги D и S , а они вновь порождают новые «устремления» торговцев. Причина переходит в следствие, а последнее переходит в причину.

Если бы существовало полное общее равновесие спроса и предложения на всех товарных рынках, то в условия капиталистической экономики (а не просто наличия в экономике рынков) такое равновесие было бы неизбежно нарушено переливом капитала (а не просто ресурсов). Такой перелив в марксистской теории был назван *межотраслевой конкуренцией*.

В современной экономической литературе она не рассматривается как отдельный род конкуренции, т. е. либо игнорируется, либо (что наблюдается чаще) смешивается с межрыночной. Такое смешение имеет свое основание – внешне одинаковую форму перелива капитала в разные сферы производства, хотя в межрыночной конкуренции такой перелив: 1) происходит из производств одного рода товара в иные его роды, а не обязательно по отраслям; 2) вызывается *разным* соотношением спроса и предложения по рынкам разного

рода товаров и в этом смысле разной прибыльностью производства и продажи товаров разного рода. Межотраслевая конкуренция, напротив, начинается при условии *равенства спроса и предложения* (и разной при этом нормой прибыли) на разных отраслевых рынках. И хотя Дж. Стиглер заметил способность ресурсов «зарабатывать одинаковую норму прибыли во всех видах использования» [4, 324], он специально не разграничил два процесса «зарабатывания одинаковой нормы прибыли».

Основаниями межотраслевой конкуренции капиталов выступают: 1) известное противоречие частной и общественной сторон деятельности товаропроизводителей, которое в ней существует как противоречие работы частного капитала на общие нужды всех других частных лиц, т. е. на общественные потребности; 2) материально-техническое основание в виде: а) разного по отраслям соотношения капитала и труда (капиталовооруженности труда или, иначе, строения капитала), б) разной скорости оборота капитала, примененного в разных отраслях. И пункт «а», и пункт «б» порождают различие годовой нормы и массы прибыли по отраслям; кроме того, 3) в силу природы капитала должен исполняться закон «На равный капитал — равная прибыль», т. е. закон равной нормы прибыли во всех видах использования капитала.

Третье основание не существовало в обществе простых товаропроизводителей, которые вступали только во внутрирыночную и межрыночную конкуренцию. Зато товаропроизводители-капиталисты являются субъектами всех трех родов конкуренции.

Таким образом, внутрирыночная (внутриотраслевая — по традиции), межрыночная и межотраслевая конкуренции существенно различаются. Во-первых, в межрыночной и межотраслевой нет конкуренции покупателей. Во-вторых, исторически внутрирыночная и межрыночная конкуренции существуют тысячелетия, тогда как межотраслевая — столетия. В последней мелкий товаропроизводитель (не капиталист) вообще не участвует. В-третьих, хотя внутрирыночная и межрыночная конкуренция исторически (а в теории — и логически) предшествуют межотраслевой, но последняя родилась не из них, а из превращения мелкотоварного производства и обращения в капиталистическое. Она образует цену производства, обеспечивающую среднюю норму прибыли на капитал. В-четвертых, хотя логически и исторически выстраивается связь: внутрирыночная → межрыночная → межотраслевая конкуренция, после ее осуществления, т. е. в «зрелом» состоянии, происходит обратное воздействие позднее ставших родов конкуренции на ранее возникшие: индивидуальные цены предложения во внутрирыночной и межрыночной конкуренции устанавливаются сразу как цены производства. В итоге в формировании рыночной цены товара каждого рода участвуют все три рода рыночной конкуренции.

1. Робертс Д. Рынки совершенной и несовершенной конкуренции // Экономическая теория : пер. с англ. М., 2004.

2. Робинсон Дж. В. Экономическая теория несовершенной конкуренции : пер. с англ. М., 1986.

3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1997.
4. Стиглер Дж. Дж. Совершенная конкуренция: исторический ракурс // Вехи экономической мысли. Т. 2 : Теория фирмы. СПб., 1999.
5. Хайман Д. Н. Современная микроэкономика: анализ и применение : в 2 т. : пер. с англ. М., 1992. Т. 2.
6. Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции. Реориентация теории стоимости. М., 1996.
7. Шибаков В. З., Аширова С. А. Особенности российского рынка погружного насосного оборудования // Эконом. науки. 2010. № 12.

Рукопись поступила в редакцию 14 ноября 2011 г.

УДК 339.13 + 338.242 + 332.021.8

М. А. Шерстнев

МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАПИТАЛА В СТРАНАХ ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ В ПЕРИОД РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

В статье предпринята попытка рассмотреть основные тенденции и специфику проблем международного движения капитала в странах переходной экономики в период рыночных реформ, провести сравнительный анализ указанных процессов на агрегатном уровне между двумя группами стран в контексте современных дискуссий по вопросам международного движения капитала между развитыми и формирующимиися рынками.

К л ю ч е в ы е с л о в а: международное движение капитала, переходные экономики, контроль над движением капитала.

Последняя треть XX в. характеризовалась интернационализацией мирохозяйственных связей, расширением процессов транснационализации и масштабов деятельности транснациональных корпораций (ТНК) и транснациональных банков (ТНБ), углублением процессов региональной экономической интеграции (прежде всего в Западной Европе, но постепенно и в других регионах мира). Данные процессы логично подводили к глобализации всей мировой экономики, которая, по сути, становилась единой мирохозяйственной системой. Мировое хозяйство все больше функционировало по единым рыночным принципам, которые распространялись на рынки товаров, рынок труда и финансовый рынок.

Уже в 70-е гг. в развитых капиталистических и развивающихся странах начали усиливаться процессы либерализации финансового сектора от достаточно жесткого государственного регулирования, сложившегося еще в периоды мировых войн и драматических потрясений эпохи Великой депрессии и получившего дальнейшее развитие в годы кейнсианского регулирования и доминирования эгитистских моделей политики развития [8, 10, 11]. Эти процессы получили дальнейший мощный импульс в условиях неоконсервативного

сдвига в экономике, политике и идеологии на рубеже 70–80-х гг. Логическим продолжением указанных процессов на международном уровне стала постепенная либерализация международного движения капитала, которая начала набирать обороты в рамках интеграционных группировок (опять же прежде всего в Западной Европе), но затем охватывая все более широкий круг стран и регионов мира. Нефтяные шоки 70-х гг. привели к формированию крупных финансовых ресурсов в нефтетранспортирующих странах, последующему перетоку этих ресурсов в ведущие мировые финансовые центры (прежде всего в США и Великобритании) и расширению международного кредитования развивающихся стран.

Распад Советского Союза и мировой социалистической системы в начале 90-х гг. также втянул эти страны в глобализационные процессы, включая и мировой финансовый рынок. Несколько ранее в рамках политики реформ и открытости внешнему миру в эти процессы начал втягиваться Китай. Все эти страны стали членами ведущих международных финансовых организаций (МВФ, группы Всемирного банка, ЕБРР), провели либерализацию валютных операций для резидентов и нерезидентов по текущим статьям платежного баланса и приступили к либерализации инвестиционных операций. Это создало условия для участия как органов государственного управления, так и формировавшегося в результате процессов разгосударствления и приватизации частного сектора в международных капитальных операциях на новой основе.

Двадцать лет истории трансформационных процессов в бывших социалистических странах дают на базе накопленного фактического материала возможность комплексного исследования разных своих аспектов, в том числе и международных капитальных потоков в этих экономиках. Соответствующее исследование в целом является частью проблемы финансовых отношений между развитыми экономиками и странами с формирующейся рыночной экономикой, однако бывшие социалистические страны имеют определенную специфику в связи с процессами перехода от государственной централизованно-управляемой экономики к свободной экономике рыночного типа.

Теоретико-экономические и политические аспекты проблемы

Вопросы международного движения капитала присутствовали в дебатах экономистов со времен классической политической экономии. Различные школы экономической мысли постепенно вводили в анализ различные факторы формирования международных капитальных потоков (от нормы прибыли и риска до факторов денежного обращения) и анализировали различные механизмы этих процессов [1; 5, гл. 4]. Однако процессы мирохозяйственной глобализации в последней четверти XX и в начале XXI в. придали новый импульс этим дискуссиям. Кризисные процессы в сфере международных финансов, остро проявившиеся в ходе мирового финансового кризиса 1997–1999 гг. и глобального экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., поставили на повестку дня вопрос о влиянии гигантских масштабов международного движения капитала на устойчивость мировой экономики в целом и мировой финансовой

системы в частности. Образование пузырей на финансовых рынках, внезапные остановки и резкие изменения направления международных потоков капитала потребовали расширения теоретико-методологического инструментария исследования этих явлений и значительно усложнили формирование международного политического консенсуса в отношения данного феномена (в том числе на уровне ведущих международных финансовых организаций).

В двух монографиях, изданных в серии «Политический диалог» Колумбийского университета (США), группа всемирно известных экономистов и политиков предприняла попытку суммировать современные подходы к анализу международных капитальных потоков, которые представлены в табл. 1 [12, 13].

Таблица 1
Теоретико-методологические подходы к анализу международного движения капитала

Аргументы относительной свободы международного движения капитала
в рыночных условиях

PRO	CONTRA
Свободный рынок наилучшим образом распределяет капитал (как и любые другие ресурсы)	Реальный рыночный механизм не является совершенным
Свободный рынок обеспечивает диверсификацию источников финансирования	Международные финансовые потоки являются <i>неустойчивыми и проциклическими</i>
Свободный рынок обеспечивает диверсификацию направлений инвестирования	Международные инвестиции обеспечивают выигрыш лишь небольшой части общества
Свободный рынок дисциплинирует творцов экономической политики	Доминирование краткосрочных решений

Реалистичный анализ природы, факторов формирования и механизмов функционирования, экономических последствий международных капитальных потоков требует четкого понимания того, что *реальный рыночный механизм не является совершенным в смысле парадигмы теории общего экономического равновесия*. Поэтому любая дискуссия, которая будет сопоставлять последствия политico-экономических решений и мер в сравнении с идеальным саморегулируемым рыночным механизмом, вряд ли будет теоретически плодотворной и практически полезной¹.

С точки зрения реальной действительности важной особенностью является то, что международные капитальные потоки являются нестабильными (они подвержены внезапным остановкам) и имеют проциклическую природу. Из этого следует, что они выступают серьезным дестабилизирующим фактором в макроэкономических процессах открытой экономики при определенных условиях, а следовательно, государственные органы финансового и кредитно-денежного регулирования должны располагать некоторым набором инструментов

¹ Более подробно эта позиция излагается автором в [6].

для стабилизации экономики в условиях ее вовлеченности в мировой финансовый рынок.

Практики финансовой и кредитно-денежной политики прекрасно осознают те ограничения, которые налагаются международными инвесторами на макроэкономическую политику стран, выходящих на мировой финансовый рынок. Так, бывший министр финансов РФ А. Л. Кудрин в получившей большой резонанс статье написал: «В 2006 г. было принято важное стратегическое решение — отменить в России ограничения на движение капитала, по сути — обеспечить конвертируемость рубля. Это ключевое условие в борьбе за мировые инвестиции, но оно требует проведения крайне аккуратной, если не сказать — жесткой, макроэкономической политики, поскольку при отсутствии ограничений капитал легко покидает некомфортную для него среду» [2].

Однако в поле дискуссий остается важным вопрос: *в какой степени страны должны использовать выбор режима международного движения капитала как самостоятельный инструмент (или точнее, группу инструментов, поскольку каждый режим может содержать определенный перечень экономических и административных регулирующих мер) макроэкономического регулирования?* Иными словами, в какой мере допустимы определенные формы контроля (и каковы эти формы) над движением капитала в целях стабилизации макроэкономических процессов и повышения степени автономии национального принятия макроэкономических решений в условиях открытой национальной экономики?

Бреттон-Вудские институты и режим международного движения капитала

В соответствии со статьями Соглашения (Уставом) МВФ страны — члены этой организации должны обеспечивать конвертируемость своих национальных валют по текущим операциям платежного баланса. Это соответствует основной цели МВФ, призванной обеспечить стабильность международных платежно-расчетных отношений для нормального функционирования международной торговой системы. В то же время статьи Соглашения МВФ не налагают обязательств на страны в отношении способа регулирования инвестиционных операций, каждая страна имеет право самостоятельного выбора режима международного движения капитала.

В условиях неолиберального сдвига в экономике, политике и идеологии в 80–90-х гг. XX столетия в недрах аппарата МВФ и частично Всемирного банка, многие сотрудники которых сами были носителями неолиберальных идей, стали получать все большую поддержку идеи либерализации международных инвестиционных операций и даже возможного включения данного требования в нормативные документы МВФ. Это вполне соответствовало пакету рекомендаций сформулированного на рубеже 80–90-х гг. Вашингтонского консенсуса. На официальном международном уровне эти идеи не получили завершения, но намерения в этом направлении были помпезно озвучены в ходе сессии МВФ и Всемирного банка в Гонконге в 1997 г. [7].

Кризисные процессы 1997–1999 гг., жесткая и многогранная критика тех политических рецептов, которые МВФ рекомендовал пораженным кризисом странам и регионам (в которых интересы крупных международных финансовых спекулянтов получали приоритет над интересами агентов реальной экономики и социальными проблемами населения целых стран), внесли существенную корректировку в повестку дня [4]. Хотя МВФ в принципе не отказался от идеи постепенного движения к либеральному мировому финансовому рынку, в его документах получили признание целесообразность постепенности движения к этой цели и необходимость выполнения определенных институциональных и макроэкономических условий в разных странах.

Глобальный экономический кризис, начавшийся в 2008 г., и потрясения в сфере международных финансов даже подвигли МВФ в 2011 г. принять на уровне Исполнительного совета специальный документ о допустимых формах контроля над международным движением капитала и условиях их применения [9]. Это стало еще одним шагом к отходу от категоричной либеральной позиции в этом вопросе и признанием сложности и многогранности макроэкономических процессов в реальном мире.

Переходные экономики: основные тенденции международных капитальных потоков

При исследовании международного движения капитала в переходных экономиках в период реформ в качестве одного из подходов целесообразно использовать сравнительный анализ стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и стран Содружества Независимых Государств (СНГ) и Монголии в период 1992–2004 гг. Выбор указанного временного промежутка связан с двумя обстоятельствами:

- а) в бывших республиках Советского Союза радикальные рыночные реформы начались в 1992 г.;
- б) с 2004 г. страны ЦВЕ присоединялись к Европейскому союзу, что меняло ситуацию с правилами и нормами по всем международным экономическим отношениям, которые должны были быть приведены в соответствие с законодательством ЕС.

В странах ЦВЕ экономические и политические преобразования стали приобретать радикальный характер в рыночном духе несколько раньше, чем в СССР. Советская перестройка открыла для этой группы стран возможность демократического изменения общественного строя, что, в свою очередь, создало большие возможности для формирования программ реформ в ходе демократического политического процесса и их достаточно широкого гласного обсуждения. При этом ряд стран региона имели опыт использования определенных рыночных механизмов еще в условиях социализма (Венгрия, Польша, бывшая Югославия).

Страны региона взяли четкий курс на привлечение иностранного капитала в свою экономику (при различии конкретных путей и подходов к либерализации международного движения капитала).

В бывшем СССР поворот к радикальным экономическим и политическим преобразованиям произошел после августовских событий 1991 г. и происходил в условиях распада союзного государства, раз渲ла союзных структур и «институционального вакуума». Отсутствие общественного согласия и продуктивного демократического диалога по этапам и темпам реформ предопределили значительное напряжение при реализации избранного курса². При этом меры в отношении либерализации международного движения капитала заняли значительный период времени (так, в РФ этот путь был пройден лишь к 2006 г.). Значительные издержки трансформационного процесса в странах СНГ в 90-е гг. (очень серьезный трансформационный спад производства, примитивная финансовая система, макроэкономическая нестабильность и неденежная экономика, несоответствие политических и правовых институтов требованиям рыночной экономики, структурные проблемы экономики, отсутствие четких перспектив социально-экономического развития) служили существенным препятствием для роста иностранных инвестиций в странах региона и влияли на их структуру.

Как видно из табл. 2, в течение пореформенного периода страны Центральной и Восточной Европы имели устойчивое отрицательное сальдо счета текущих операций платежного баланса. В силу основного тождества платежного баланса это означает, что они имели положительное сальдо по счету операций с капиталом и финансовыми инструментами, т. е. привлекали иностранный капитал для финансирования своей экономики. Однако в целом по региону величина отрицательного сальдо была менее 10 % ВВП, хотя в некоторых стра-

Таблица 2³

Сальдо счета текущих операций платежного баланса, % от ВВП

Наименование показателя	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
СНГ	-3,052	-0,1	1,353	0,967	1,035	-1,199	-1,94
ЦВЕ	-0,409	-3,466	0,398	-2,005	-2,266	-2,951	-2,563
Наименование показателя	1999	2000	2001	2002	2003	2004	
СНГ	8,171	13,656	7,983	6,538	6,242	8,208	
ЦВЕ	-4,083	-4,814	-2,016	-3,001	-4,092	-5,634	

нах в отдельные периоды эта величина была значительно больше. В отличие от стран ЦВЕ страны СНГ в целом имели положительное сальдо счета текущих операций в пореформенный период, причем его величина значительно повысилась в 2000-е гг. В силу упомянутого основного тождества платежного баланса это означает, что регион является источником финансовых ресурсов для миро-

² Состояние дискуссий в СССР по интеграции в мировую экономику в годы перестройки представлено в [3].

³ Таблицы 2–7 составлены по: World Economic Outlook Database (www.imf.org).

вого финансового рынка, т. е. он инвестирует в собственное экономическое развитие меньше, чем сберегает. В случае РФ в 90-е гг. вывоз капитала осуществлялся частным сектором, но в 2000-е гг. на эти процессы активно стал влиять сектор государственного управления через накопление и размещение крупных международных резервов (средств как ЦБ, так и Правительства РФ).

Таблица 3
Официальное финансирование, млрд долл. США

Наименование показателя	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
СНГ	–	1,36	–12,428	–1,733	0,763	48,206	10,255
ЦВЕ	3,646	2,387	–1,135	–1,757	0,982	1,31	–2,184
Наименование показателя	1999	2000	2001	2002	2003	2004	
СНГ	–5,054	–19,945	1,689	5,258	–11,171	–0,123	
ЦВЕ	3,437	3,162	–4,157	15,416	4,882	9,649	

Официальное финансирование, как следует из данных табл. 3, для стран ЦВЕ играло ограниченную роль в течение большей части рассматриваемого периода, но существенно увеличилось накануне вступления первых кандидатов из стран этой группы в ЕС. Для стран СНГ официальное финансирование не играло значительной роли на начальном этапе экономических реформ (многочисленные добрые советы и заявления о моральной поддержке преобразований от государственных деятелей Запада и международных финансовых организаций не воплотились в масштабные меры реальной финансовой поддержки), но его объемы существенно увеличивались в условиях глобальных кризисов, хотя и направлялись в двух случаях в различные страны.

Таблица 4
Чистое изменение международных валютных резервов, млрд долл. США

Наименование показателя	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
СНГ	–0,298	–4,779	2,146	–6,945	4,946	–1,334	12,592
ЦВЕ	–0,811	–1,38	–0,378	–16,007	–11,018	–7,058	–7,061
Наименование показателя	1999	2000	2001	2002	2003	2004	
СНГ	–6,521	–20,643	–14,366	–15,078	–32,698	–54,896	
ЦВЕ	–9,875	–4,182	–1,478	–8,224	–10,912	–12,785	

Обе группы стран в пореформенный период сумели нарастить официальные международные резервы (табл. 4), но данный процесс приобрел устойчивую динамику для стран СНГ лишь в 2000-х гг. в условиях благоприятной ценовой конъюнктуры на рынках нефти, газа и металлов.

Таблица 5

Чистые частные потоки капитала, млрд долл. США

Наименование показателя	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
СНГ	4,261	5,28	-10,741	7,325	-13,957	-48,45	-16,88
ЦВЕ	-2,064	12,756	-13,065	24,438	15,203	20,894	26,865
Наименование показателя	1999	2000	2001	2002	2003	2004	
СНГ	-10,492	-13,558	0,151	-0,347	20,91	5,559	
ЦВЕ	24,108	31,552	16,176	15,549	39,101	49,689	

В рассматриваемый период, как следует из данных табл. 5, страны ЦВЕ сумели устойчиво привлекать значительные объемы частного иностранного капитала, хотя этот процесс имел волнообразную природу и очевидно реагировал на шоки мирового финансового рынка (финансовый кризис 1997–1999 гг., крах интернет-пузыря в США). Картина частных потоков капитала в странах СНГ полностью подтверждает тезис об их нестабильности и проциклической природе (*это проявилось в отношении всех форм международного движения частного капитала в ходе последнего глобального экономического кризиса*).

Таблица 6

Структура чистых частных потоков капитала в СНГ, млрд долл. США*

Наименование показателя	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Чистые частные потоки капитала							
В том числе:							
чистые прямые инвестиции	4,261	5,28	-10,741	7,325	-13,957	-48,45	-16,88
чистые портфельные инвестиции	1,013	1,649	1,476	3,051	4,814	5,977	5,633
чистые прочие инвестиции	0	3,774	0,118	-0,809	-0,054	-43,455	-8,387
	3,248	-0,144	-12,335	5,083	-18,717	-10,972	-14,126
Наименование показателя	1999	2000	2001	2002	2003	2004	
Чистые частные потоки капитала	-10,492	-13,558	0,151	-0,347	20,91	5,559	
В том числе:							
чистые прямые инвестиции	4,679	2,323	4,886	5,12	5,443	13,199	
чистые портфельные инвестиции	0,008	0,995	1,872	1,002	2,038	4,67	
чистые прочие инвестиции	-15,179	-16,876	-6,607	-6,47	13,43	-12,309	

Таблица 7

Структура чистых частных потоков капитала в ЦВЕ, млрд долл. США*

Наименование показателя	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Чистые частные потоки капитала	-2,064	12,756	-13,065	24,438	15,203	20,894	26,865
В том числе:							
чистые прямые инвестиции	2,672	3,806	2,679	9,72	9,578	10,872	12,656
чистые портфельные инвестиции	-0,565	3,86	2,419	4,418	-2,633	0,618	1,155
чистые прочие инвестиции	-4,17	5,089	-18,163	10,3	8,258	9,404	13,054
Наименование показателя	1999	2000	2001	2002	2003	2004	
Чистые частные потоки капитала	24,108	31,552	16,176	15,549	39,101	49,689	
В том числе:							
чистые прямые инвестиции	13,806	15,816	16,57	12,003	14,563	30,615	
чистые портфельные инвестиции	2,553	2,406	1,732	0,256	5,138	15,671	
чистые прочие инвестиции	7,748	13,331	-2,126	3,291	19,401	3,404	

Анализ данных табл. 6 и 7 позволяет получить представление о структуре частных капитальных потоков в двух рассматриваемых группах стран. В странах ЦВЕ прямые иностранные инвестиции составили большую долю в общем объеме частных инвестиций, при этом в обеих группах стран прямые иностранные инвестиции продемонстрировали большую устойчивость своей динамики по сравнению с другими формами частных капитальных потоков. В странах СНГ относительно большую роль играли портфельные и прочие инвестиции (различные формы кредитования), при этом данные формы движения капитала характеризовались высокой волатильностью.

Последнее обстоятельство требует отдельного внимания. В своей сущности трансформационные процессы являются процессами институциональных изменений (конкретная форма изменения системы социально-экономических отношений) и структурной перестройки экономики (конкретная форма крупномасштабного преобразования производительных сил). Очевидно, что привлечение иностранного капитала должно способствовать решению этих задач (при том, что иностранные инвесторы также имеют свои интересы, без учета которых взаимовыгодное сотрудничество вряд ли будет возможным). И в этом отношении представляется, что страны ЦВЕ дают некоторые удачные примеры решения подобных задач с помощью иностранных инвестиций. Так, стратегический

альянса чешского автопроизводителя «Шкода» и немецкого концерна «Фольксваген» позволил вывести производство автомобилей марки «Шкода» на уровень требований современного автомобилестроения и сделать их одним из мировых автомобильных брендов. С другой стороны, длительная защита ОАО «АвтоВАЗ» от иностранной конкуренции без четкой перспективы модернизации компании лишь способствовала обогащению определенных групп интересов, а затем в условиях постепенной либерализации авторынка поставило российского производителя (а также его поставщиков) в начале глобального экономического кризиса на грань катастрофы. В этой ситуации государственная поддержка компаний в увязке со стратегическим альянсом с «Рено – Ниссан» представляется движением в правильном направлении⁴.

В то же время потоки краткосрочного спекулятивного капитала дают примеры негативных эффектов как в странах ЦВЕ, так и в странах СНГ. Быстрый приток капитала в условиях бума создает предпосылки для расширения объемов кредитования, спекулятивных инвестиций в различные активы (ценные бумаги, недвижимость, контракты на сырье) и образование пузырей на финансовых и товарных рынках. Внезапные остановки и изменение направления движения капитала (*а это может происходить не обязательно в силу внутренних причин в конкретной национальной экономике!*) вызывают сжатие этих пузырей с потенциально очень тяжелыми последствиями для экономики и населения. В этих условиях дискуссия о целесообразности контроля над международными потоками капитала в экспертном сообществе и политических кругах будет продолжаться.

-
1. Голосов В. В. Теории вывоза капитала. М., 1977.
 2. Кудрин А. Л. Бортом к волне // Коммерсант. 2011. 18 окт.
 3. Кузнецов В. М., Осипов Ю. М. Мировое хозяйство и советская экономика. М., 1990.
 4. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003.
 5. Федякина Л. Н. Международные финансы. М., 2005.
 6. Шерстнев М. А. Мировой экономический кризис, мировая экономика, экономическая наука и экономическая политика [Электронный ресурс]// Капитал страны. 2011. 13 июля. URL: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/187603>
 7. Chwieroth J. M. Capital Ideas: The IMF and the Rise of Financial Liberalization. Princeton, 2010.
 8. Fry M. Money, Interest and Banking in Economic Development / 2nd ed., (1995) John Hopkins University Press.
 9. International Monetary Fund «Recent Experiences in Managing Capital Flows – Cross-Cutting Themes and Possible Policy Framework». Washington, 2011.
 10. McKinnon R. Money and Capital in Economic Development. Brookings Institution, 1973.
 11. Show E. Financial Deepening in Economic Development. N. Y., 1973.
 12. Stiglitz Joseph E., Jose Antonio Ocampo, Shari Spiegel, Ricardo Ffrench-Davis, Deepak Nayyar. Stability with Growth: Macroeconomics, Liberalization and Development. Oxford, 2006.

⁴ Отдельным аспектом является увязка выбора режима международного движения капитала с приватизационными процессами, но это отдельная проблема в сфере институциональных преобразований, которую мы решили оставить за пределами данной работы.

13. Stiglitz Jozeph E., Jose Antonio Ocampo (eds.) Capital Market Liberalization and Development. N. Y., 2008.

Рукопись поступила в редакцию 28 ноября 2011 г.

УДК 334.012.34 + 331.104 + 622(470.5)

А. В. Елисеев

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДОГОВОРОВ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Статья посвящена актуальной проблеме — анализу коллективных договоров предприятий горно-металлургического комплекса Свердловской области. В ней последовательно рассматриваются структура и этапы разработки коллективных договоров крупнейших предприятий — Первоуральского новотрубного, Синарского трубного, Уральского алюминиевого заводов и Высокогорского горно-обогатительного комбината; проводится их сравнительный анализ и на его основе разрабатываются рекомендации по совершенствованию коллективных договоров и их увязке с социально-экономической политикой территорий, на которых они расположены.

Ключевые слова: социальное партнерство, коллективные договоры, система показателей коллективных договоров, социальные и экономические показатели.

Стратегическая задача развития России в ближайшее десятилетие — модернизация экономики. В рамках реализации этой задачи немаловажную роль играет социальное партнерство, которое, как известно, осуществляется на трех уровнях: макро- (федеральном), мезо- (региональном, отраслевом) и микроуровне (на конкретном предприятии). В этих условиях решающее значение принадлежит первичному звену — коллективным договорам. Разработка и исполнение коллективного договора в целом являются собой осуществление социально-партнерских отношений на крупном предприятии.

Существуют различные методики по разработке коллективного договора, они носят рекомендательный характер и дают общее представление о процессе его разработки.

Но вначале обратимся к официальному законодательству. Так, статья 40 Трудового кодекса Российской Федерации [7] определяет коллективный договор как правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения в организации или у индивидуального предпринимателя, заключаемый работниками и работодателем в лице их представителей. Исходя из определения, можно сделать вывод о том, что, поскольку коллективный договор направлен на регулирование социально-трудовых отношений, все коллективные договоры должны иметь ряд общих положений, в которых должны содержаться основы сотрудничества в области социально-трудовых отношений. Другими словами, коллективные договоры любых предприятий в России не могут принципиально

отличаться друг от друга. Различия могут быть вызваны спецификой отрасли, особенностями трудовых отношений, сложившихся на предприятии, и т. д., но при этом суть коллективных договоров меняться не должна, она всегда должна соответствовать трудовому законодательству.

Одна из методик по составлению отраслевых коллективных договоров, разработанная в 1999 г. В. П. Невьянцевым [6], дает классификацию основных положений коллективных договоров:

1. **Общие положения.** Приводятся определение коллективного договора, его предмет, цель, срок действия, порядок ведения переговоров, ответственность сторон.

2. **Трудовой договор, обеспечение занятости.** Такой пункт присутствует во всех коллективных договорах. Здесь речь идет об условиях заключения трудового договора, невозможности ухудшения этих условий по отношению к коллективному договору и законодательству. Рассматривается порядок изменения существующих условий труда, повышения квалификации и переподготовки работников, перевода на другую работу и т. д.

3. **Рабочее время.** Данная статья должна устанавливать продолжительность трудового дня, возможность полного и сокращенного графиков работы, порядок сверхурочных работ и т. д.

4. **Время отдыха.** Вполне возможно, что данный пункт в коллективном договоре может быть объединен с пунктом 3. Здесь должны быть указаны продолжительность отпусков, порядок предоставления отпуска без содержания и т. д.

5. **Оплата труда.** Один из важнейших пунктов, без которого не может быть заключен ни один коллективный договор. Должны быть указаны тарифные ставки, минимальный размер оплаты труда, перечень устанавливаемых доплат и премий. Вместе с тем данная статья коллективного договора может содержать сведения об исчислении среднего заработка, о фонде оплаты труда, штрафах и др.

6. **Условия работы, охрана труда.** Здесь должны содержаться сведения об аттестации рабочих мест, мероприятиях, которые должны проводиться для профилактики профзаболеваний, обучения и инструктажа, перечень выдаваемых индивидуальных средств защиты и спецодежды. Могут содержаться сведения об охране окружающей среды, выделении средств на охрану труда, обязательствах профкома по охране труда.

7. **Социальное и медицинское обслуживание.** Этот пункт коллективного договора может содержать данные об условиях страхования работников, обязательных медосмотрах, оздоровлении работников и членов их семей, материальной помощи для излечения, пособиях по государственному социальному страхованию.

8. **Жилищно-бытовое обслуживание.** Здесь должны содержаться информация о помощи работникам в приобретении жилья, сведения о дотациях на оплату детских учреждений, транспортных услуг, об организации питания сотрудников, оказании иных услуг работникам.

9. **Обеспечение прав профсоюзов и гарантий их деятельности.** Участие работников в управлении предприятием. В этом пункте должны содержаться

такие положения, как обеспечение прав на создание и деятельность профсоюзов; предоставление профсоюзам помещения, оборудования; информирование профсоюза о нововведениях, выполнении коллективного договора, деятельности профсоюза.

10. Трудовые споры. Коллективный договор может содержать информацию о процедуре рассмотрения трудовых споров.

11. Приложения. Сюда могут быть включены образцы документов, касающиеся заключения и действия коллективного договора, а также список рабочих мест с вредными условиями труда, перечень профессий, на которые устанавливаются дотации, дополнительные отпуска и т. д.

В методических рекомендациях, разработанных социально-экономическим и юридическим отделами Центрального совета Горно-металлургического профсоюза России на основе разработок Научного центра профсоюзов с учетом изменения Трудового кодекса РФ, внесенных Федеральным законом от 30 июня 2006 г. [1], акцент делается на этапах работы по созданию коллективных договоров.

Однако все эти методики недостаточно учитывают отраслевые и региональные особенности функционирования предприятий. Так, работа на предприятиях металлургического комплекса Свердловской области сопряжена со сложными климатическими условиями, с наличием вредных и опасных производств, высокой степенью риска производственного травматизма и профессиональных заболеваний, проблемой создания кадров и привлечения молодых специалистов. Все это находит отражение в пунктах коллективных договоров предприятий металлургического комплекса, в частности, таких, как установление размера доплаты за сверхурочные работы и работу в ночное время (с 22.00 до 6.00 часов); надбавки работникам, занятym на тяжелых и опасных работах; надбавки, установленные бригадирам за руководство бригадой без освобождения от основной работы; наличие профессиональных разрядов, по которым определяется квалификация работника и начисляется заработка плата. Существуют пункты и о предоставлении дополнительных оплачиваемых отпусков работникам, занятым на вредном производстве; наличии дополнительной страховой защиты работников, дополнительного страхования от несчастных случаев на производстве; запрещении применения материалов, продукции, для которых не разработаны методики и средства метрологического контроля и не проводилась санитарно-гигиеническая и медико-биологическая экспертиза; соответствии производственных объектов и средств производства требованиям по охране труда и промышленной безопасности. Кроме перечисленных есть пункты о стажировке преподавателей спецдисциплин на производстве; выплате материальной помощи молодым специалистам, устраивающимся на работу после военной службы, вышедшим из отпуска по уходу за ребенком и т. д.

Обратимся к примерам коллективных договоров, действующих на предприятиях Свердловской области в настоящее время (см. таблицу).

В таблице представлено содержание четырех коллективных договоров. Курсивом выделены пункты, которых нет в других договорах. Для СиНТЗ такими пунктами являются «обеспечение дисциплины труда, сохранности материальных ценностей», «культурно-воспитательная работа». Для ОАО «ВГОК» это пункт

Сравнение основных положений коллективных договоров предприятий металлургического комплекса Свердловской области

Пункт договора	Первоуральский новотрубный завод [3] (24 с.)	Синарский трубный завод [4] (119 с.)	ОАО «Высокогорский ГОК» [2] (38 с.)	Уральский алюминиевый завод [5] (12 с.)
1	Общие положения	Общие положения	Общие положения	Общие положения
2	Трудовой договор, обеспечение занятости	Гарантии деятельности профсоюзной организации	Права, обязательства и основы сотрудничества сторон социального партнерства в сфере труда	Оплата труда, социальные гарантии и льготы
3	Обучение и развитие персонала	Занятость, трудовая дисциплина	Обучение и занятость	Обучение и развитие
4	Оплата и нормирование труда	Рабочее время, организация труда, заработка плата	Рабочее время и время отдыха	<i>Деловая среда и информирование-</i> <i>ции</i>
5	Рабочее время и время отдыха	<i>Обеспечение дисциплины труда, сохранности материальных ценностей</i>	Оплата труда	<i>Охрана труда и окружающей среды</i>
6	Охрана труда	Охрана труда	Отпуска	Молодежная политика
7	Социальные гарантии, льготы и медицинское обслуживание	Медицинское обслуживание, <i>культурно-воспитательная работа, жилищно-бытовое обслуживание</i>	Льготы и социальные выплаты	Гарантии деятельности профсоюзной организации
8	Жилищно-бытовое обслуживание	Гарантии труда женщин	Труд женщин и лиц с семейными обязанностями	<i>Цели сотрудничества сторон, закрепляющие принципы социального партнерства</i>
9	Социальные гарантии женщин и семей	Работа с молодежью	Работа с молодежью	Заключительные положения

Окончание таблицы

Пункт дого- вора	Первоуральский новотрубный завод [3] (24 с.)	Синарский трубный завод [4] (119 с.)	ОАО «Высокогорский ГОК» [2] (38 с.)	Уральский алюминиевый завод [5] (12 с.)
10	Молодежная политика	Льготы и компенсации (28 приложений)	Охрана труда	Приложения (условия труда, внутреннего распорядка, перечни профессий, имеющих право на компенсацию при профзаболеваниях и т. д.) (7 приложений)
11	Оздоровление, отдых, досуг		Гарантии деятельности проф- союзной организации	
12	Гарантии деятельности профсоюзной организации		<i>Процедура разрешения инди- видуальных трудовых споров</i>	
13	Контроль за исполнением коллективного договора		Контроль за выполнением коллективного договора, ответственность сторон	
14			Приложения (список доплат, локальные нормативные акты) (всего 17 приложений)	

о процедуре разрешения индивидуальных трудовых споров. Для УАЗ отличными являются такие положения, как «деловая среда и информирование», «охрана окружающей среды», «цели сотрудничества сторон, закрепляющие принципы социального партнерства».

Исходя из приведенной таблицы, следует также выделить общие положения, характерные для всех коллективных договоров:

- 1) трудовой договор, обеспечение занятости;
- 2) обучение персонала;
- 3) рабочее время, оплата труда;
- 4) охрана труда;
- 5) социальные гарантии и выплаты;
- 6) медицинское обслуживание;
- 7) молодежная политика;
- 8) социальные гарантии женщин и семей;
- 9) гарантии деятельности профсоюзов;
- 10) контроль за исполнением коллективного договора.

Большинство этих пунктов рекомендованы методикой составления коллективных договоров. Однако пунктов 2, 7 и 8 в методике нет. Это говорит о том, что большинство предприятий вносит в коллективные договоры положения, которые не рассматриваются в методике, что говорит о недостатках последней.

Важно заметить, что коллективные договоры имеют разный объем. Так, договоры СиНТЗ и ОАО «ВГОК» имеют множество приложений в виде локальных нормативных актов. Среди них положения о порядке выплаты работникам премий, предоставлении дополнительного отпуска и т. д. Здесь же имеются положения о содержании социальных учреждений, порядке частичного погашения займов на приобретение жилья и т. д. В то же время договор ПНТЗ имеет только одно приложение, в нем содержится перечень должностей, по которым устанавливается дополнительный отпуск за ненормированный рабочий день. Коллективный договор УАЗа и вовсе не имеет приложений.

Таким образом, можно сделать вывод, что основные положения коллективных договоров, такие, как оплата труда, рабочее время, обучение персонала и т. д., содержатся во всех коллективных договорах, однако многие пункты договоров и нормативные акты вносятся исключительно по желанию самих предприятий и никак не нормируются. Анализ основных показателей коллективных договоров четырех крупнейших предприятий металлургического комплекса Свердловской области показал, что они не содержат положения о модернизации производства, об охране окружающей среды, повышении качества жизни работников.

Что касается методического пособия 1999 г., то можно сказать, что действующие коллективные договоры отличаются от его основных положений прежде всего своей конкретностью, учитывая особенность данного предприятия.

Методическое пособие 2006 г. содержит вопросы:

- 1) теоретического характера;
- 2) самоподготовки к переговорам;
- 3) процесса подготовки проекта и других документов;
- 4) разработки коллективного договора.

Данное методическое пособие по большому счету является процедурным документом. В нем подробно рассматриваются сам процесс разработки коллективного договора, а также все возможные нюансы процедуры разработки и заключения коллективного договора, представляются образцы необходимых документов и т. д. Авторы постарались учесть все возможные затруднения, которые могут возникнуть в ходе переговоров. В таком виде данное методическое пособие может служить дополнением к методическим рекомендациям 1999 г., где не рассматривается процесс заключения коллективного договора.

Некоторой недоработкой методического пособия 2006 г. является недостаточное внимание контролю за исполнением коллективного договора. Нет рекомендаций по реализации коллективного договора и в методическом пособии 1999 г. Хотя, конечно, общие рекомендации по реализации коллективного договора, такие, как составление отчетов об исполнении пунктов коллективного договора в определенный промежуток времени (к примеру, за квартал или год), должны быть. Можно дать и рекомендации по информированию сторон о средствах, затраченных на реализацию коллективного договора, что позволит обеспечить общественный контроль за исполнением обязательств, взятых на себя сторонами.

Оба упомянутых пособия имеют существенные недостатки. Если первое устарело, в нем отсутствуют положения, связанные с модернизацией производства, и недостаточное внимание уделяется социальным проблемам — повышению качества жизни, то во втором методическом пособии авторы ограничились лишь процессом разработки коллективных договоров и не дают рекомендаций по их реализации и анализу результатов действия таких договоров.

Вместе с тем следует заметить, что и сама разработка коллективных договоров требует совершенствования. Она должна идти по двум направлениям:

1) совершенствовать все этапы работы над договором — от разработки до анализа полученных результатов;

2) совершенствовать само содержание договора.

Сегодня при оценке коллективного договора чаще всего принимают во внимание экономические показатели, поскольку цель любого предприятия — бизнес, извлечение прибыли. Поэтому первостепенное значение экономических показателей становится очевидным. Тем не менее при оценке деятельности предприятия существуют и социальные показатели, которые чаще всего выражаются в затратах работодателя на реализацию социальной программы. Однако в условиях современной экономики такой метод оценки устаревает, деятельность предприятия невозможно измерять только названными выше показателями. Необходимо ввести наряду с производственными и социальными новые показатели, например экологические.

Для современной России введение экологических показателей выглядит несколько странным, однако нужно понимать, что каждое предприятие расходует экологические ресурсы, что ведет к их дефициту и удорожанию. Следовательно, расход экологических ресурсов будет влиять на экономическую ситуацию каждого предприятия.

Другой аспект необходимости введения экологических показателей социальный: вложения работодателя в защиту окружающей среды — это вклад в здоровье работников ничуть не меньший, чем санаторно-курортное лечение, оздоровительные мероприятия и т. д. В частности, речь идет о таких городах Свердловской области, как Нижний Тагил, Первоуральск и Каменск-Уральский. Все эти города отличаются крайним загрязнением окружающей среды. Следовательно, коллективные договоры предприятий, как одно из важнейших звеньев социального партнерства, должны быть увязаны с политикой администрации тех населенных пунктов, в которых они находятся. Что касается приведенных коллективных договоров, то пункт о защите окружающей среды имеется только в одном из рассмотренных ранее договоров.

-
1. Коллективная кампания на предприятиях горно-металлургического комплекса России : метод. пособие / Централ. совет Горно-металлург. профсоюза России. Екатеринбург, 2006.
 2. Коллективный договор ОАО «ВГОК» на 2011–2013 годы. От 28 декабря 2010 г.
 3. Коллективный договор ОАО «Первоуральский новотрубный завод» на 2011–2014 годы. От 28 апреля 2011 г. Первоуральск, 2011.
 4. Коллективный договор ОАО «Синарский трубный завод» на 2011 г. От 23 марта 2011 г.
 5. Коллективный договор ОАО «СУАЛ» филиала «Уральский алюминиевый завод Сибирско-Уральской алюминиевой компании» на 2011 г. От 20 декабря 2010 г.
 6. *Невьянцев В. П.* Коллективный договор на предприятии. Свердловский обком ГМПР. Екатеринбург, 1999.
 7. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 12 июля 2011 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 3.

Рукопись поступила в редакцию 10 ноября 2011 г.

УДК 339.1(470.5) + 338.1(470.5) + 339.564(470.5)

А. О. Соболев
И. М. Темкина

ОСОБЕННОСТИ ТОВАРНОГО ЭКСПОРТА СТАРОПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА: АНАЛИЗ И ПРОГНОЗЫ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье определяется место и значение экспорта в рамках внешнеэкономической деятельности в период глобализации экономики, дается детальный анализ содержания и структуры экспорта Свердловской области, раскрывается специфика экспортной политики старопромышленного региона. Авторы анализируют пути роста объема и совершенствования структуры регионального экспорта, комплекс мер государственной поддержки экспорта и его эволюцию в период вступления РФ в ВТО.

Ключевые слова: глобализация, региональная экспортная политика, экспортная корзина, экспортный сектор, кластерное развитие городов-экспортеров, государственная поддержка экспорта.

В XXI в. ускоряется процесс глобализации мировой экономики. В ходе интеграции национальных экономик в систему мирохозяйственных связей возрастает роль всех направлений внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД). Особое значение в общем комплексе ВЭД принадлежит внешней торговле. Внешнеторговые связи развиваются на разных уровнях: между национальными экономиками (макроуровень), между отдельными регионами внутри государств (мезоуровень) и на уровне первичного звена – между отдельными товаропроизводителями (микроуровень).

Объектом нашего исследования является региональный уровень, а в качестве его конкретного представителя – Свердловская область.

Внешнеэкономическая деятельность, в том числе внешнеторговая политика, разрабатывается на основе:

- 1) изучения содержания и глобального тренда мирового развития, а также вызовов предстоящего десятилетия;
- 2) учета концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.;
- 3) анализа особенностей региона и тенденций его развития.

В мировой экономике сейчас главное – оценка последствий мирового финансового кризиса для всех стран и в первую очередь для российской экономики. На этой основе необходимо определить возможности дальнейшего развития стран мира.

В РФ в ближайшее десятилетие следует осуществить переход от экспортно-сырьевой модели развития к инновационно-индустриальной. Предстоит модернизация всего народного хозяйства, всех сторон жизни общества в целом.

Переход нашего государства к инновационному, социально ориентированному типу экономического роста требует перестройки региональной политики.

Новая модель пространственного развития страны должна обеспечить гармоничное развитие экономики центра и ускоренный рост всех ее регионов, в том числе глубинных окраинных территорий.

Экономика Большого Урала, в том числе Свердловской области, определяется в первую очередь двумя составляющими: унаследованным профилем старого промышленного региона и новыми формирующими тенденциями.

Экономика Урала традиционно носит индустриальный характер, в ней преобладают отрасли тяжелой промышленности: черная и цветная металлургия; нефтедобыча; транспортное, энергетическое и нефтегазовое машиностроение; производство горнодобывающей техники, металлургического оборудования; электротехническое производство, сложная химия, а также отрасли оборонного производства.

В настоящее время ведется ускоренная комплексная технологическая модернизация наиболее значимых и включенных в глобальные рынки базовых отраслей промышленности, инфраструктурных секторов и всех видов транспорта. Опережающими темпами развивается сфера услуг, появляются новые точки роста — консалтинг, технологические сервисы и др.

Реиндустириализация экономики должна создать на Урале принципиально новую экономическую систему, основанную на передовых промышленных и социальных технологиях, современных принципах организации и управления.

Конечная цель всех преобразований — повышение качества жизни населения региона.

Внешнеэкономическая политика является составной частью общей стратегии социально-экономического развития России до 2020 г. Важным звеном ВЭД является внешнеторговая политика. Расширение внутренних и внешних рынков напрямую зависит от социально-экономического, политического развития и в то же время, особенно в долгосрочной перспективе, должно стать важнейшим источником экономического роста. Для достижения критически необходимых высоких темпов роста ВВП — свыше 5 % в год — необходимо задействовать два дополнительных источника:

1) усиление присутствия РФ на внешних рынках за счет ускоренного наращивания несырьевого экспорта, освоения принципиально новых ниш на мировых товарных рынках, прежде всего за счет технологической модернизации машиностроения, полноправного включения России в международное разделение труда;

2) импортозамещение на внутреннем рынке.

Ключевое условие развития экспорта — разработка эффективной национальной программы стимулирования экспорта, совершенствования его структуры, создание надежного и эффективного механизма поддержки и развития экспорта [6, 86].

Новые, более жесткие требования к внешней торговле РФ определяются ее вступлением в ВТО. Одной из наиболее сложных проблем становится конкурентоспособность российских товаров, экспорта в целом на национальном и региональном уровнях.

Правила ВТО запрещают прямую поддержку экспорта продукции, будут отменены экспортные пошлины на российские сырьевые товары, снижены тарифы на целый ряд импортируемых товаров.

В то же время в странах — членах ВТО существуют некоторые косвенные меры поддержки экспорта путем льготного кредитования и страхования, маркетинговой и информационной деятельности, стимулирования продвижения высокотехнологичной продукции.

Внешнеэкономический комплекс Среднего Урала является органической составляющей экономики области. Сегодня Свердловская область развивает связи более чем со 120 странами мира. Мы остановимся на одном из основных направлений ВЭД — внешней торговле, при этом детально исследуем ее главную составляющую — товарный экспорт, его содержание, структуру, динамику и перспективы.

В 2010 г. внешнеторговый оборот РФ составил, по данным Банка России, 648,4 млрд долларов США (130,9 % к 2009 г.), в том числе экспорт 400 млрд долларов (рост 131,9 %), импорт 248,4 млрд долларов (129,5 %). Сальдо торгового баланса осталось положительным — 151,6 млрд долларов США (в 2009 г. — 111,6 млрд долларов).

Анализ динамики экспорта и импорта РФ в 2008–2011 гг. относительно июля 2008 г. (месяц максимального уровня сальдо торгового баланса) показывает, что в основном удалось преодолеть падение, вызванное мировым экономическим кризисом (рис. 1).

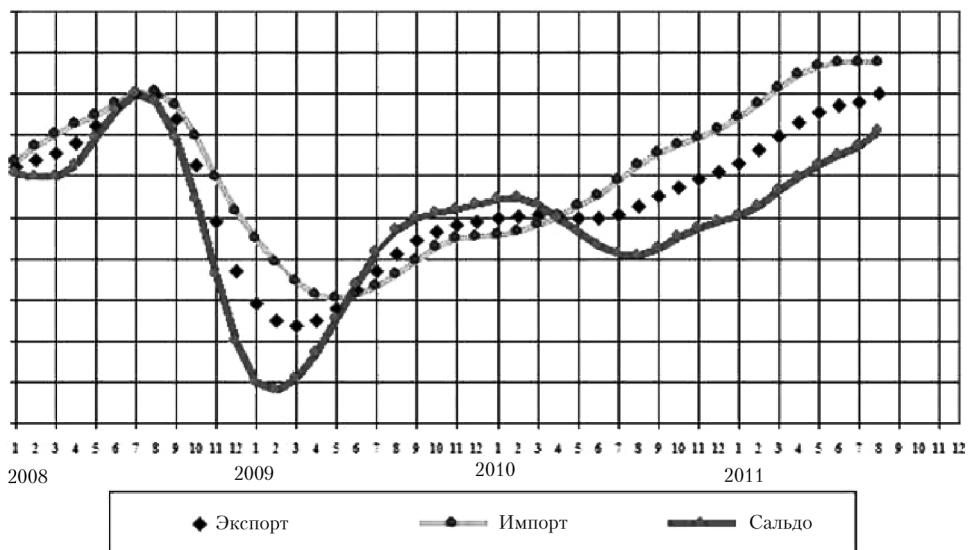

Рис. 1. Динамика экспорта и импорта РФ в 2008–2011 гг., % к июлю 2008 г. [3]

Удельный вес Свердловской области в товарообороте страны в 2010 г. составил около 2 % (11,7 млрд долларов США), что явно не соответствует месту

и значению региона в экономике РФ. Доля Среднего Урала в экспорте России в 2010 г. несколько превысила 2 % (8,58 млрд долларов). Среди 83 субъектов РФ Свердловская область по объему экспорта занимает 9-е место.

Постановлением от 6 октября 2011 г. Правительство Российской Федерации утвердило Стратегию социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 г. В разделе 12 документа «Внешнеэкономическая деятельность» определены приоритеты, цели, основные направления развития ВЭД на Урале и мероприятия, необходимые для их реализации. В разделе 13 «Межрегиональные связи» отмечается, что эти связи Уральского федерального округа в целом отражают специализацию субъектов РФ, входящих в состав УрФО, их место и роль в общероссийской экономике. Свердловская область занимает ведущее место по своему экономическому и научно-техническому потенциалу в рамках Уральского федерального округа.

На экономику области и ее внешнеторговый оборот значительное влияние оказал мировой экономический кризис.

Приведенный в Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 г. расчет показывает, что в 2010 г. области удалось в основном преодолеть последствия кризиса в части внешнеторгового оборота в целом, а также по показателям экспорта и импорта (табл. 1). И, по представленным оптимистическим прогнозам, в 2020 г. внешнеторговый оборот области должен вырасти более чем вдвое. Однако детальный анализ показывает, что, как и в докризисное время, двигателем роста объема внешней торговли стало увеличение мировых цен на основные сырьевые товары региона, а не рост их конкурентоспособности. При этом фактически внешнеторговый оборот Свердловской области был ниже, чем оптимистические цифры программы. План 2010 г. 14,1–14,3 млрд долларов США, а фактически – 11,7 млрд, то же и в расчетах экспорта: 10,5–10,7 млрд долларов США – план, 8,59 млрд долларов США – факт.

Таблица 1

**Динамика внешнеторгового оборота Свердловской области,
млрд долларов США [1, 78]**

Наименование показателя	2007	2010	2015	2020
Внешнеторговый оборот	11,8	14,1–14,3	20,6–22,8	31,7–37,5
Экспорт товаров и услуг	9,1	10,5–10,7	14,5–16,3	20,6–25,4
Импорт товаров и услуг	2,8	3,6	6,1–6,5	11,1–12,1

Самое слабое место российского экспорта, зеркально отражающее дефекты нашей экономики в целом и недостатки старопромышленного региона, это товарная структура экспорта.

Анализ товарной структуры российского экспорта (табл. 2) свидетельствует о том, что его главным сегментом в 2010 г. оставались топливно-энергетические товары – 67,5 %, в том числе 34,0 % – сырая нефть. Второе место в структуре экспорта занимали металлы и изделия из них (10,6 %), третье –

Таблица 2
Экспорт важнейших товаров Российской Федерации [8]

Наименование показателя	2010			2009 справочно	
	млн долл. США	% к 2009 г.	% к итогу	% к 2008 г.	% к итогу
Экспорт	396 442	131,4	100	64,5	100
Топливно-энергетические товары:					
нефть сырая	267 735	133,1	67,5	62,6	66,7
газ природный	134 634	133,8	34,0	62,4	33,4
газ природный	47 579	113,5	12,0	60,4	13,9
Металлы и изделия из них:					
чёрные металлы и изделия из них	41 904	125,1	10,6	61,4	11,1
цветные металлы и изделия из них	22 886	120,3	5,8	55,4	6,3
машины, оборудование и транспортные средства	17 927	133,0	4,5	72,6	4,5
транспортные средства	21 456	120,0	5,4	78,5	5,9
Продукция химической промышленности, каучук:					
удобрения минеральные азотные	24 462	130,8	6,2	61,9	6,2
удобрения минеральные калийные	2 178	107,9	0,5	58,5	0,7
удобрения минеральные калийные	2 613	163,8	0,7	37,0	0,5
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	9 574	113,5	2,4	73,0	2,8
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье:					
злаки	8 754	87,8	2,2	107,4	3,3
	2 413	69,8	0,6	104,9	1,1

продукция химической промышленности (5,4 %) и лишь четвертое место — машины, оборудование и транспортные средства (5,4 %). По существу такая сырьевая структура экспорта максимально приближается к колониальной.

Товарная структура экспорта Урала, и в частности Свердловской области, несколько отличается от общестрановой. Здесь первое место занимают металлы и изделия из них — почти половину всего экспорта, точнее 46,7 %, в 2010 г. Второе место принадлежит продукции химической промышленности — 21,0 % (более 1/5). Третье место составляют машины, оборудование и транспортные средства, их удельный вес 17,7 %, что в 3,5 раза превышает показатели РФ. В 2010 г. экспорт машин по стоимости был на 32 % больше показателя предыдущего года, а по весу — на 13,2 % меньше.

Общая картина товарной структуры экспорта Свердловской области представлена на рис. 2.

В РФ в 2010 г. 85,4 % экспорта приходилось на страны дальнего зарубежья, 14,6 % — на страны СНГ.

В каждой группе были свои лидеры. Так, в Европе наши главные партнёры — Нидерланды (9,3 %), Германия (8,3 %), Италия (6,0 %); в Азии — на первом месте Китай (9,5 %), далее — Турция (4,0 %), Япония (3,7 %), Республика Корея (2,8 %); среди стран СНГ — Белоруссия (4,5 %), Казахстан (2,4 %). Торговля с США составила лишь 3,8 % от общего товарооборота России.

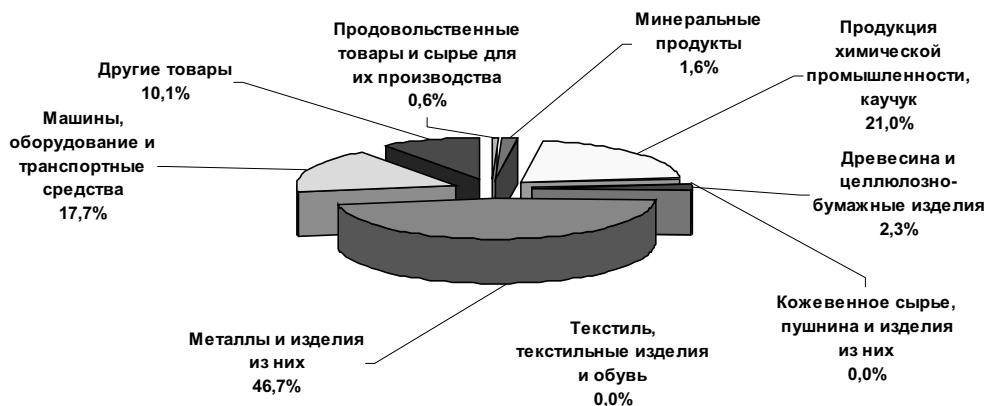

Рис. 2. Товарная структура экспорта Свердловской области в 2010 г. [7, 7]

Свердловская область обладает уникальным географическим положением на границе Европы и Азии, отсюда возможности внешнеторговой деятельности и на Западе, и на Востоке.

Приоритетными направлениями ВЭД региона являются:

- расширение внешнеэкономических связей с государствами — участниками СНГ;
- развитие связей с Европейским союзом на основе установления долгосрочного сотрудничества;
- укрепление сотрудничества с Китайской Народной Республикой;
- расширение сотрудничества с Японией путем внедрения японских экологически чистых технологий;
- укрепление сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона на основе проведения согласованной экономической политики в реальном секторе экономики;
- укрепление сотрудничества с Индией в научно-технической сфере [2, 67].

Изменения, происходящие в мире, отражаются на структуре основных торговых партнеров Свердловской области (рис. 3).

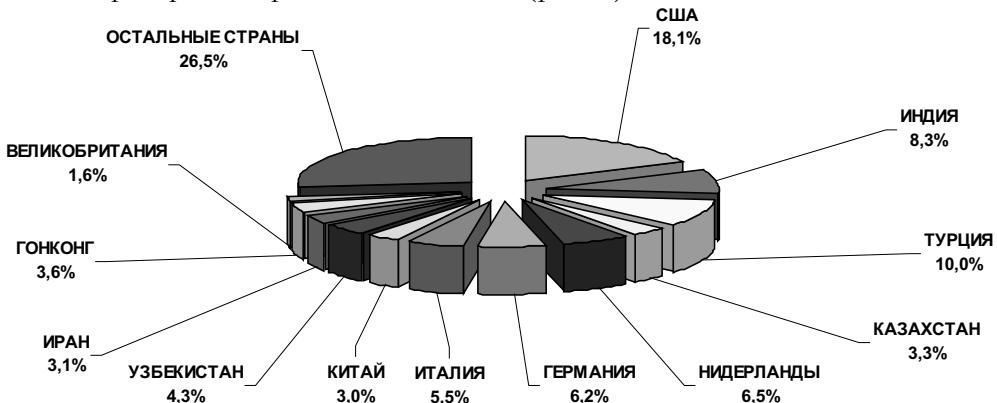

Рис. 3. Основные торговые партнеры Свердловской области в 2010 г. [7, 6]

В Свердловской области в 2010 г. на первом месте в экспорте — США (18,1 %), на втором — Турция (10,0 %), затем европейские страны — Нидерланды (6,5 %), Германия (6,2 %), Италия (5,5 %). В Азии партнерами области были Индия (8,3 %), Гонконг (3,6 %), Китай (3,0 %). Среди стран СНГ и бывших республик СССР — Узбекистан (4,3), Казахстан (3,3 %).

Изучение индексов внешней торговли Свердловской области в 2010 г. свидетельствует о том, что экспорт растет в основном за счет благоприятной ценовой конъюнктуры, а его физический объем сокращается (табл. 3).

Таблица 3
Индексы внешней торговли Свердловской области (2009 г. = 100) [7, 13]

Индекс	Экспорт			Импорт		
	Во все страны	В том числе		Во все страны	В том числе	
		в страны дальнего зарубежья	в страны СНГ		в страны дальнего зарубежья	в страны СНГ
Средних цен	131,4	130,9	125,4	186,0	90,5	158,3
Физического объема	91,6	93,3	87,0	67,2	146,8	65,5

Долгосрочная программа развития Уральского федерального округа ставит в качестве стратегической задачи к 2020 г. достижение Уралом второго места после Центрального федерального округа по вкладу в объем российского экспорта. Для этого рост экспортной продукции субъектов, входящих в округ, должен вырасти в 1,6–1,7 раза.

Оптимизация развития российского экспорта на всех уровнях требует решения целого комплекса проблем: создания надежной правовой базы и организационной структуры для развития экспортного потенциала, финансовой поддержки, современного технического, кадрового и информационного обеспечения.

Предстоит решить и ряд сложных теоретических проблем.

Эксперты считают, что в настоящее время структура российского экспорта в целом соответствует нашему сегодняшнему уровню развития или лишь немногого превышает его (в то время как у Китая и ряда стран СНГ этот показатель существенно превышает их сегодняшний уровень развития) [4]. Следовательно, для того, чтобы в корне изменить структуру нашего экспорта, сделать ее эффективной, необходимо кардинальное изменить экономику России в целом и на местах (модернизация, переход к инновационной модели развития).

Особое значение для совершенствования внешнеэкономической деятельности, в том числе внешней торговли России, на макро-, мезо- и микроуровнях имеет изучение международного опыта, наработанного за многие десятилетия в теории и на практике.

На наш взгляд, определенный теоретический и практический интерес представляет один из самых известных индексов структуры экспорта, разработанный экономистами Рикардо Хаусманном, Джейсоном Хуангом и Дэни Родриком.

Они справедливо связывают экспортные корзины различных государств непосредственно с уровнем развития страны.

Свердловская область нуждается в разработке долгосрочной целевой программы развития ВЭД, в том числе внешней торговли.

В наибольшей корректировке нуждается структура регионального экспорта. От сырьевых товаров, составляющих более половины экспорта, необходимо перейти к преобладанию высокотехнологичных товаров, прежде всего продукции машиностроения, это главное направление оптимизации экспорта.

Разрабатывая экспортную корзину Свердловской области, необходимо в первую очередь выделить наиболее перспективные товары, которые могут в нее войти. При этом следует учесть объективные предпосылки производства данного товара и рассчитать положительный эффект, который может дать его производство: экономический, социальный, экологический [7, 4].

Если разработка перспективной экспортной корзины области должна ответить на первый вопрос — какие экспортные товары целесообразно экспортировать сегодня и завтра и каков будет эффект от их вывоза, то следующий вопрос состоит в том, кто будет их производить.

Используя методику анализа наиболее перспективных предприятий и отраслей, необходимо создать экспортный сектор в экономике области, формирующий экспортную корзину. Применяя сочетание отраслевых и территориальных подходов, следует определить наиболее перспективные для развития экспортных производств города области. При этом целесообразно использовать идею кластерных эффектов между различными отраслями, расположенными в одном городе, чтобы получить максимальный суммарный эффект.

Главная задача государства в поддержке ВЭД, в частности экспорта, — создание надежной правовой базы. Правовую основу ВЭД современной России образуют законодательные и правовые документы, регулирующие отношения на трех юридических уровнях:

- федеральные юридические акты, образующие основы правового режима международных связей и ВЭД Федерации и ее субъектов;
- межгосударственные документы и соглашения, определяющие механизмы и конкретные формы сотрудничества России с международными организациями и отдельными странами;
- совместные акты региональных и местных органов власти и их аналогов в других странах о партнерстве и сотрудничестве [5, 5].

К сожалению, в целом правовое обеспечение поддержки национального бизнеса в РФ на всех его уровнях и в различных формах в настоящее время справедливо подвергается критике и в нашей стране, и за рубежом.

Сегодня в России действующего документа, определяющего концепцию государственной поддержки ВЭД и экспорта, не существует. В Свердловской области также нет региональной программы поддержки ВЭД и экспорта. На Среднем Урале в 1997 г. впервые в России была принята областная целевая Программа развития экспортного комплекса Свердловской области, сегодня утратившая силу. При этом за весь период функционирования программы средства областного бюджета на финансирование предусмотренных документом

мероприятий не выделялись. В ноябре 2001 г. в Свердловской области был разработан проект Программы развития экспорта машиностроительной, научно-емкой и высокотехнологической продукции предприятий Свердловской области как составной части Программы развития экспортного комплекса Свердловской области, но документ так и не был принят.

Вопросы государственной поддержки экспорта, определения основных направлений экспортной политики не входят в полномочия ни одного исполнительного органа государственной власти Свердловской области. При этом обеспечение реализации мер государственного регулирования ВЭД составляет исключительные полномочия Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области, а содействие развитию ВЭД организаций в сфере промышленности и науки входит в компетенцию Министерства промышленности и науки Свердловской области.

Ограниченные рамки данной статьи не позволяют остановиться на проблемах финансовой поддержки, развития малого и среднего предпринимательства в экспортной сфере, информационной и консультационной поддержке. Эти вопросы заслуживают самостоятельного серьезного исследования.

Подводя итог проведенного исследования, следует прежде всего учесть, что региональная экспортная политика РФ имеет внешнее и внутреннее значение. Она способствует ускорению процесса интеграции национальной экономики в мирохозяйственные связи, в систему международного разделения труда, что приобретает особое значение в период глобализации мировой экономики.

Одновременно экспортная политика региона является частью общей экспортной политики страны и призвана способствовать повышению рейтинга России на мировой арене. Структура экспорта Свердловской области зеркально отражает дефекты социально-экономического развития региона, наследие его старопромышленного профиля, значительный удельный вес сырьевых отраслей, отставание машиностроения, выпуска высокотехнологичной продукции. Удельный вес Среднего Урала в общем объеме экспорта страны — чуть более 2 %, и 9-е место из 83 не соответствует его экономическому и научно-техническому потенциальному.

В общем комплексе причин, объясняющих подобное положение, не последнее место занимают отсутствие целевой долгосрочной программы развития ВЭД и экспорта, а также недостатки организационной структуры, призванной координировать и контролировать этот процесс.

Проблема оптимизации экспорта Свердловской области сегодня и в перспективе требует четкого ответа на ряд первоочередных вопросов:

- что будет экспортirовать область сегодня и завтра, каков будет объем и структура его экспортной корзины?

- кто будет производить экспортную продукцию, какие предприятия, отрасли, как создать сбалансированный экспортный сектор области?

- где будет производиться экспортная продукция, в каких городах области и как создать в них условия кластерного развития — взаимодействия всех предприятий и структур в рамках города?

И наконец, для успешного завершения работ в указанных направлениях необходимо создать их программную разработку, организационное обеспечение, разработать эффективные государственные формы поддержки и стимулирования экспорта области, рассчитать и реализовать его экономический, социальный и экологический эффект.

-
1. Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 года (одобрена постановлением правительства Свердловской области от 29.12.2010 г. № 1910-ПП). Екатеринбург, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://econom.midural.ru/>
 2. Баландина М. С., Воробьев П. В., Кадочников С. М., Коновалова М. А., Никитина О. В., Останин И. В. Корзина роста: перспективные экспортные отрасли Свердловской области : аналит. докл., Екатеринбург, 24–25 апр. 2009 г. Екатеринбург, 2009.
 3. Барапов Э. Ф., Бессонов В. А., Посвяинская Л. П., Роскин А. А. Экспорт и импорт товаров (сезонно скорректированные данные) : ежемесячный доклад (август 2011) / Институт «Центр развития» Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opec.ru/>
 4. Гуриев С., Цывинский О. Ratio economica: Это нужно заслужить // Ведомости. 2011. 5 июля. 121 (2887).
 5. Кутовой В. М. Проблемы правовой поддержки национального бизнеса // Новости рос. экспорта. 2011. № 8.
 6. Мишарин А. С., Клепач А. Н., Белоусов Д. Р. Посткризисное развитие России: модернизация, инновации и социальное государство. Перспективы до 2025 года: Доклад рабочей группы к заседанию Государственного совета Российской Федерации. Екатеринбург, 2011.
 7. Таможенная статистика внешней торговли Свердловской области за 2010 г. : годовой сб. Екатеринбург, 2011.
 8. Экспорт важнейших товаров Российской Федерации в 2010 г. : материалы Федерал. таможен. службы Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.customs.ru/>

Рукопись поступила в редакцию 12 декабря 2011 г.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.3 + 159.944.4 + 331.1

**М. Н. Юртаева
Н. С. Глуханюк**

МЕДИАТИВНО-МОДЕРАТИВНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ И ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В статье представлены результаты исследования феномена толерантности к неопределенности. Проверяется предположение о сложном составе феномена, представленном медиативно-модеративными взаимодействиями особенностей когнитивных процессов и черт личности. Обнаружено действие непроизвольного интеллектуального контроля, функциональные значения которого рассматриваются как основание дифференциации различных форм преодоления неопределенности.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, техника «расщепления» полюсов когнитивных стилей, непроизвольный интеллектуальный контроль, формы преодоления неопределенности.

Динамичные темпы развития социально-экономических отношений личности и общества приводят к росту неопределенности условий среды и взаимодействий человека и окружающего мира. Влияние неопределенности на психологическую жизнь человека часто анализируют в терминах негативно окрашенных переживаний тревоги и стресса. Поэтому актуальной задачей психологического познания становится выявление ресурсов развития личности, сохранения ее активности и адаптивности в условиях неопределенности.

Интерес психологической науки к феномену толерантности к неопределенности обусловлен, с одной стороны, его сензитивностью и содержательной relevanceностью нестабильным и вероятностным условиям действительности, а с другой стороны — необходимостью научного обоснования феномена с целью последующего использования в решении проблем межкультурной коммуника-

ции, менеджмента и инноваций, образования и профессиональной карьеры, сопровождения психотерапевтической практики.

При всей многоплановости теоретических и эмпирических подходов к изучению толерантности к неопределенности нами была обоснована общенаучная теоретическая предпосылка исследования в виде представления о том, что состав феномена толерантности к неопределенности представлен сочетанием особенностей когнитивных процессов и черт личности, взаимосвязи между которыми обуславливают индивидуальную специфику преодоления неопределенности ситуаций.

В исследовании приняли участие студенты вузов Екатеринбурга (всего 181 испытуемый) в возрасте 17–25 лет. Использовались корреляционный и ex post facto дизайны. Применялись корреляционный, факторный (вариант метода главных компонент с последующим неортогональным Direct Oblimin вращением факторов) и кластерный анализы. Сравнение выборок осуществлялось по У-критерию Манна – Уитни.

Для измерения толерантности к неопределенности использовались однофакторные опросники толерантности к неопределенности С. Баднера в адаптации Г. У. Солдатовой и Д. МакЛейна в адаптации Е. Г. Луковицкой. Определялся показатель толерантности к неопределенности в виде суммарного балла, рассчитанного по соотношению прямых и инвертированных пунктов. Дополнительно применялась шкала «Толерантность» Калифорнийского психологического опросника (CPI).

Измерение особенностей когнитивных процессов осуществлялось методиками оценки когнитивных стилей. Когнитивный стиль «полезависимость/поленезависимость» измерялся тестом «Включенные фигуры» Г. Виткина. Показатели: 1) среднее время обнаружения простой фигуры в сложной; 2) коэффициент имплицитной обучаемости как мера прироста эффективности деятельности по ходу ее выполнения. Когнитивный стиль «импульсивность/рефлексивность» измерялся тестом «Сравнение схожих рисунков» Дж. Кагана. Показатели: 1) латентное время первого ответа; 2) общее количество ошибок. Когнитивный стиль «риgidный/гибкий познавательный контроль» измерялся тестом «Словесно-цветовой интерференции» Дж. Струпа. Показатели: 1) величина интерференции: разница в продолжительности выполнения карт «цветные слова» и «цвет». Чем больше разница во времени, тем больше интерференция, тем более выражена ригидность познавательного контроля; 2) мера интегрированности различных форм когнитивного опыта: соотношение времени выполнения карт «цвет» и «слово».

Измерение личностных особенностей толерантности к неопределенности осуществлялось при помощи шкалы реактивной и личностной тревожности Спилбергера – Ханина. Показатели: 1) реактивная тревожность в виде суммарного балла, рассчитанного по соотношению прямых и инвертированных пунктов; 2) личностная тревожность в виде суммарного балла, рассчитанного по соотношению прямых и инвертированных пунктов. Шкала базисных убеждений Р. Янофф-Бульман в модификации М. А. Падун, А. В. Котельниковой использовалась для оценки конструкта «базисные убеждения личности». Показатели: стандартные

оценки, полученные для субшкал «доброжелательность окружающего мира», «справедливость», «убеждение о контроле», «образ-я», «удача». Опросник «Личностные факторы принятия решения» (ЛФР-25) Т. В. Корниловой применялся для измерения свойства готовности к риску. Показатели: 1) рациональность; 2) готовность к риску. В работе использовался показатель готовности к риску как содержательно релевантный изучаемому феномену.

Выбор конструктов и методик измерения обоснован использованием аналитико-интегративного подхода, реализующего общенаучный принцип комплексности [1].

В ходе анализа данных были получены следующие результаты. Толерантность к неопределенности является многомерным конструктом, проявления которого находят свое отражение как в своеобразии когнитивной сферы личности, так и в диспозициональных поведенческих установках. В составе феномена выделены взаимосвязанные субкомпоненты толерантности к неопределенности: «непредубежденность», «непринятие неопределенности и риска», «угроза я», «полезависимость».

Анализ результатов позволил заключить, что наличие в опыте субъекта таких атрибутивных схем, как убеждение о безопасной возможности доверять миру, убеждение о действенности закона справедливости и о собственном везении будет указывать на возможность принятия риска и неопределенности. Неуверенность в себе, переживание угрозы целостности Я, а также отсутствие воспринятой способности влиять на ход событий собственной жизни и сохранение активности будут определять поведение избегания в отношении ситуаций, сопряженных с неопределенностью и риском. Ограничение возможности поддерживать положительный образ Я и контролировать события собственной жизни, делая ее более предсказуемой, связано с появлением в поведении черт предубежденности и враждебности.

Применение техники «расщепления» полюсов когнитивных стилей позволило обнаружить факты, которые ранее не были получены при использовании линейных технологий анализа данных на примере изучения свойств интеллекта и толерантности к неопределенности [2, 3].

Установлено, что взаимосвязи между когнитивно-стилевыми и личностными характеристиками толерантности к неопределенности опосредуются эффектами стилевой регуляции. Действие механизма непроизвольного интеллектуального контроля имеет значение оптимизации и компенсации.

Картина полученных результатов позволяет заключить, что выраженность аналитического компонента стиля соотносится с эффективностью процессов преодоления неопределенности стимулов. Между тем наличие экстремальных значений аналитичности связано с тенденцией использования непродуктивных механизмов психологической защиты, отвечающих потребности в предсказуемости.

В ходе исследования обнаружены и другие компенсаторные интеллектуальные реакции на неопределенность. Так, импульсивное поведение, которое определяет когнитивное закрытие, соотносится с высокими скоростными навыками обучения. Данный факт мы рассматриваем как результат гиперкомпенсации,

обусловленный потребностью предотвратить неуверенность, связанную с ситуацией неопределенности выбора.

Продуктивные оптимизирующие влияния стилевой регуляции обнаружены при анализе свойств селективного внимания. Так, низкие значения скорости переключения могут оптимизироваться скоординированностью сенсорно-перцептивных и словесно-вербальных функций, т. е. интегрированностью ментального опыта.

Таким образом, анализ результатов исследования позволяет прийти к выводу, что механизм непроизвольного интеллектуального контроля выступает в качестве одного из признаков толерантности к неопределенности, который обнаружен при анализе соотношения когнитивных процессов и черт личности.

Применение техники «расщепления» полюсов когнитивных стилей дает основание определить одну из сущностных характеристик феномена толерантности в целом и толерантности к неопределенности в частности. Суть данной характеристики заключается в активной позиции познающего субъекта, приложении им умственных усилий для преодоления неопределенности, а не в ее пассивном принятии либо отвержении. Принятие как дискриминантный признак толерантности к неопределенности не получил достаточного обоснования для дифференциации лиц, имеющих различную силу выраженной этого свойства в более ранних исследованиях феномена [4, 5]. В соответствии с этим формы псевдотолерантности к неопределенности будут выражаться в различных личностных позициях — дистанцировании и/или деконтекстуализации, конформности и враждебности.

Мы полагаем, что проявление толерантного отношения, его актуализация в процессах преодоления неопределенности возможны путем управления собственным ментальным опытом, его рефлексией, что составляет основу психологической культуры и ментальной активности человека в современных условиях жизни.

-
1. Дорфман Л. Я. Исторические и философские корни научного метода в эмпирической психологии. Екатеринбург, 2002.
 2. Корнилова Т. В. Толерантность к неопределенности и интеллект // Вопр. психологии. 2010. № 5.
 3. Холодная М. А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. М., 2002.
 4. Frenkel-Brunswik E. Intolerance of ambiguity as an emotional perceptual personality variable // J. of Personality. 1949. Vol. 18.
 5. Lane M., Klenke K. The Ambiguity Tolerance Interface: A Modified Social Cognitive Model for Leading Under Uncertainty // J. of Leadership and Organizational Studies. 2004. Vol. 10.

Рукопись поступила в редакцию 19 марта 2012 г.

УДК 159.9:61+ 616-089.5

**В. М. Егоров
И. О. Елькин**

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ВАРИАНТОВ ОБЩЕЙ АНЕСТЕЗИИ И ОПЕРАЦИОННОГО СТРЕССА НА ВЫСШИЕ ПСИХИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ У ДЕТЕЙ

В статье представлены результаты состояния высших психических функций у 424 детей в возрасте от 3 месяцев до 15 лет, которым было произведено оперативное лечение различной травматичности в условиях общей комбинированной анестезии. Обсуждается воздействие общей анестезии на психику ребенка с позиций клинической психологии.

Ключевые слова: психодиагностика, педиатрическая анестезиология, высшие психические функции, тип нервной системы, долгосрочная механическая память, эмоциональная дезадаптация.

Изучение состояния высших психических функций (ВПФ) после общей анестезии несомненно является актуальной тематикой для современной анестезиологии-реаниматологии. В концепции гуманистической медицины минимизация психоповреждающего действия общего обезболивания должна быть непременным условием качественного анестезиологического пособия [4].

Воздействие общей анестезии на психику общеизвестно, однако в основном исследования касались познавательной стороны психики [2]. Нарушения различны по тяжести и структуре — от малозаметных повреждений памяти, внимания до развернутого делирия [4]. Работ комплексных, всесторонне охватывающих все составляющие психики — память, мышление, эмоционально-мотивационную сферу, практически нет. Тем более не изучены причины, вызывающие психические дисфункции на интенсивном этапе лечения, в частности вклад в нарушение психики психофармакологического действия анестетика и операционного стресса.

Учитывая рост количества оперативных вмешательств и медицинских манипуляций, проводимых у детей в условиях общей анестезии, а также значительное число случаев негативного влияния общей анестезии на высшие психические функции, необходимость исследования этих вопросов представляет несомненный научный интерес. Эта проблема особенно актуальна в педиатрической анестезиологии [3]. Именно детский возраст — время интенсивного психического развития — наиболее подвержен развитию эмоциональных и когнитивных дисфункций, в том числе в результате воздействия операционного стресса и общей анестезии. Кроме того, снижение когнитивного дефицита делает возможным раннее возвращение ребенка школьного возраста к учебе, а этот аспект имеет не только медицинское, но и социальное значение [1, 3].

Причины психоповреждающего действия общей анестезии разнообразны: это изменения мозгового кровотока; нарушения микроциркуляции ткани мозга вследствие изменения реологических свойств крови под влиянием препаратов

для общей анестезии; протеотоксичность анестетиков, а также индивидуальные особенности реакции пациентов на препарат [5].

Любые более или менее серьезные интраоперационные проблемы — нарушения гемодинамики, респираторные расстройства, передозировка компонентов анестезии, неадекватное обезболивание — отражаются на психической деятельности. Однако из многих факторов психических дисфункций решающее значение имеет психофармакологическое действие основного анестетика [6]. Большая часть работ посвящена изменениям ВПФ периода пробуждения, в основном у взрослых пациентов. Все вышеизложенное определило цель и задачи исследования.

Целью нашей работы стала оценка влияния общей анестезии и операционного стресса на высшие психические функции у детей с учетом варианта анестезии и исходного состояния нервной системы ребенка

Характеристика больных и методов исследования

В работе представлены результаты изучения ВПФ у 424 детей в возрасте от 3 месяцев до 15 лет, которым было произведено оперативное лечение в условиях общей комбинированной анестезии в центре восстановительного лечения «Бонум» (Екатеринбург). Данные о количественном составе и распределении больных по вариантам анестезии представлены в табл. 1.

Из таблицы следует, что количественный и половой состав в группах с различными видами общей анестезии однороден.

Методики общей анестезии, использованные в нашем исследовании, являлись общепринятыми в практической медицине. Адекватность анестезии оценивалась по данным центральной и периферической гемодинамики, газов крови, кислотно-основного состояния и ЭЭГ. Послеоперационный период у всех пациентов протекал без осложнений.

Полученные результаты обработаны средствами прикладного пакета математических программ STATISTICA 6.0. Вычислялись средние величины, стандартное отклонение, достоверность различий оценивалась с помощью критерия Стьюдента. Применены методы корреляционного анализа при выявлении связей между показателями ВПФ.

Дети обследовались различными психометрическими методиками в течение периода времени от 3 суток до 2 месяцев после различных вариантов общей анестезии (табл. 2). Исследования состояния психики проводились по следующей схеме: до операции (за час до премедикации), на третий, седьмой и четырнадцатый день после операции.

С целью выяснения степени и длительности повреждения психических функций в зависимости от вида анестезии и тяжести оперативного вмешательства нами обследовано 75 детей в возрасте от 3 до 15 месяцев (табл. 3). Как видно из данных таблицы, к седьмому дню восстановлены до исходного уровня психические функции во всех группах, за исключением группы с использованием кетамина, в которой сохранялись повреждения голосовой сферы до 14 суток.

Таблица 1

Распределение пациентов по возрасту и видам анестезии

Возраст	Вид анестезии	Количество обследованных	Мальчики	Девочки
Дети грудного возраста (3–15 месяцев)	Кетамин	20	9	11
	Кетамин-превентивная подготовка	20	10	10
	Фторотан	18	10	8
	Севоран	19	8	11
	Дормикум	20	10	10
	Диприван	17	8	9
Дошкольники (4–7 лет)	Кетамин	20	11	9
	Фторотан	20	10	10
	Севоран	20	12	8
	Дормикум	18	8	10
	Диприван	18	8	10
Школьники (7–15 лет)	Кетамин	38	19	19
	Фторотан	44	24	20
	Севоран	20	10	10
	Дормикум	20	9	11
	Диприван	17	7	10
	Кетамин — ноотропил	17	9	8
	Кетамин — инстенон	20	10	10
	Фторотан — дельтаран	19	8	11
	Дормикум — анексат	19	9	10
<i>Всего</i>		424	209	215

Таблица 2

Методы диагностики высших психических функций

Тесты	Исследуемые функции
Методика психологической диагностики психического развития детей первого года жизни О. В. Баженовой	Комплексная характеристика психического состояния грудного ребенка
Корректурные пробы	Внимание
Проба на запоминание 10 слов	Механическая долгосрочная и краткосрочная память
Пробы Л. С. Выготского и А. М. Лuria	Ассоциативная память
Тест Люшера	Эмоциональный и вегетативный статус
Тест Роршаха	Зрительное восприятие
Пальценосявая проба и хождение по прямой с закрытыми глазами	Координация движений
Рисуночный тест Гудинаф — Харриса	Интеллект

Таблица 3

**Состояние психических функций в послеоперационном периоде
у детей грудного возраста (% к исходному, $M \pm m$, $n = 114$)**

Группа реакций	Вид анестезии	Этап			
		Исходный	3-и сутки	7-е сутки	14-е сутки
Эмоциональные	Кетамин	100 ± 6,0	76,3 ± 6,2*	98,2 ± 6,4	101,3 ± 5,4
	Дормикум	100 ± 5,0	79,3 ± 5,3**	98,2 ± 7,1	99,1 ± 4,9
	Диприван	100 ± 4,6	80,0 ± 6,3**	100,1 ± 6,3	103,0 ± 6,5
	Фторотан	100 ± 4,6	68,4 ± 5,1*	94,5 ± 5,9	99,8 ± 6,9
	Севоран	100 ± 6,0	88,4 ± 5,1**	93,0 ± 5,9	98,7 ± 5,7
Голосовые	Кетамин	100 ± 7,0	65,2 ± 6,6*	87,5 ± 5,4*	91,1 ± 7,0
	Дормикум	100 ± 7,0	67,4 ± 4,9*	99,8 ± 6,4	107,7 ± 4,8
	Диприван	100 ± 6,2	70,1 ± 5,7*	101,3 ± 5,4	99,9 ± 7,3
	Фторотан	100 ± 6,0	68,1 ± 5,4*	101,2 ± 7,1	98,3 ± 6,4
	Севоран	100 ± 7,1	73,1 ± 5,4*	99,2 ± 6,8	99,1 ± 7,1

* $p < 0,05$ при сравнении с исходным этапом.

** $p < 0,05$ при сравнении с группой, где использовался фторотан в качестве базового анестетика.

По тяжести оперативного вмешательства и ее продолжительности дети грудного возраста нами разделены на три группы: операции малой травматичности, средней и высокой травматичности. При операциях малой травматичности голосовые показатели восстановились на третьи сутки, при средней — на седьмые, при высокой травматичности — на четырнадцатые сутки. Следовательно, на основании данных исследования можно говорить о четкой зависимости восстановления голосовых показателей от характера вмешательства (табл. 4).

Сравнительный анализ влияний внутривенной и ингаляционной анестезии на ВПФ показал (табл. 5), что анестезия на основе севорана, дипривана и дормикума оказывает достоверно меньшее влияние на эмоциональный статус, чем анестезия на основе фторотана ($p < 0,05$).

Показатель внимания Е достоверно снижен во всех группах на третьи сутки после вмешательства, достоверных различий между группами на данном этапе не выявлено. К седьмым суткам внимание восстановлено до исходного уровня во всех группах.

Наиболее информативным показателем ВПФ после общей анестезии оказалась ММД — долгосрочная механическая память. Она страдает больше, чем другие показатели. На третий день повреждение ММД достоверно снижено во всех подгруппах с различными вариантами анестезии, существенного различия между подгруппами не выявлено. На седьмые сутки показатель ММД достоверно не отличается от исходного уровня, за исключением группы детей, у которых была использована общая анестезия на основе кетамина. В этой группе долговременная механическая память была восстановлена только к тридцатым суткам послеоперационного периода.

Таблица 4

**Динамика голосовых и эмоциональных показателей у детей грудного возраста в зависимости от характера оперативного вмешательства
(% к исходному, $M \pm m$, $n = 75$)**

Операция	Группа реакций	Этап			
		Исходный	3-и сутки	7-е сутки	14-е сутки
Малой травматичности	Голосовые	100 ± 6,2	85,2 ± 5,7*	92,4 ± 5,8	103,0 ± 6,1
	Эмоциональные	100 ± 4,6	85,0 ± 6,3*	100,1 ± 6,3	102,4 ± 6,5
Средней травматичности	Голосовые	100 ± 5,9	65,2 ± 5,8*	93,3 ± 6,2	101,9 ± 5,9
	Эмоциональные	100 ± 5,6	80,7 ± 6,3*	98,1 ± 6,3	103,0 ± 6,8
Высокой травматичности	Голосовые	100 ± 6,0	44,0 ± 7,1*	79,7 ± 6,4*	102,8 ± 7,2
	Эмоциональные	100 ± 5,0	79,3 ± 5,1*	90,0 ± 4,8*	103,3 ± 5,1

* $p < 0,05$ при сравнении с исходным этапом.

Таблица 5

Состояние психических функций в послеоперационном периоде у детей дошкольного возраста (% к исходному, $M \pm m$, $n = 96$)

Показатель ВПФ	Метод анестезии	Этап			
		Исходный	3-и сутки	7-е сутки	14-е сутки
Е	Кетамин	100 ± 8,0	78,5 ± 9,1*	102,3 ± 9,7	99,9 ± 6,7
	Дормикум	100 ± 7,0	81,5 ± 7,9*	100,8 ± 4,8	101,2 ± 4,0
	Диприван	100 ± 7,9	82,9 ± 5,9*	100,0 ± 4,9	106,3 ± 9,1
	Фторотан	100 ± 9,1	79,4 ± 7,2*	90,4 ± 8,0	103,1 ± 5,9
	Севоран	100 ± 7,9	80,3 ± 7,7*	97,1 ± 4,9	100,9 ± 7,0
ММД	Кетамин	100 ± 4,0	65,4 ± 8,8*	80,1 ± 4,8*	91,9 ± 4,0*
	Дормикум	100 ± 9,9	73,2 ± 9,1*	83,1 ± 9,7	102,3 ± 8,2
	Диприван	100 ± 10,2	74,1 ± 9,9*	82,8 ± 11,0	98,6 ± 7,9
	Фторотан	100 ± 11,0	73,1 ± 6,8*	79,6 ± 11,8	98,4 ± 8,2
	Севоран	100 ± 7,1	73,1 ± 6,0*	87,6 ± 9,5	100,4 ± 7,3
ЭУ	Кетамин	100 ± 7,9	75,5* ± 9,1	102,3 ± 9,7	99,0 ± 6,7
	Дормикум	100 ± 8,0	75,5* ± 7,9	99,8 ± 4,8	101,2 ± 4,0
	Диприван	100 ± 7,9	75,5 ± 5,9*	100,0 ± 4,9	106,3 ± 9,1
	Фторотан	100 ± 7,9	75,5 ± 5,0*	82,0 ± 7,9*	100,0 ± 8,1
	Севоран	100 ± 4,6	77,7 ± 9,3*	87,1 ± 9,5	100,0 ± 7,9
КД	Кетамин	100 ± 7,7	69,8 ± 9,1*	87,2 ± 7,0*	102,2 ± 9,1
	Дормикум	100 ± 8,0	81,9 ± 8,0*	101,0 ± 6,1	100,0 ± 7,9
	Диприван	100 ± 9,9	85,0 ± 8,9	100,0 ± 7,7	100,0 ± 7,7
	Фторотан	100 ± 6,1	65,4 ± 7,2*	88,4 ± 10,0	103,1 ± 5,9
	Севоран	100 ± 7,9	77,3 ± 7,7*	97,1 ± 4,9	100,9 ± 7,0

* $p < 0,05$ при сравнении с исходным этапом.

По данным проведенного исследования, смысловая память, как краткосрочная (МАК), так и долгосрочная (МАД), практически не пострадала. Показатель МАК достоверно не снижался ниже исходного уровня ни на одном из этапов исследованных вариантов анестезии, как, впрочем, и показатель МАД.

Максимальное снижение эмоционального уровня отмечается на третьи сутки после общей анестезии. Достоверной разницы в эмоциональном уровне между подгруппами не отмечено. К седьмым суткам этот показатель восстанавливается до исходного во всех группах, за исключением больных, у которых анестезия проводилась фторотаном. Эмоциональный статус восстанавливался только к четырнадцатым суткам послеоперационного периода.

Существенные нарушения координации движений (КД) выявлены на третий день после операции во всех группах, кроме пациентов, у которых анестезия осуществлялась на основе дипривана. При анестезии на основе дипривана координация движений достоверно не нарушается. При анестезии кетамином нет достоверного восстановления координации и на седьмой день после операции. На четырнадцатый день послеоперационного периода координация движений восстановлена во всех группах.

Представленные результаты исследований свидетельствуют, что вызываемые общей анестезией и операционной травмой нарушения ВПФ у детей в послеоперационном периоде полностью обратимы. Степень нарушения ВПФ зависела от характера воздействия основного анестетика на центральную нервную систему и травматичности оперативного вмешательства.

Маркером повреждения высших психических функций после общей анестезии и операционной травмы у детей дошкольного и школьного возраста является долгосрочная механическая память, динамика восстановления которой была аналогичной у детей дошкольного и школьного возраста (табл. 6).

Таблица 6

**Изменение показателей долгосрочной механической памяти
при офтальмологических вмешательствах у детей школьного возраста
(% к исходному $M \pm m$, $n = 98$)**

Вид анестезии	Этап			
	Исходный	3-и сутки	7-е сутки	14-е сутки
Кетамин	100 ± 6,2	80,3 ± 7,0*	90,1 ± 3,1*	93,0 ± 5,5
Дормикум	100 ± 6,1	83,1 ± 4,3*	95,0 ± 3,7	100,1 ± 6,1
Диприван	100 ± 5,9	84,1 ± 4,3*	94,5 ± 3,9	103,1 ± 6,1
Фторотан	100 ± 7,7	82,2 ± 4,6*	92,4 ± 4,1	97,4 ± 7,4
Севоран	100 ± 11,1	81,3 ± 6,0*	93,4 ± 6,1	100,3 ± 8,2

* $p < 0,05$ при сравнении с исходным этапом.

Из методов ингаляционной анестезии общая анестезия на основе севорана обеспечивает большую сохранность психических функций: полное восстановление психического статуса (по данным ММД) происходит к седьмому дню

послеоперационного периода, так же как и при современных вариантах внутривенной анестезии (дормикум, диприван).

Общая анестезия на основе фторотана оказывает более выраженное психоповреждающее действие, чем анестезия на основе севорана. При ее применении эмоциональные нарушения сохраняются в течение семи суток послеоперационного периода, а восстановление эмоционального статуса происходит к четырнадцатым суткам (см. табл. 5).

Нами определено влияние исходных особенностей психической реактивности ребенка на степень психоповреждающего действия анестетиков с различными механизмами действия. Из применяемых вариантов внутривенной анестезии (кетамин, дормикум, диприван) наиболее выраженным психоповреждающим действием обладает общая анестезия на основе кетамина. При этом варианте анестезии сохраняются нарушения долгосрочной механической памяти до четырнадцатых суток послеоперационного периода. В основе этих нарушений лежит механизм диссоциации и разобщения нейронных связей (рис. 1).

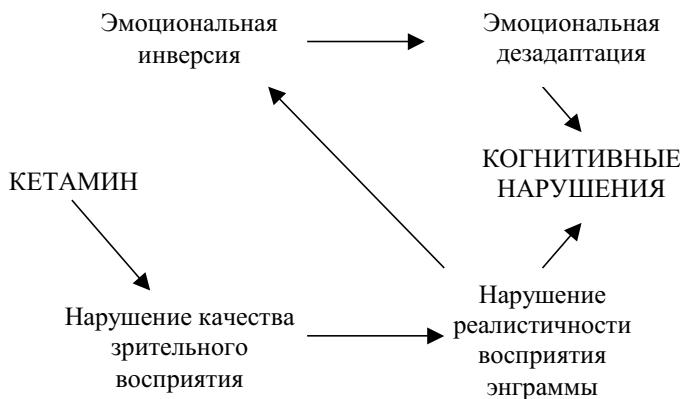

Рис. 1. Механизм психоповреждающего действия кетамина

Пациент осознает «необычность» своего восприятия, это его беспокоит и определяет эмоциональную дезадаптацию (собственное состояние пациента интересует больше, чем события окружающей действительности).

Другие варианты внутривенной анестезии (дормикум, диприван) повреждают психику по механизму седации, снижения энергетического уровня психических процессов (рис. 2).

Первично поражается эмоциональный статус, а именно его энергетическая составляющая. В зрительном восприятии прежде всего страдает целостность зрительного образа за счет нарушения функций логического синтеза. Пациент не воспринимает часть окружающей действительности по причине энергетического дефицита, в то же время правильно оценивает воспринимаемую часть (размеры, формы, расстояния).

Рис. 2. Механизм нарушения ВПФ после других вариантов общей анестезии (дормикум, пропофол, севоран)

Нами определено влияние исходных особенностей психической реактивности ребенка на степень психоповреждающего действия анестетиков с различными механизмами действия (рис. 3).

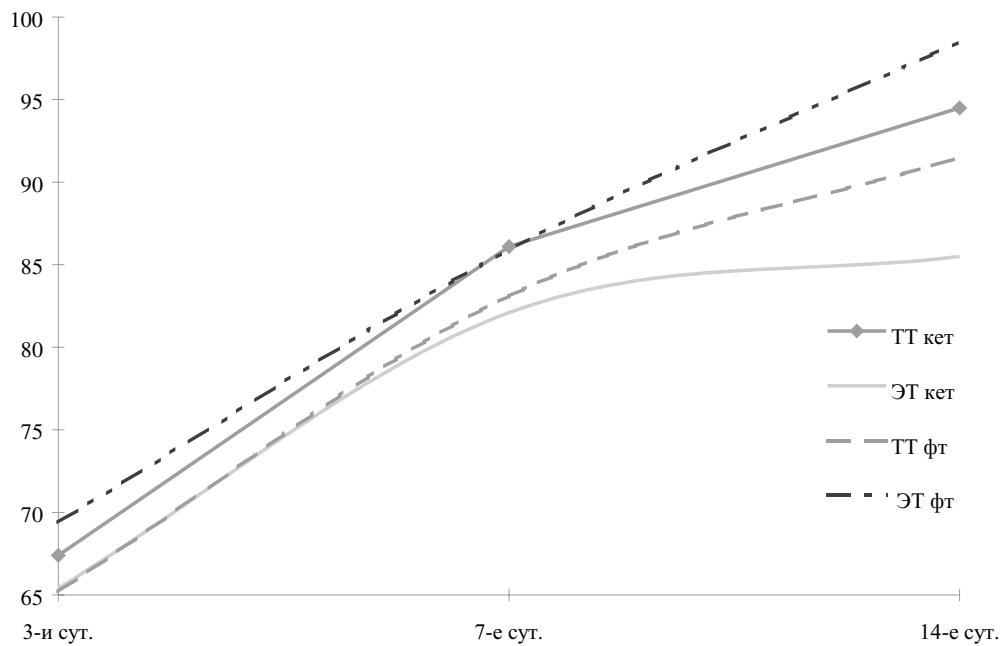

Рис. 3. Состояние долгосрочной механической памяти в зависимости от вида анестезии и типа регулирования нервной системы

Как видно из данных, представленных на рис. 3, у детей с трофотропным типом регулирования нервной системы отмечается усиление психоповреждающего влияния анестетиков с седативным механизмом действия, а влияние кетамина, как диссоциативного анестетика, ослабляется. При эрготропном типе

регулирования установлено усиление психоповреждающего действия кетамина и уменьшение негативного влияния на психические функции анестетиков с седативным механизмом.

Из представленных материалов исследования очевидно, что выбор оптимального метода анестезии в клинической практике должен основываться на особенностях влияния общей анестезии на высшие психические функции ребенка в раннем послеоперационном периоде, травматичности вмешательства, исходного состояния нервной системы ребенка.

Выводы

1. Из применяемых вариантов внутривенной анестезии (кетамин, дормикум, пропофол) наиболее выраженным психоповреждающим действием обладает общая анестезия на основе кетамина, при которой сохраняются нарушения долгосрочной механической памяти до четырнадцатых суток послеоперационного периода. В основе этих нарушений лежит механизм диссоциации и разобщения нейронных связей.

2. Варианты внутривенной анестезии на основе дормикаума и пропофола оказывают достоверно менее выраженное влияние на ВПФ; повреждение психики протекает по механизму седации, снижения энергетического уровня психических процессов; полное восстановление психического статуса происходит к седьмому дню послеоперационного периода.

3. Среди рассмотренных ингаляционных вариантов общая анестезия на основе ингаляционного анестетика севорана обеспечивает наибольшую сохранность психических функций, полное восстановление психического статуса происходит к седьмому дню послеоперационного периода, так же как и при внутривенных анестезиях на основе дормикаума и дипривана.

4. Общая анестезия на основе фторотана оказывает достоверно более выраженное психоповреждающее действие, чем анестезия на основе севорана. При ее применении эмоциональные нарушения сохраняются в течение семи суток послеоперационного периода, а восстановление эмоционального статуса происходит к четырнадцатым суткам.

5. Вызываемые общей анестезией и операционной травмой нарушения высших психических функций у детей в послеоперационном периоде полностью обратимы. Степень нарушения ВПФ зависит от характера воздействия основного анестетика на центральную нервную систему и травматичности оперативного вмешательства.

6. Маркером повреждения высших психических функций после общей анестезии и операционной травмы у детей дошкольного и школьного возраста является долгосрочная механическая память, а у пациентов грудного возраста — состояние голосовых функций.

Восстановление ВПФ определяется не только вариантом анестезии, но и зависит от типа вегетативного регулирования нервной системы ребенка. Выбор оптимального метода анестезии в клинической практике должен основываться на особенностях влияния общей анестезии на высшие психические функции

ребенка в раннем послеоперационном периоде и травматичности вмешательства, что в целом будет обеспечивать социальную защищенность ребенка.

1. *Вербук А. М.* Сравнительная характеристика психоповреждающего действия общей анестезии фторотаном, кетамином и его коррекция у детей с врожденными расщелинами верхней губы и нёба : автореф. дис. ... канд. мед. наук. Екатеринбург, 1994.
2. *Давыдов В. В.* Когнитивные расстройства после некоторых видов общей анестезии / Современные аспекты анестезиологии и интенсивной терапии : IV межрегионар. науч.-практ. конф. с международ. участием (посвящен 20-летию кафедры анестезиологии и реаниматологии НГМУ), 22–23 февр. 2007 г. Новосибирск, 2007. С. 26–27.
3. *Елькин И. О., Егоров В. М., Вербук А. М., Вербук В. М.* Психоповреждающее действие кетаминовой, бриеталовой анестезии и его коррекция // Анестезиология и реаниматология. 1996. № 6. С. 31–33.
4. *Иванов В. С.* Психические расстройства, связанные с операциями на открытом сердце // Психиатрия и психофармакотерапия. 2005. № 3. С. 23–30.
5. *Peduto V. A.* Formacologia molecolare dell anesthesia // Acta anaesthesiol ital. 2000. 51, № 1. Р. 49–95.
6. *Yamasaki T., Nakakimura K., Matsimoto M. et al.* Effects of graded suppression of the EEG with propofol on the neurological outcome following incomplete cerebral ischaemia in rats // J. Anaesthesiol. 1999. 16, № 5. Р. 320–329.

Рукопись поступила в редакцию 6 марта 2012 г.

УДК 174-057.15:174-057.16 + 331.1

**Ф. С. Исмагилова
Г. С. Миролюбова**

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ КРИТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

В статье рассматриваются результаты пилотажного исследования субъективной системы критериев деятельности, представленной в профессиональном опыте руководителей предприятий Уральского региона. Авторы ставят вопрос об изменении индивидуальной критериальной системы оценки эффективности деятельности в зависимости от профессионального опыта субъекта и его должностной позиции. На основе кластерного анализа выделены группы критериев, проведен предварительный их качественно-количественный анализ. В исследовании используется комплексный междисциплинарный подход.

Ключевые слова: профессиональный опыт, критериальное обеспечение профессиональной деятельности руководителей, оценка эффективности профессиональной деятельности.

В процессе становления профессионального опыта у работника вырабатывается и совершенствуется субъективная система критериев оценки процесса,

содержания и результатов своей профессиональной деятельности. Эта система представляет собой особым образом преломленные в сознании работника и наполненные субъективным смыслом организационные и деятельностные предписания, правила, требования, нормы и нормативы, на которые должен ориентироваться работник. Результатом этой трансформации становится уникальное содержание профессионального опыта, благодаря которому работник способен «замечать мелкие детали процесса, реагировать на малые, почти «незаметные» изменения в мире, в объекте, контролировать (предупреждать, управлять) движениями, действиями, процессами в окружающем мире» [2, 193]. Наличие системы субъективных критериев оценки профессиональной деятельности, степень их дифференцированности и конгруэнтности деятельности свидетельствуют не только о качественном содержании профессионального опыта работника, но и о его способности формировать сами критерии оценки деятельности, что особенно важно в условиях сложно стандартизируемой профессиональной деятельности. Управленческая деятельность руководителя, как правило, описывается его работодателем в самых общих чертах, что позволяет модифицировать ее границы в зависимости от ситуации, быть гибким в постановке целей и использовании способов достижения результата.

Степень детализации регламентов, описывающих функционал работников, меняется по мере роста должностной позиции исполнителя от перечисления рабочих функций (рабочая инструкция, или технологическая карта) к обозначению задач, закрепленных за работником (должностная инструкция), а впоследствии и к обозначению только целей деятельности (например, получение или увеличение определенного размера прибыли, увеличение сегмента рынка сбыта) и области ответственности (например, поведение организации на рынке и процессы внутри организации), установленных для руководителя высшего звена.

Необходимость субъективной системы критериев оценки деятельности обусловлена в определенной степени и тем, что специалисту приходится взаимодействовать с коллегами из смежных профессиональных областей при решении метафункциональных задач. В качестве примера можно привести случаи взаимодействия маркетолога с системным администратором, руководителя участка основного производства с руководителем ремонтной службы и т. п. В ситуации межфункционального диалога важно, чтобы критерии оценки деятельности были понятны не только самому специалисту, но и точно сформулированы в понятной для других форме. Таким образом, наличие собственных критериев профессиональной деятельности становится важнейшим условием профессионализма, а значимость этого условия возрастает по мере служебно-должностного роста работника.

Проблема исследования. Нельзя утверждать, что критерии, появившиеся в профессиональном опыте, всегда объективно самые надежные. Напротив, в управленческой деятельности давно обсуждается негативная тенденция идентификации критериев срочности и важности и, как следствие, подмены критерия «важно» критерием «срочно»: важным становится не то, что объективно важно, а то, что в данный момент не терпит отлагательств. Эта же подмена

наблюдается в отношении долгосрочных, стратегических задач, решение которых откладывается руководителем в связи с необходимостью решения текущих задач.

Актуальность исследования психологических аспектов критериального обеспечения профессиональной деятельности подтверждается и результатами анализа проблем профессиональной деятельности руководителей среднего и высшего звена предприятий Уральского региона, проведенного нами в 2008–2010 гг., в частности:

- фиксируемой значительной частью респондентов потребностью в выработке собственных критерииев оценки эффективности профессиональной деятельности в более чем трети ответов;
- положительной сильной динамикой увеличения проблем, связанных с критериальной обеспеченностью деятельности, за период исследования;
- прямо или косвенно заявляемой респондентами потребностью в новых критериях и подходах в связи с изменяющейся организационной средой и в целом социально-экономической ситуацией.

Таким образом, мы можем очертить актуальное поле исследования психологии труда, имеющего ярко выраженную практическую направленность:

1. Поскольку критерии оценки эффективности деятельности — существенная часть профессионального опыта, то наличие собственной системы критерииев, их число, содержание и связи, а также их конгруэнтность (адекватность) реализуемой профессиональной деятельности отражает профессионализм работника.

2. И руководители, и ведущие специалисты современных предприятий разного типа и сфер деятельности испытывают потребность:

- в наличии информации о спектре научно обоснованных и апробированных на практике критерииев оценки профессиональной деятельности;
- в мониторинге и ревизии критерииев, приобретенных в процессе собственной практики;
- в критериях, позволяющих делать прогнозы и принимать превентивные меры.

Исследование психологических аспектов критериального обеспечения профессиональной деятельности представляется нам тем более важным, что оно напрямую связано с решением проблемы эффективности деятельности: во-первых, потому, что внятная и достаточная субъективная система критерииев задает эталон ее выполнения; во-вторых, потому, что она косвенным образом определяет полюс организационно-деятельностной ориентации работника (действие «в соответствии» или «вопреки» существующим стандартам работы). По тому, в каком объеме и какие по содержанию критерии задаются, можно судить и о том, что понимается под эффективностью деятельности.

Теоретические предпосылки исследования. Организации, работающие в условиях конкуренции и ориентированные на развитие, своей основной цели (получение и увеличение прибыли) достигают двумя путями — либо увеличивая доходность за счет наращивания объемов продаж или повышения цены, либо уменьшая ее расходы за счет снижения затрат. Вполне логично, если

деятельность руководителя, ответственного за достижение организационных целей, также будет оцениваться в терминах производительности (operating efficiency). Такой подход к оценке деятельности руководителя используется в западной практике менеджмента. Производительность в этом случае рассматривается как «мера (степень) управленческой способности создавать доход и управления затратами» [5]. В этом случае формула производительности может быть представлена следующим соотношением: прибыль до постоянных затрат, умноженная на 100 %, к доходу от объема продаж.

Сложности в использовании такого подхода к оценке операционной эффективности руководителя на российских предприятиях обусловлены двумя причинами. Во-первых, такой подход возможен при условии, что в организации существуют стандарты работы руководителя (job standards), понимаемые как «осуществление деятельности в терминах количественного и качественного результата этой деятельности для каждого работника» [Там же]. Наличие таких стандартов позволяет, как правило, использовать показатели, оценивающие не только результат деятельности, но и особенности трудового поведения субъекта, направленного на его достижение [4]. В этом случае можно, например, выявить, достигнута ли цель посредством минимальных трудовых усилий. Как правило, в российских организациях отсутствуют четко прописанные стандарты работы руководителя, что затрудняет использование этого подхода к оценке эффективности профессиональной деятельности. Во-вторых, нет достаточных оснований полностью идентифицировать труд руководителя и собственно организационную деятельность.

Для снятия этой проблемы нередко используют показатель «результативность деятельности», который понимается как соотношение фактически полученного работником результата к результату желаемому (запланированному), выраженное в процентах [3]. По этому показателю оценивается, достигнуты ли субъектом поставленные цели.

Однако в ситуации относительной свободы выбора, в которой находятся современные руководители, для организации важно, чтобы руководители были максимально ориентированы на такой показатель, как «работоспособность», «качество работы», именуемый в зарубежной литературе coefficient of performance (COP) [5]. Обычно coefficient of performance определяется как отношение собственно полученного полезного результата (выход) от работы к количеству затраченной работы или энергетическим вложениям (вход), которые использовались для его получения. Другими словами, COP в психологическом плане отражает установку на достижение каких-либо определенных результатов с минимально возможными издержками или получение максимально возможного объема продукции из данного количества ресурсов, т. е. установку на эффективность.

Вопрос эффективности деятельности или качества труда как на уровне отдельного субъекта, так и на уровне организации, несмотря на его особую актуальность в современных условиях ориентации на модернизацию производства и инновационное развитие российских предприятий, остается одним из самых проблемных как для теории, так и для практики. В частности, наше

исследование психологических условий реализации инновационных стратегий на предприятиях Уральского региона показало, что практика оценки соотношения доходов и затрат в управленческой деятельности до сих пор не получила распространения [1]. В экономических науках вопрос критериев и методов оценки эффективности деятельности остается одним из самых дискуссионных. В психологии труда до настоящего момента не исследовались психолого-экономические конструкты показателей профессиональной деятельности руководителя.

Характеристика эмпирического исследования. В исследовании приняли участие 58 человек, руководители промышленных предприятий Уральского региона в возрасте 27–40 лет. Все участники являются слушателями Президентской программы подготовки управленческих кадров для предприятий народного хозяйства (Бизнес-школа УрФУ, Екатеринбург). Репрезентативность выборки подтверждается также тем, что все участники имеют стаж управленческой деятельности от 3 лет и более.

Цель эмпирического исследования — на основе анализа критериев оценки деятельности определить основные психолого-экономические конструкты показателей профессиональной деятельности руководителя, а также выявить сходства и различия в критериальном обеспечении их деятельности руководителями с разным по длительности опытом управленческой деятельности.

В исследовании проверялись следующие гипотезы: 1) для руководителей в целом характерна тенденция подмены критериев профессиональной деятельности критериями экономической и организационной эффективности; 2) критерии увеличения доходности и критерии снижения расходов преимущественно не согласованы друг с другом и присутствуют как две отдельные самостоятельные группы в системе критериального обеспечения деятельности руководителей; 3) доминируют критерии оценки деятельности, связанной с поддержанием существующей стратегии организации, над критериями оценки деятельности, связанной с процессом организационных изменений.

Для выявления субъективных предпочтений критериального обеспечения профессиональной деятельности руководителей использовался метод моделирования ситуации. Процедура включала в себя, в частности, задание, в котором участникам предлагалось оценить по ключевым, с их точки зрения, критериям эффективность собственной деятельности и распределить сообразно значимости этих критериев вознаграждение за работу. Фиксировались перечень критериев и их распределение по группам, характеризующие постоянную (поддерживающую установленный в организации норматив деятельности) и переменную (изменяющую установленный в организации норматив деятельности) части вознаграждения. Для обработки полученного материала использовался метод контент-анализа. По заданной классификации предложенные участниками критерии идентифицировались с качественными единицами контент-анализа по соответствующим эмпирическим признакам.

На первом этапе мы ввели вспомогательную (искусственную) классификацию организационных стратегических целей организации, выделив две основные группы целевой ориентации организационной деятельности: направлен-

ность на изменение (развитие) и направленность на поддержание существующего порядка вещей (функционирование в заданном режиме сообразно установленным стандартам и нормативам). Кроме того, на основе смоделированной кластеризации способов организационного развития, представленных в литературе и в практике управления, были выделены пять основных групп этих способов:

1. Увеличение доходности за счет роста объемов производства.
2. Уменьшение расходов за счет снижения издержек.
3. Увеличение доходности и уменьшение расходов за счет эффективности использования ресурсов: роста объемов производства и оптимизации затрат.
4. Предупреждение нарушений стандартов, отклонений, ущерба.
5. Соблюдение заданных стандартов и нормативов, исполнение плана.

Три первых из указанных способов организационного развития характерны для стратегии изменения, четвертый и пятый способы — для стратегии поддержания.

На втором этапе мы провели качественно-количественный анализ содержания критериев эффективности профессиональной деятельности. Правомерность использования контент-анализа определяется тем, что критерии, перечисляемые испытуемыми в произвольной форме, несут в себе следы разнообразных субъективных психологических факторов, что, в свою очередь, делает возможным обнаружение и замер этих факторов путем регистрации в тексте соответствующих индикаторов. Качественная единица контент-анализа — категория — определялась как ключевое понятие, позволяющее проводить деление критериев на группы. Сортировка полученных в ходе исследования критериев оценки профессиональной деятельности руководителей происходила по двум основаниям: по стратегической целевой ориентации организации (целевые показатели) и по способу реализации организационной стратегии (деятельностные показатели). Примеры содержания критериев заданных групп представлены в табл. 1.

Полученные в ходе заполнения смоделированной матрицы результаты качественного распределения критериев представлены в табл. 2.

Составленный в ходе анализа результатов исследования перечень критериев эффективности профессиональной деятельности лег в основу проверки гипотезы о степени представленности в субъективной критериальной шкале респондентов показателей, имеющих непосредственное отношение к деятельности. Чаще всего в литературе по оценке эффективности деятельности выделяют три уровня (по степени обобщения) показателей: экономические (характеризующие количество товаров, продукции, денег), организационные (характеризующие комплекс действий по созданию условий труда и организации производственных процессов в соответствии с целями предприятия), деятельностные (характеризующие количество и качество результата и усилий по его достижению). Если принять общее количество критериев в данном кластере за единицу, то распределение критериев может быть представлено следующим образом (табл. 3).

На основании полученных данных мы можем с достаточной степенью уверенности выделить по содержанию пять основных групп критериев, которые

Таблица 1

Кластерное распределение критериев профессиональной деятельности

<i>Стратегия изменения:</i> направленность на изменение (развитие)	
Увеличение доходности за счет роста объемов производства	Количество вновь привлеченных клиентов; увеличение прибыли; реализация проекта; увеличение количества продукции; рост продаж по сравнению с плановыми
Уменьшение расходов за счет снижения издержек	Снижение издержек; экономия энергоресурсов; отсутствие инцидентов (поломок), претензий-рекламаций, профессиональных ошибок
Увеличение доходности и уменьшение расходов за счет эффективности использования ресурсов: роста объемов производства и оптимизации затрат	Чистая прибыль; маржинальная прибыль; рентабельность собственного капитала (ROE); окупаемость инвестиций (ROI); привлечение новых ресурсов при сокращении издержек расходования имеющихся ресурсов; повышение лимита на x % при повышении объема работ на y %; реализация инвестиционного проекта; выполнение плана по себестоимости продукции; повышение энергоэффективности
<i>Стратегия поддержания:</i> направленность на функционирование в заданном режиме по установленным стандартам и нормативам	
Соблюдение заданных стандартов и нормативов, исполнение плана	Выполнение плана; выполнение заданий руководства; новые идеи и предложения; развитие существующих направлений; контроль выполнения работ; выполнение должностных обязанностей; оценка внутреннего клиента; выполнение программы
Предупреждение нарушений стандартов, отклонений, ущерба	Исправление ошибок; отсутствие простоев; обеспечение бесперебойной работы

представлены в индивидуальном сознании респондентов-руководителей и на которые они опираются при оценке эффективности собственной профессиональной деятельности. Среди этих критериев превалируют те, что указывают на рост полученного в ходе деятельности результата (кластер «увеличение доходности за счет роста объемов производства»; общее количество упоминаний – 60) или на обеспечение процесса деятельности (кластер «соблюдение заданных стандартов и нормативов, исполнение плана»; общее количество упоминаний – 94). Следует отметить, что содержательно ни один, ни другой показатель не имеют отношения к тому, что составляет суть дефиниции термина «эффективность».

Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что критерии увеличения доходности и критерии снижения расходов в большинстве случаев не согласованы друг с другом и присутствуют в субъективной системе критери-

Таблица 2

Количественное распределение основных кластеров критериев

Наименование кластеров критериев	Количество критериев в кластере
<i>Стратегия изменения</i>	<i>96, из них</i>
Увеличение доходности за счет роста объемов производства	60
Уменьшение расходов за счет снижения издержек	19
Увеличение доходности и уменьшение расходов за счет эффективности использования ресурсов – роста объемов производства и оптимизации затрат	17
<i>Стратегия поддержания</i>	<i>108, из них</i>
Соблюдение заданных стандартов и нормативов, исполнение плана	94
Предупреждение нарушений стандартов, отклонений, ущерба	14

Таблица 3

Распределение критериев по основанию «уровень эффективности»

Наименование кластеров критериев	Соотношение критериев по основанию «уровень эффективности»		
	Экономический	Организационный	Деятельностный
Стратегия изменения	0,35	0,4	0,25
Стратегия поддержания	0,1	0,3	0,6

ального обеспечения деятельности респондентов как самостоятельные группы. Лишь в незначительной части предложенных респондентами критериев учитывается соотношение полученного результата и затраченных усилий. Таким образом, мы констатируем факт того, что респонденты подменяют при оценке эффективности деятельности собственно критерии эффективности критериями, описывающими результат или процесс деятельности. Безусловно, такая подмена не может не сказаться на качестве профессиональной деятельности руководителей, которая перестает в таком случае быть предметом анализа и совершенствования со стороны самого субъекта. С нашей точки зрения, подобная практика подмены указывает на проблему недостаточной профессиональной компетентности руководителей современных предприятий.

В результатах исследования не нашла своего однозначного подтверждения гипотеза о доминировании критериев оценки деятельности, направленной на поддержание существующей стратегии организации, над критериями оценки деятельности, направленной на процесс организационных изменений. Это косвенным образом свидетельствует о том, что руководители среднего звена в большей степени включены в процессы инновационных организационных изменений, чем фиксировалось в наших предыдущих исследованиях [1, 16]. Результаты исследования также указывают на тенденцию руководителей опираться при

оценке профессиональной деятельности чаще на экономические и организационные показатели, чем на деятельностные. Заслуживает особого внимания и дальнейшего исследования тот факт, что при ориентации на стратегию поддержания респонденты чаще используют деятельностные показатели, чем при ориентации на стратегию изменения. Если принять во внимание, что первые в большей степени описывают процесс, а вторые результат, то предметом дальнейшей дискуссии может являться вопрос о том, в какой степени сформировано у руководителей представление о результате собственнойправленческой деятельности.

Перспектива исследований. Безусловно, полученные результаты лишь в первом приближении очерчивают поле дальнейших исследований. Заметим, однако, что исследования специфики профессионального опыта руководителей с разным стажем работы и динамики становления их опыта на основе исследования субъективных предпочтений критериев позволяют сфокусировать внимание на деятельности как на источнике формирования опыта и его следствии. В эпоху экономики знаний особенно важными являются вопросы как интериоризации организационного знания в персональную систему знаний работника, так и те аспекты персонального знания, что обеспечивают качество профессиональной деятельности, влияют на ее эффективность. Эти исследования, с нашей точки зрения, в силу социально-экономической значимости задач, на решение которых они направлены, должны носить комплексный междисциплинарный характер и иметь широкую практическую направленность.

-
1. Исмагилова Ф. С., Миролюбова Г. С. Психологические аспекты выбора инновационной стратегии на уральских производственных предприятиях // Психолог. вестн. Урал. гос. ун-та. Вып. 7 / М-во образования РФ, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького и др. Екатеринбург, 2009. С. 3–20.
 2. Стрелков Ю. К. Структуры профессионального опыта // Д. А. Ошанин и современная психология: к 100-летию со дня рождения Д. А. Ошанина / под общ. ред. В. И. Панова и Н. Л. Мориной. М., 2008. С. 187–209.
 3. Fletcher C. Performance appraisal: assessing and development performance. In N. Chmiel (ed.), An introduction to work and organizational psychology: a Europe perspective. 2008. Blackwell Publishing Ltd., 76–96.
 4. Keith A. Moreland, Madhukar Angur, The Importance of Work Experience to Accountants' Professional Development // The Journal of American Academy of Business, Cambridge, 2006. Vol. 9, Num. 2, Sept.
 5. www.businessdictionary.com/definition

Рукопись поступила в редакцию 19 марта 2012 г.

УДК 37.011.31-051 + 316.454.52

**А. М. Вильгельм
Г. А. Глотова**

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПЕДАГОГОВ О КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ УЧИТЕЛЯ

Рассматриваются особенности идентификации педагогами разного возраста и с разным стажем педагогической деятельности своего поведения в сложных педагогических ситуациях с поведением «идеального» или «реального» учителя. Дан сравнительный анализ представлений педагогов и психологов о соотношении компетенций, качеств, умений, необходимых для эффективного педагогического общения, с такими уровнями коммуникативной культуры учителя, как коммуникативная грамотность, коммуникативная компетентность и коммуникативная креативность.

Ключевые слова: коммуникативная культура учителя, представления об «идеальном» и «реальном» учителе, уровни коммуникативной культуры.

Эффективность педагогической деятельности в значительной степени определяется уровнем коммуникативной культуры учителя, поскольку его повседневная профессиональная жизнь чревата возникновением разнообразных конфликтных ситуаций, требующих грамотного анализа и адекватного разрешения. Именно поэтому изучению коммуникативной культуры педагога посвящено значительное число исследований [1, 2, 7–9]. *Коммуникативная культура* педагога понимается нами как сложное интегральное образование, включающее в себя три уровня: коммуникативную грамотность (низкий уровень), коммуникативную компетентность (средний уровень) и коммуникативную креативность (высокий уровень). Более подробное описание этих уровней будет приведено ниже. При этом следует отметить, что на поведение учителя в конфликтной ситуации могут оказывать влияние сложившиеся у него представления о том, какие способы поведения свидетельствуют о высоком уровне профессионализма педагога, а какие — нет.

С целью изучения представлений педагогов о коммуникативной культуре учителя на факультете психологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького А. М. Вильгельм совместно с Г. А. Глотовой был разработан ряд исследовательских методик: «Анализ педагогических ситуаций», «Оценка коммуникативных качеств педагога» и др.

Выполняя задания методики «Анализ педагогических ситуаций», педагоги характеризовали поведение «идеального» и «реального» учителей в десяти сложных педагогических ситуациях. Полученные результаты описаны в наших предыдущих публикациях [4–6]. Наряду с этим педагогам предлагалось отметить, как в каждой из подобных ситуаций повели бы себя лично они, т. е. нас интересовал вопрос, с кем педагоги разного возраста и стажа педагогической деятельности склонны себя идентифицировать.

Всего в исследовании приняли участие 196 педагогов, которые в зависимости от стажа были разбиты на четыре группы (средние интервалы в группах

с разным стажем 5–7 лет, 10–15 лет, 20–25 лет, 30 лет), а по *возрасту* — на шесть групп: до 30 лет, 31–35 лет, 36–40 лет, 41–45 лет, 46–50 лет, старше 50 лет. Относительно каждой педагогической ситуации определялась достоверность различий по критерию ϕ^* — углового преобразования Фишера между числом педагогов, идентифицировавших себя с «идеальным» учителем, и числом педагогов, идентифицировавших себя с «реальным» учителем. Из 196 человек, участвовавших в исследовании, за 100 % для каждой из десяти педагогических ситуаций принималось количество респондентов, осуществивших идентификацию себя с «идеальным» или «реальным» учителем, а также указавших свой стаж педагогической деятельности и возраст.

Начиная анализ полученных результатов, отметим прежде всего, что в целом по выборке ($N = 196$) по сумме всех десяти ситуаций педагоги значительно чаще идентифицируют свое поведение с поведением «идеального» учителя, чем «реального», на высоком уровне статистической достоверности ($p \leq 0,01$): процент идентификаций с «идеальным» учителем варьирует от 77,5 до 61,9 %.

Какие же особенности демонстрируют при этом педагоги с разным *стажем педагогической деятельности*, идентифицируя свое поведение с поведением «идеального» или «реального» учителя в каждой из десяти ситуаций (в данной статье используется та же нумерация педагогических ситуаций, что и в ранее опубликованных нами работах [4–6])?

Полученные результаты показали, что в четырех ситуациях из десяти достоверно большее число педагогов из всех четырех групп, различающихся по стажу педагогической деятельности, идентифицировали свое поведение с поведением «идеального», а не «реального» учителя при $p = 0,01$. Это относится к ситуациям: № 1 («*При выведении химической формулы учитель допустил ошибку. Ученик указал на нее. Учитель обеспокоен тем, что о нем подумают ученики*»); № 2 («*Во время урока один из учеников задает учителю сложный вопрос. Ответ на него выходит за рамки компетентности учителя. Он не может дать на него правильный ответ*»); № 6 («*Урок истории в пятом классе. Учитель излагает материал. Один из учеников, увлекающийся данным предметом и читающий дополнительную литературу, задает вопрос: “Я не согласен с вами. В какой книге вы это прочитали?”*»); № 9 («*Учитель начитает урок, но как только он отворачивается к доске, в классе возникает шум. Поворачивается — все нормально. И так несколько раз*»).

Еще в двух ситуациях также достоверно большее число педагогов из всех четырех групп, различающихся по стажу педагогической деятельности, идентифицировали свое поведение с поведением «идеального» учителя, а не «реального», но достоверные различия были отмечены не только на уровне $p \leq 0,01$, но и на более низком уровне — $p \leq 0,05$. Так, в ситуации № 3 («*В девятом классе запланирован поход в театр. И тут в дверях образовалась пробка. Уставший после длительного рабочего дня классный руководитель сорвался на крик: “Вы что, с ума сошли?! Никаких театров! Вернитесь и дневники на стол!” Как выйти из этой ситуации?*») в группах с разным стажем — первой (средний интервал по группе 5–7 лет), второй (10–15 лет) и четвертой (30 лет) — число педагогов, идентифицирующих свое поведение с поведением «идеального» учи-

теля, достоверно отличается от числа педагогов, идентифицирующих свое поведение с поведением «реального учителя» при $p \leq 0,01$. В третьей группе (20–25 лет) различия также достоверны, но при $p \leq 0,05$. Аналогичным образом в ситуации № 7 (*«Учитель пишет на доске. В это время тишину нарушает шум падающей книги. Учитель говорит тому, кто ее уронил: “Еще раз — и ты выйдешь из класса”. Оценив ситуацию, уже другой ученик специально бросает книгу»*) в первой (5–7 лет), второй (10–15 лет) и третьей (20–25 лет) группах, различающихся по стажу педагогической деятельности, достоверно большее число педагогов идентифицировали себя с «идеальным» учителем при $p \leq 0,01$, а в четвертой группе с наибольшим стажем (30 лет) различия также достоверны, но при $p = 0,05$.

Анализ показывает, что рассмотренные выше шесть ситуаций, видимо, являются для педагогов с любым стажем педагогической деятельности достаточно определенными, с явно просматривающимися социально желательными способами поведения, поэтому статистически достоверно большее их число идентифицирует свое поведение в этих ситуациях с поведением «идеального» учителя, ориентируясь на то, что считается «должным» для профессионального педагога в обыденном сознании.

В четырех оставшихся ситуациях процент идентификаций с «идеальным» учителем также выше, чем с «реальным», однако в ряде случаев в группах с различным стажем педагогической деятельности такое превышение не является статистически достоверным. В частности, в ситуации № 5 (*«Учитель вызывает ученика к доске. Ученик затрудняется с ответом. В это время его товарищ пытается ему подсказать. Реакция учителя на действия “подсказчика”?»*) бросается в глаза большее разнообразие идентификаций педагогами с разным стажем своего поведения с поведением «идеального» или «реального» учителя. Так, в группах, занимающих промежуточное положение по продолжительности стажа работы, — второй (10–15 лет) и третьей (20–25 лет) — достоверно большее число педагогов идентифицировали себя в данной ситуации с «идеальным» учителем при $p \leq 0,01$, причем во второй группе таких оказалось 80,6 %. В первой группе с наименьшим стажем (5–7 лет) различия также достоверны, но при $p \leq 0,05$. В то же время в группе с самым длительным стажем педагогической деятельности (30 лет) достоверных различий не получено, хотя процент идентифицировавших себя с «идеальным» учителем составил 61,5 %. В ситуации № 8 (*«Урок математики. Учитель пытается написать на доске формулу, но мел не пишет. Он догадывается, что кто-то испачкал доску воском»*) в первой (5–7 лет), третьей (20–25 лет) и четвертой (30 лет) группах, различающихся по стажу, достоверно большее число педагогов идентифицировали себя с «идеальным» учителем при $p \leq 0,01$. Во второй группе (10–15 лет) достоверных различий не выявлено, хотя имеется все же превышение на 6,2 % числа идентификаций с «идеальным» учителем по сравнению с «реальным». В ситуации № 10 (*«Учитель ведет урок. На очередной вопрос учителя к классу один из учеников отвечает в очередной раз едкой шуткой. В классе раздается дружный смех. За этим учеником среди учителей прочно закрепилась репутация “шута”»*) также отсутствует единообразие идентификаций: в третьей (20–25 лет)

и четвертой (30 лет) группах достоверно большее число педагогов идентифицировали себя с «идеальным» учителем при $p \leq 0,01$; в группе с наименьшим стажем (5–7 лет) различия также достоверны, но при $p \leq 0,05$; в то же время во второй группе (10–15 лет) достоверных различий на получено, хотя процент идентифицировавших себя с «идеальным» учителем составил 59,4 %. Наконец, в ситуации № 4 (*«Отзвенел звонок. Коридор опустел. Но вот появляется запыхавшийся ученик. Оглянулся и шмыгнул в класс. За ним еще двое рвутся в класс. И так повторяется не первый день...»*) только в четвертой группе, где самый большой стаж педагогической деятельности — 30 лет, педагоги проявили очень высокий уровень идентификации своего поведения с поведением «идеального» учителя (94,1 %), различия достоверны при $p \leq 0,01$. В трех оставшихся группах, где стаж работы меньше, различия недостоверны, хотя и там имеет место некоторое превышение процента идентификаций с «идеальным» учителем в сравнении с процентом идентификаций с «реальным» учителем.

В целом полученные результаты показывают, что из 40 возможных идентификаций (десять ситуаций х на четыре группы педагогов с разным стажем) в 30 получены достоверные различия при $p = 0,01$, т. е. с высокой достоверностью педагоги идентифицируют свое поведение с поведением «идеального» учителя. Еще в четырех случаях идентификация с «идеальным» учителем отмечена при $p \leq 0,05$. В шести оставшихся случаях, хотя также преобладали идентификации с «идеальным» учителем, различия оказались недостоверными.

Сравнив между собой четыре группы педагогов, имеющих разный стаж педагогической деятельности, остановимся на анализе специфики идентификаций в каждой из этих четырех групп в отдельности. Так, в *первой* группе с наименьшим стажем (средний интервал по группе 5–7 лет) в семи педагогических ситуациях из десяти педагоги достоверно чаще ($p = 0,01$) идентифицируют свое поведение с поведением «идеального» учителя, в двух ситуациях аналогичная идентификация имеет место при $p = 0,05$, т. е. в девяти случаях различия достоверны и лишь в одном различия идентификаций оказались недостоверными. Во *второй* группе (10–15 лет) идентификации с «идеальным» учителем преобладали при $p \leq 0,01$ в семи педагогических ситуациях из десяти, а в трех ситуациях различия были недостоверны, т. е. здесь несколько чаще, чем других группах, встречаются идентификации своего поведения с поведением «реального» учителя. В *третьей* (20–25 лет), а также в *четвертой* (30 лет) группах в восьми педагогических ситуациях из десяти педагоги достоверно чаще идентифицируют свое поведение с поведением «идеального» учителя при $p \leq 0,01$, еще в одной ситуации аналогичная идентификация имеет место при $p \leq 0,05$, т. е., как и в первой группе, в девяти случаях различия достоверны, и лишь в одной ситуации различия идентификаций оказались недостоверными.

Если рассмотреть по десяти ситуациям уровень идентификаций с «идеальным» учителем в каждой из четырех различающихся по стажу групп, взяв две градации: более 70,0 %, с одной стороны, и 70,0 % и менее, с другой стороны, то можно отметить следующую тенденцию: число идентификаций с «идеальным» учителем, составляющих более 70,0 %, увеличивается от первой группы (с наименьшим стажем 5–7 лет) к четвертой (с наибольшим стажем 30 лет): в первой

группе таких идентификаций 3, во второй — 4, в третьей — 6, в четвертой — 8. Соответственно число идентификаций в 70,0 % и менее снижается от первой группы (5–7 лет) к четвертой (30 лет): таких идентификаций в первой группе из десяти возможных 7, во второй группе — 6, в третьей — 4, в четвертой — 2.

Процент идентификаций своего поведения с поведением «идеального» учителя по сумме всех десяти педагогических ситуаций в четвертой группе (с наибольшим стажем 30 лет) достоверно выше, чем в первой (5–7 лет) ($\phi^*_{эмп.} = 8,116$; $p = 0,01$), во второй (10–15 лет) ($\phi^*_{эмп.} = 8,208$; $p \leq 0,01$) и в третьей группах (20–25 лет) ($\phi^*_{эмп.} = 6,767$; $p \leq 0,01$) (по критерию ϕ^* — углового преобразования Фишера), тогда как между первой и второй, первой и третьей, второй и третьей группами достоверных различий в этом случае не выявлено.

Таким образом, общая картина идентификаций в группах с разным стажем педагогической деятельности такова: 1) во всех четырех группах для всех десяти предлагавшихся педагогических ситуаций процент идентификаций педагогами своего поведения с поведением «идеального» учителя выше процента идентификаций с поведением «реального» учителя; 2) по мере увеличения стажа работы процент идентификаций своего поведения с поведением «идеального» учителя систематически возрастает; 3) наибольший процент идентификаций своего поведения с поведением «идеального» учителя наиболее высокий в группе с самым большим стажем педагогической деятельности.

Наряду со стажем нами рассматривалась *возрастная динамика* идентификаций педагогами своего поведения с поведением «идеального» или «реального» учителя. Как и в случае со стажем, за 100 % для каждой из десяти педагогических ситуаций из 196 человек принималось количество респондентов, выполнивших задание на идентификацию себя с «идеальным» или «реальным» учителем и указавших свой возраст. Достоверность различий оценивалась по критерию ϕ^* — углового преобразования Фишера.

Полученные данные показывают, что процент идентификаций с «идеальным» учителем статистически достоверно изменяется от одной возрастной группы к другой: от первой группы (до 30 лет) ко второй (31–35 лет) происходит снижение процента идентификаций с 73,7 до 66,1 ($\phi^* = 3,560$; $p = 0,01$); затем от второй группы (31–35 лет) к третьей (36–40 лет) отмечается рост процента идентификаций с 66,1 до 79,6 ($\phi^* = 6,556$; $p \leq 0,01$), от третьей группы (36–40 лет) к четвертой (41–45 лет) — повторное снижение процента идентификаций с 79,6 до 64,5 ($\phi^* = 7,277$; $p \leq 0,01$), от четвертой группы (41–45 лет) к пятой (46–50 лет) вновь повышение процента с 64,5 до 73,0 ($\phi^* = 3,941$; $p \leq 0,01$), наконец, от пятой группы (46–50 лет) к шестой (старше 50 лет) продолжается достоверный рост процента идентификаций с 73,0 до 80,3 ($\phi^* = 3,711$; $p = 0,01$).

Как можно видеть из приведенных данных, в первой (до 30 лет), третьей (36–40 лет), пятой (46–50 лет) и шестой (старше 50 лет) группах процент идентификаций педагогами своего поведения с поведением «идеального» учителя по сумме всех десяти педагогических ситуаций достоверно выше, чем во второй (31–35 лет) и четвертой (41–45 лет) группах. Можно предположить, что вторая и четвертая возрастные группы педагогов находятся в менее благоприятной психологической ситуации, чем остальные группы, а потому более

критичны к себе и менее склонны демонстрировать социально желательные ответы. Именно в этих двух группах отмечены относительно низкие проценты идентификаций с «идеальным» учителем: во второй группе (31–35 лет) для педагогической ситуации № 4 (*«Отзвенел звонок. Коридор опустел. Но вот появляется запыхавшийся ученик. Оглянулся и шмыгнул в класс. За ним еще двое рвутся в класс. И так повторяется не первый день...»*) процент идентификаций составил 50,0, а в четвертой группе (41–45 лет) для той же ситуации этот процент составил 46,4, т. е. в целом из 60 зафиксированных в разных возрастных группах идентификаций (десять ситуаций х шесть возрастных групп) всего одна оказалась менее 50,0, а одна равна 50,0.

Если сопоставить возрастные группы по соотношению процентов идентификаций с «идеальным» учителем, с одной стороны, больших 70,0 %, а с другой стороны, меньших или равняющихся 70,0 %, то получается следующая картина: в первой группе идентификации более 70 % (из десяти ситуаций) встретились 7 раз, во второй группе – 3 раза, в третьей группе – 9 раз, в четвертой группе – 3 раза, в пятой группе – 6 раз, в шестой группе – 9 раз. Как можно видеть, и в этом случае вторая и четвертая группы показали наименьшее число выраженных идентификаций (более 70,0 %) своего поведения с поведением «идеального» учителя (всего по три случая из десяти возможных). Наибольшее же число таких идентификаций (по 9 из 10 возможных) показали третья (36–40 лет) и шестая (более 50 лет) возрастные группы. Это еще раз указывает на специфическую психологическую ситуацию, в которой находятся педагоги второй (31–35 лет) и четвертой (41–45 лет) возрастных групп.

Шесть анализируемых возрастных групп достаточно явно подразделяются на пары, характеризующиеся близкими особенностями идентификации педагогами своего поведения с поведением «идеального» учителя. *Первая пара* – это группы третья (36–40 лет) и шестая (старше 50 лет), показывающие наиболее высокий уровень идентификации своего поведения с поведением «идеального» учителя (различия между этими группами недостоверны). *Вторая пара* – это группы вторая (31–35 лет) и четвертая (41–45 лет), показывающие наиболее низкий уровень идентификации своего поведения с поведением «идеального» учителя (различия между этими группами недостоверны). *Третья пара* – это группы первая (до 30 лет) и пятая (46–50 лет), показывающие промежуточный между первой и второй парами уровень идентификации своего поведения с поведением «идеального» учителя (различия между этими группами также недостоверны). Сказанное не означает, что внутри этих пар, выделившихся по сумме всех десяти педагогических ситуаций, нет различий по отдельным ситуациям, в частности, внутри выделенных пар возрастные различия могут проявляться в том, в каких именно ситуациях у педагогов того или иного возраста отмечается тенденция в большей мере идентифицировать свое поведение с поведением «идеального» учителя. Проведенный анализ, позволивший охарактеризовать возрастную динамику показателей идентификации педагогами своего поведения с поведением «идеального» учителя, дает нам представление и о возрастной динамике идентификаций педагогами своего поведения с поведением «реального» учителя, которая является обратной, поскольку в каждой группе и

в каждой ситуации сумма идентификаций с поведением «идеального» учителя и с поведением «реального» учителя была равна 100 %.

Наряду с исследованием вопроса об идентификациях нами были изучены также представления педагогов о компетенциях, качествах, умениях, необходимых для эффективного педагогического общения. Такие представления изучались с помощью методики «Оценка коммуникативных качеств педагога». Испытуемым был предложен список, состоящий из 25 качеств, необходимых педагогу для эффективного общения, который был получен нами в ходе трех групповых дискуссий с учителями школ Екатеринбурга на предварительном этапе исследования. Предложенные качества испытуемые должны были соотнести с выделяемыми нами уровнями коммуникативной культуры учителя, а именно коммуникативной грамотностью (низкий уровень), коммуникативной компетентностью (средний уровень) и коммуникативной креативностью (высокий уровень) [3, 7].

Коммуникативная грамотность предполагает наличие у педагога качеств и способов поведения, позволяющих ему эффективно действовать в стандартных, стереотипных ситуациях профессионального педагогического общения. *Коммуникативная компетентность* подразумевает относительно свободное взаимодействие в достаточно сложных, нестандартных педагогических ситуациях, наличие умений и навыков управления общением. Уровень *коммуникативной креативности* представляет собой набор качеств и способов поведения, позволяющих справляться с экстраординарными профессиональными педагогическими ситуациями. Данный уровень подразумевает наличие у педагога рефлексивных механизмов, развитого самосознания, а также обращение к ценностно-смысловому аспекту педагогической деятельности. Важно отметить, что каждый последующий уровень включает в себя предыдущий (например, уровень коммуникативной креативности включает в себя и коммуникативную грамотность, и коммуникативную компетентность).

На данном этапе исследования в нем приняли участие 27 учителей. Группу сравнения составили 24 психолога. Для оценки достоверности различий между группами педагогов и психологов был использован критерий ϕ^* – углового преобразования Фишера.

Начнем с того, что достаточное единодушие (различия недостоверны) педагоги и психологи проявили относительно таких четырех качеств, отнесенных в обеих группах преимущественно к уровню *коммуникативной креативности*, как «рефлексия» (70,83 % у психологов и 62,96 % у педагогов), «стремление к самосовершенствованию» (соответственно 58,33 и 62,96 %), «саморегуляция» (58,33 и 44,44 %), «умение управлять эмоциональным состоянием» (50,00 и 40,79 %).

Еще два качества были отнесены в обеих группах (различия недостоверны) преимущественно к уровню *коммуникативной компетентности*: «диагностика коллектива» (58,83 % у психологов и 59,26 % у педагогов) и «концентрированность на положительном в ученике» (соответственно 37,50 и 51,85 %, правда, еще 33,33 % психологов отнесли это к коммуникативной грамотности против 18,52 % у педагогов).

Для 14 компетенций, качеств, умений с учетом трех сравниваемых уровней (коммуникативная грамотность, коммуникативная компетентность и коммуникативная креативность) было выявлено 24 достоверных различия между группами педагогов и психологов. В частности, при категоризации двух качеств («умение слушать» и «владение вербальными средствами общения») выявлены достоверные различия ($p \leq 0,01$) между группами педагогов и психологов на каждом из трех уровней коммуникативной культуры. Так, большинство (79,17 %) психологов отнесли «умение слушать» к уровню коммуникативной грамотности (против 33,33 % у педагогов), а большинство педагогов (55,56 %) отнесли «умение слушать» к уровню коммуникативной компетентности (у психологов — 20,83 %). Более того, если среди психологов не было тех, кто отнес бы «умение слушать» к уровню коммуникативной креативности, то среди педагогов таких было 11,11 %. Сходная картина и с «владением вербальными средствами общения»: психологи (70,83 %) достоверно чаще, чем педагоги (14,81 %), склонны относить его к уровню коммуникативной грамотности ($p \leq 0,01$), тогда как педагоги (59,26 %) достоверно чаще, чем психологи (25,00 %), относят его к уровню коммуникативной компетентности ($p \leq 0,01$). Опять же среди педагогов 25,93 % «владение вербальными средствами общения» отнесли к уровню коммуникативной креативности, тогда как среди психологов таких лишь 4,17 % ($p = 0,05$).

Как можно видеть из приведенных данных, психологи демонстрируют большую жесткость в оценках профессионально важных компетенций, качеств и умений, чем педагоги, считая в подавляющем большинстве случаев, что «умение слушать» и «владение вербальными средствами общения» — это показатели лишь коммуникативной грамотности педагога, без чего он вряд ли вообще может быть профессиональным педагогом.

Такая большая жесткость оценок показателей коммуникативной культуры психологами отмечена также еще относительно шести показателей, для которых выявлено по два достоверных различия между группами. «Умение вести диалог» 79,17 % психологов отнесли к уровню коммуникативной грамотности (против 29,63 % у педагогов, $p \leq 0,01$), тогда как 51,85 % педагогов отнесли это умение к уровню коммуникативной компетентности (против 12,50 % у психологов, $p = 0,01$); «умение ставить и достигать цели» 45,83 % психологов отнесли к уровню коммуникативной грамотности (против 7,41 % у педагогов, $p \leq 0,01$), а 55,56 % педагогов — к уровню коммуникативной компетентности (против 25,00 % у психологов, $p = 0,05$); «владение неверbalными средствами общения» 45,83 % психологов отнесли к уровню коммуникативной грамотности (против 14,81 % у педагогов, $p \leq 0,01$), а 55,56 % педагогов — к уровню коммуникативной креативности (против 12,50 % у психологов, $p = 0,01$); «умение быть терпеливым» 45,83 % психологов отнесли к уровню коммуникативной грамотности (против 22,22 % у педагогов, $p \leq 0,05$), а 37,04 % педагогов — к уровню коммуникативной креативности (против 8,33 % у психологов, $p = 0,01$); «умение заинтересовать, замотивировать ученика» 45,83 % психологов отнесли к уровню коммуникативной грамотности (против 22,22 % у педагогов, $p \leq 0,05$), а 48,15 % педагогов — к уровню коммуникативной креативности (против 8,33 %

у психологов, $p = 0,01$); «умение эмоционально разрядить обстановку» 66,67 % психологов отнесли к уровню коммуникативной компетентности (против 29,63 % у педагогов, $p \leq 0,01$), а 48,15 % педагогов — к уровню коммуникативной креативности (против 25,00 % у психологов, $p = 0,05$).

По шести показателям получено по одному достоверному различию между группами педагогов и психологов (отметим, что это могут быть не преобладающие проценты по тому или иному качеству). Так, выявлены достоверные различия на уровне *коммуникативной креативности* по показателям «адекватное поведение в конфликте» (48,15 % у педагогов против 20,83 % у психологов ($p = 0,05$), 41,67 % которых считают это проявлением коммуникативной грамотности); «эмоциональность» (48,15 % у педагогов против 20,83 % у психологов ($p = 0,05$), 41,67 % которых считают это проявлением коммуникативной компетентности); «диагностика ученика» (40,74 % у педагогов против 16,67 % у психологов ($p \leq 0,01$), по 41,67 % которых отнесли это к проявлениям либо коммуникативной грамотности, либо коммуникативной компетентности).

На уровне *коммуникативной грамотности* достоверные различия выявлены по показателям «самоконтроль» (29,17 % у психологов против 7,41 % у педагогов, $p \leq 0,05$; при этом 33,33 % психологов и 48,15 % педагогов отнесли данное качество к уровню коммуникативной креативности, различия недостоверны); «умение сплачивать коллектив» (25,00 % у психологов против 7,41 % у педагогов, $p \leq 0,05$; при этом 58,33 % психологов и 59,26 % педагогов отнесли данное качество к уровню коммуникативной компетентности, различия недостоверны). Наконец, еще одно достоверное различие выявлено на уровне коммуникативной компетентности по показателю «умение быстро реагировать на меняющуюся ситуацию» (50,00 % у психологов против 22,22 % у педагогов, $p \leq 0,05$; при этом 41,67 % психологов и 62,96 % педагогов отнесли данное качество к уровню коммуникативной креативности, различия недостоверны). Как видно из приводимых данных, большую жесткость психологи в сравнении с педагогами проявляют в плане отнесения тех или иных качеств к уровню коммуникативной креативности.

Еще по пяти качествам различия между группами психологов и педагогов недостоверны, причем численно наибольшие проценты отмечены в группах на разных уровнях коммуникативной культуры. Так, «гибкость» 54,17 % психологов отнесли к уровню коммуникативной креативности, а 44,44 % педагогов — к уровню коммуникативной компетентности; напротив, «эмпатию» 41,67 % психологов отнесли к уровню коммуникативной компетентности, а 44,44 % педагогов — к уровню коммуникативной креативности; «умение поставить себя на место другого» 41,67 % психологов отнесли к уровню коммуникативной компетентности, а 40,74 % педагогов — к уровню коммуникативной креативности; «умение вести дискуссию» 50,00 % психологов отнесли к уровню коммуникативной грамотности, а 51,85 % педагогов — к уровню коммуникативной компетентности; наконец, «умение анализировать» 37,50 % психологов отнесли к уровням коммуникативной грамотности и коммуникативной компетентности, а 48,15 % педагогов — к уровню коммуникативной компетентности.

Если суммировать качества, отнесенные более чем 40,00 % педагогов и психологов к каждому из трех уровней — коммуникативной грамотности, коммуникативной компетентности и коммуникативной креативности, то получится следующая картина. У педагогов в этом случае 0 качеств отнесено к уровню коммуникативной грамотности (у психологов — 10), 13 качеств отнесено к уровню коммуникативной компетентности (у психологов — 12), 15 качеств отнесено к уровню коммуникативной креативности (у психологов — 6).

Таким образом, как показало наше исследование, педагоги и психологи пользуются разными субъективными оценочными шкалами, причем психологи во многих случаях оценивают предложенные 25 компетенций, качеств, умений более жестко, предъявляя к профессии педагога более высокие требования. Это может быть обусловлено, с одной стороны, их более обширными знаниями по психологии личности, по возрастной и педагогической психологии и иным разделам психологической науки, а с другой стороны, меньшим опытом собственной педагогической деятельности, не позволяющим в ряде случаев оценить реальную сложность тех проблем, с которыми приходится иметь дело школьному учителю. Для педагогов же в целом оказалась характерна большая мягкость оценок при отнесении предложенных профессионально важных компетенций, качеств, умений к разным уровням коммуникативной культуры, обусловленная как их большим опытом педагогической деятельности, так и возможной идентификацией собственных качеств с социально желательным образом профессионального педагога.

-
1. Андреев В. И. Основы педагогической конфликтологии. М., 1995.
 2. Аухадеева Л. А. Коммуникативная культура будущего учителя как объект системного исследования. Казань, 2006.
 3. Вильгельм А. М. Коммуникативная культура учителя как субъекта педагогической деятельности // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 2 (75). С. 16–23.
 4. Вильгельм А. М. Экспертная оценка коммуникативной культуры педагога // Там же. № 4 (81). С. 74–82.
 5. Вильгельм А. М., Глотова Г. А. Исследование представлений педагогов о коммуникативной культуре учителя // Психол. вестн. Урал. гос. ун-та. Вып. 7. Екатеринбург, 2009. С. 309–335.
 6. Вильгельм А. М., Глотова Г. А. Представления учителей о профессиональной культуре педагога // Психология образования: психологическое обеспечение «Новой школы» : материалы V Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 27–29 янв. 2010 г. / Общерос. обществ. орг. «Федерация психологов образования России». М., 2010. С. 199–200.
 7. Глотова Г. А. Социоцентрический подход в педагогической психологии // Психолог. вестн. Урал. гос. ун-та. Екатеринбург, 2002. Вып. 3. С. 213–224.
 8. Грехнев В. С. Культура педагогического общения : кн. для учителей. М., 1990.
 9. Рыданова И. И. Основы педагогики общения. М., 1998.

УДК 124.51 + 37.017 + 27-472

Л. Г. Попова
М. В. Разина

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У ВОЦЕРКОВЛЕННЫХ (ПРАВОСЛАВНЫХ) ПОДРОСТКОВ

В статье рассматриваются проблемы исследования духовно-нравственной сферы детей на примере выборки воцерковленных подростков 15–16 лет. Результаты психоdiagностической работы, проведенной с помощью методики «Ценностные ориентации» Милтона Рокича, анализируются авторами с точки зрения соответствия этих результатов содержанию христианских (православных) догматов.

Ключевые слова: воспитание, религия, воцерковление, православие, подросток, ценностные ориентации, духовно-нравственная сфера, доктат.

Становление современных российских подростков проходит в крайне нестабильной социальной, экономической, экологической и психологической обстановке, в принципиально изменившейся нравственной атмосфере, когда ниспровергнуты все прежние идеалы, ценности и авторитеты. В связи с этим представляется актуальным обратиться к исследованию традиционного для нашей страны религиозного подхода к формированию духовности и нравственности. В данной работе мы остановимся на православном варианте системы воспитания, так как, согласно социологическим исследованиям, большая часть верующих в нашей стране исповедуют православие.

С точки зрения ортодоксальной православной образовательно-воспитательной парадигмы раскрыть в себе образ Божий и добиться освобождения от греховности христианину следует, почитая Творца как учителя и ориентируясь на Христа как на идеал, подлежащий воплощению в земной жизни. Цель жизни православного человека, его духовного единения с Богом достигается через воцерковление, понимаемое как одухотворение, преображение жизни силой Святого Духа. «Воцерковленный» — церковный термин, который используется в практике Русской православной церкви, в ряде других религиозных организаций и довольно известен общественности. Он имеет два значения: одно — терминологически точное обозначение определенного обряда, другое — переносное, связанное с особенностями современной церковной жизни [3].

Формально воцерковлением считается постепенное введение в основы веры и благочестия (катехизация) человека, собирающегося принять «тайство крещения» (а иногда уже крещеного). Воцерковленным считается тот, кто регулярно причащается и регулярно посещает службы; обычно он поддерживает также социальные отношения в пределах своей церковной общины. Воцерковить — значит научить мыслить по-христиански и жить по-христиански, обращаться за руководством прежде всего к учению церкви, исполнять заповеди, посещать храм, соблюдать церковные обряды, молиться, иными словами, соблюдать все правила жизни воцерковленного человека.

Анализируя различные источники, посвященные особенностям стиля воспитания в воцерковленной семье, следует отметить, что в современных психолого-педагогических исследованиях его определяют как авторитетно-рассудительный. Это стиль, при котором родители предоставляют ребенку свободу действий, чтобы он путем проб и ошибок приобретал личный опыт и формировался как добросовестная, общительная и ответственная личность.

С каждым годом в России увеличивается количество разнообразных конфессионально ориентированных образовательных учреждений: от воскресных школ, функционирующих при приходах различных религиозных организаций, до негосударственных средних общеобразовательных конфессиональных школ и высших духовных учебных заведений. Это также является фактором, гарантирующим стабильность религиозной системы воспитания, создающим возможность продолжать воспитание и обучение воцерковленного ребенка в привычной для него системе мировоззренческих координат, но в то же время prolongирующими ситуацию определенной изоляции от внешнего мира.

Подростковый и юношеский возраст обычно называют переломным, переходным, критическим. Именно в этот период подросток по-новому начинает оценивать себя, родителей, сверстников и в целом свое окружение.

Безусловно, подростки, воспитывающиеся в церковной среде, отличаются от своих невоцерковленных сверстников, однако психофизиологические особенности возраста, характеризующегося чрезвычайно быстрыми изменениями, не зависят от духовно-нравственной направленности личности.

Большое влияние на подростка оказывает общение со сверстниками. Оно становится острой необходимостью. С одной стороны, общение служит удовлетворению потребностей подростка в интересующей его информации, с другой стороны, способствует формированию нормативного поведения в группе. У подростков начинают появляться определенные требования к дружеским отношениям — чуткость, отзывчивость, умение хранить тайну, понимать, сопререживать. Дружба и служение ей становится одной из значимых ценностей. Через дружбу растущая личность усваивает такие формы взаимодействия людей, как сотрудничество, взаимопомощь, взаимовыручка, риск ради другого человека. В отрочестве подросток начинает понимать, как глубоко может ранить измена, которая выражается в разглашении секретов.

Чаще всего подросток ищет близких дружеских связей, основанных на эмоциональной привязанности и общности интересов. В подростковом возрасте уменьшается актуальность отношений со взрослыми людьми, в том числе и с родителями. В большинстве случаев это связано с нежеланием, неготовностью родителей понять и принять стремление детей к взрослости, самостоятельности.

Подростковый и юношеский возраст — один из главных этапов в процессе становления эмоционально-волевой регуляции человека. Переживания подростка становятся глубже, появляются стойкие чувства. Явления социальной действительности являются небезразличными для него и порождают различные эмоции. Он легко возбуждается, может резко менять свое настроение.

Понимание вышеописанных сложных проявлений в поведении подростков есть и в среде православных священников. К примеру, преподаватели воскрес-

ных школ при приходах Екатеринбурга, с которыми мы беседовали на этапе поисковой работы, рассказывали о том, что по достижении подросткового возраста многие дети уходят из воскресных школ и в целом из церкви. Эта тенденция проявляется даже на детях священнослужителей. Родители, священники и православные педагоги стараются относиться к этому снисходительно, понимая, что данное поведение является неизбежным в сложном подростковом возрасте. Также показателен тот факт, что в 2011 г. в Екатеринбурге была открыта Православная психологическая служба, куда подростки и дети могут обращаться за помощью.

В подростковый период у человека происходит становление мировоззрения, формируется способность к анализу отвлеченных, абстрактных идей, к которым, в частности, относятся религиозные ценности. Воцерковленный ребенок изначально вписан не только в коллектив своих близких родственников, но и той религиозной общины, которая формируется вокруг храма, который он посещает. Религиозная община как своеобразная большая семья с самого раннего возраста включает человека в свою жизнь. Это, с одной стороны, облегчает существование человека, обеспечивает как моральную, так и материальную поддержку в сложных ситуациях, а с другой, в определенной степени изолирует от части общества, придерживающейся иных мировоззренческих взглядов и ценностных ориентаций.

Анализ существующей по данной проблеме теоретической литературы показал, что имеются отличия в сфере ценностных ориентаций у воцерковленных и светских подростков [5, 9]. В психолого-педагогической литературе встречаются различные подходы к определению понятия «ценностные ориентации». К примеру, в работах Б. Г. Ананьева они рассматриваются как направленность личности [1], Л. И. Божович определяет этот феномен как нравственную позицию и мотивы поведения [2], в интерпретации С. Л. Рубинштейна ценностные ориентации — это фактор нравственного самоопределения [8].

Рассматривая феномен ценностных ориентаций в старшем подростковом возрасте, следует отметить, что у детей в этот период наблюдается стремление более углубленно понять себя, разобраться в своих чувствах, настроениях, мнениях, отношениях. Жизнь подростка должна быть заполнена какими-то содержательными отношениями, интересами, переживаниями. Именно в подростковом возрасте начинает устанавливаться определенный круг интересов, который постепенно приобретает известную устойчивость. Этот круг интересов является психологической базой ценностных ориентаций подростка. В этом возрасте происходит переключение интересов с частного и конкретного на отвлеченное и общее, наблюдается рост интереса к вопросам мировоззрения, религии, морали и эстетики. Развивается интерес к психологическим переживаниям других людей и к своим собственным.

Система ценностных ориентаций, являясь психологической характеристической зерлой личности, одним из центральных личностных образований, отражает содержательное отношение человека к социальной действительности и в этом качестве определяет мотивацию его поведения, оказывает существенное влияние на все стороны его деятельности. Как элемент структуры личности,

ценностные ориентации характеризуют ее внутреннюю готовность к совершению определенной деятельности по удовлетворению потребностей и интересов, указывают на направленность ее поведения [4, 96].

Исследование ценностных ориентаций воцерковленных подростков проводилось с помощью методики М. Рокича «Ценостные ориентации». Она предназначена для анализа системы ценностных ориентаций, которые определяют содержательную сторону направленности личности и составляют основу ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самой, основу мировоззрения и ядро мотивации жизнедеятельности, основу жизненной концепции и «философии жизни».

М. Рокич различает два класса ценностей: 1) терминальные — убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться; 2) инструментальные — убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации.

Это деление соответствует традиционному делению на ценности-цели и ценности-средства. Данная методика рассчитана на людей в возрасте от 14 лет и старше, без ограничений по образовательным, социальным и профессиональным признакам.

Процедура исследования: респонденту предъявляются два списка ценностей (по 18 в каждом) на листах бумаги в алфавитном порядке. В списках испытуемый присваивает каждой ценности ранговый номер. Вначале предъявляется набор терминальных, а затем набор инструментальных ценностей.

Исследование проводилось в марте — апреле 2011 г. в Екатеринбурге. При его организации мы столкнулись с проблемой поиска респондентов, поскольку участие в психологических исследованиях не приветствуется священнослужителями. На официальные обращения в различные конфессиональные православные учреждения Екатеринбурга были получены отказы. С точки зрения церковнослужителей, в работе с православными детьми нельзя использовать западные психодиагностические разработки, к которым относится и методика Милтона Рокича. Предложенные в миссионерском отделе Екатеринбургской епархии и разработанные специально для исследования личностных особенностей воцерковленных детей методики не соотносились с целями нашего исследования. В связи с этим нами были проведены беседы с настоятелями нескольких екатеринбургских храмов, результатом которых стало согласие одного из священников предоставить нам возможность провести исследование в старшем классе воскресной школы. Выполняя условия, выдвинутые священнослужителями, мы не можем указать название прихода, согласившегося на сотрудничество.

Помимо методики М. Рокича каждому респонденту была предложена анкета, направленная на определение степени воцерковленности подростка.

Основными критериями воцерковленности являлись:

- частота посещения церкви (не менее 1 раза в неделю);
- регулярное выполнение церковных обрядов.

Выборка воцерковленных испытуемых составила 15 человек, из них 4 девочки, 11 мальчиков в возрасте 15–16 лет. Все они являются детьми священнослужителей.

На ведущие места подростки поставили следующие инструментальные ценности: «образованность», «воспитанность», «исполнительность», «ответственность» (табл. 1). Показатели «воспитанность» и «исполнительность» говорят о высокой степени конформности, которая заложена в само содержание религиозного (православного) воспитания.

Таблица 1

Средние показатели значимости инструментальных ценностей по методике М. Рокича у воцерковленных подростков*

Инструментальные ценности	Ранг, среднее значение	Инструментальные ценности	Ранг, среднее значение
<i>Воспитанность</i>	6	<i>Рационализм</i>	8,4
Высокие запросы	13,33	<i>Самоконтроль</i>	8,67
<i>Жизнерадостность</i>	9,47	Смелость в отстаивании	
<i>Исполнительность</i>	7,4	своего мнения	10,13
Независимость	10,4	<i>Твердая воля</i>	8,73
Непримириимость к недостаткам в себе и других	15,6	Терпимость	11,93
<i>Образованность</i>	5,87	Широта взглядов	13,33
<i>Ответственность</i>	7,27	<i>Честность</i>	8,93
Общественное призвание	11,4	Эффективность в делах	9
		<i>Чуткость</i>	8,47

* Чем выше среднее значение по ценности, тем ниже значимость этой ценности для выборки.

Вышеперечисленные ценности являются частью портрета «правильного» православного подростка — трудолюбивого, старательного, послушного. Послушание в религиозной образовательно-воспитательной парадигме в целом является одной из ведущих ценностей, на которой основана идея подчинения Богу, церкви, приходу, семье. Выбор такой ценности, как «исполнительность», также свидетельствует о глубоком принятии религиозных догматов, поскольку предполагает трепетное отношение верующего к исполнению обрядовой стороны религиозной жизни, традиций, благодаря которым сохраняется культ. Исполнительность — это своеобразная технология охраны религии и церкви от влияний современности, зачастую нацеленных на разрушение ортодоксальных постулатов. Понимание значимости подростками этой ценности является косвенным подтверждением того, что в будущем они смогут обеспечить преемственность между поколениями верующих, будут стараться поддерживать привычный уклад, в котором они воспитывались, тем самым обеспечивать стабильность церкви как социального института.

Результатом приобщения к православной культуре, вероятно, можно считать то, что подростки из верующих семей воспитываются в «культе труда», который несет в себе православная семья, нацеленная на воспитание «христианина, крестьянина и семьянин». Поэтому выбор ценности «образованность»

может свидетельствовать о понимании подростками значимости учебы, поскольку это является основным трудом для подростка.

Также стоит отметить, что для воцерковленных подростков наименее значимыми среди инструментальных ценностей являются «независимость», «высокие запросы», «широта взглядов». Это также укладывается в представление о том, что христианин должен быть смиренным и ограничивать влияние земных страстей на свою жизнь.

Низкая ранговая позиция ценности «терпимость», возможно, связана с противоречивым характером подросткового возраста. Личность в этот период может отторгать те ценности, которые активно и даже навязчиво внушаются ей со стороны взрослых, и неприятие этой ценности может свидетельствовать о протесте подростка, его стремлении к самоидентификации, оформлении его Я-концепции, в которую не вписываются проводимые взрослыми идеи. Зачастую такое отторжение общепринятых ценностей провоцируется не столько их содержанием, сколько формами, в которых они подаются подрастающему поколению. Отметим, что авторитарный стиль в общении, предполагающий назидание и общение с ребенком не на равных, постепенно уходит из современной религиозной практики. Об этом свидетельствуют современные педагогические формы, которые в последние годы все активнее применяются в конфессионально ориентированных образовательных учреждениях, а также появление консультативных кабинетов православных психологов при различных учреждениях культа.

Обратимся к анализу таблицы, посвященной терминальным ценностям (табл. 2).

Таблица 2
Средние показатели значимости терминальных ценностей по методике М. Рокича у воцерковленных подростков*

Терминальные ценности	Ранг, среднее значение	Терминальные ценности	Ранг, среднее значение
<i>Активная жизнь</i>	7,73	Познание	12,53
<i>Жизненная мудрость</i>	7,8	Продуктивная жизнь	11,07
<i>Здоровье</i>	4,2	Развитие	9,27
<i>Интересная работа</i>	8,8	Развлечения	14,13
<i>Красота природы и искусства</i>	13,6	Свобода	9,67
<i>Любовь</i>	4,53	<i>Счастливая семейная жизнь</i>	8,33
<i>Материально обеспеченная жизнь</i>	10,27	Счастье других	9,47
<i>Наличие хороших и верных друзей</i>	7,53	Творчество	12,6
<i>Общественное призвание</i>	11,4	Уверенность в себе	8,07

* Чем выше среднее значение по ценности, тем ниже значимость этой ценности для выборки.

«Здоровье», «любовь», «жизненная мудрость», «наличие хороших и верных друзей», «счастливая семейная жизнь» напрямую коррелируются с христианскими доктринальными догматами.

Ценность «любовь» занимает высокую позицию среди ценностных ориентаций у воцерковленных подростков. И это можно объяснить тем, что данная ценность содержится в одной из наиболее важных заповедей христианства — «возлюби ближнего как самого себя». В этой связи следует отметить, что в современной православной педагогике личность определяется как «то, что существует в направлении к другому» [6, 102].

Далее остановимся на ценности «жизненная мудрость», которая довольно редко является значимой в среде светских подростков, поскольку этот период в жизни человека отличается максимализмом, определенным бунтарством и стремлением к неподчинению признанным авторитетам. В данном случае выбор ценности «жизненная мудрость» может интерпретироваться как показатель лояльности к древним истинам, которые являются основными доктринальными христианства, святоотеческому наследию, культу святых и т. д.

Получившие достаточно высокую ранговую позицию ценности «активная жизнь» и «уверенность в себе» не совсем согласуются с традиционным образом «хорошего православного». Таким образом, можно сделать вывод, что стремление к смириению, как одной из цели жизни православного человека, вытесняется в воспитательной практике пониманием необходимости успешной социализации, которая невозможна без ощущения уверенности в себе и конкретных успехов деятельности, на которые ориентированы воцерковленные юноши и девушки.

Значимость для воцерковленных подростков ценности «уверенность в себе» подтверждается и в других исследованиях: в частности, в недавно выполненной новосибирскими учеными работе по исследованию стилей семейного воспитания в воцерковленной семье. Ими было выявлено, что в религиозной семье родители стараются развивать в ребенке самоконтроль, уверенность в себе [7, 76].

Низкие ранговые позиции у воцерковленных подростков занимают такие терминальные ценности, как «общественное призвание», «познание», «творчество», «красота природы и искусства», «развлечения». В определенной степени эти ценности являются родственными, поскольку предполагают проявление активности личности, ее самостоятельности вне церкви, семьи, привычного воцерковленного круга общения. Это делает очевидным и логичным низкую оценку значимости этих ценностей, с точки зрения религиозных подростков.

Проведенное нами исследование ценностных ориентаций воцерковленных подростков подтвердило актуальность данной проблемы, связанной прежде всего со сложностью эмпирического исследования духовно-нравственной сферы личности. Его результаты позволяют сделать вывод о том, что в целом христианские доктрины, заложенные в основу религиозного воспитания и обучения, достаточно сильно укоренены в сознании подростков, воспитывающихся в религиозных семьях. Они, безусловно, отличаются от морально-этических установок светских подростков и более консервативны по сравнению с ними,

однако можно констатировать и определенное влияние на воцерковленных подростков массовой культуры современности, пропагандирующей ценности успеха и необходимости активной жизненной позиции, что является нетипичным для ортодоксальной религиозной парадигмы. Следовательно, традиционная религиозная (православная) парадигма по-прежнему является единственной и эффективной образовательно-воспитательной системой, формирующей определенный набор духовно-нравственных ценностей, однако социокультурные трансформации, происходящие в современном обществе, влияют на нее, и это проявляется в ослаблении ортодоксального подхода в образовании и воспитании воцерковленных детей, проникновении светских культурных идеалов даже в семью православных священнослужителей.

-
1. Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания : избр. психолог. тр. М., 2008.
 2. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб., 2009.
 3. Воцерковление [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru>
 4. Кордуэлл М. Психология. А — Я : слов.-справ. / пер. с англ. К. С. Ткаченко. М., 2000.
 5. Кураев А. Миссионеры на школьном пороге. М., 1995.
 6. Лосский В. Н. По образу и подобию. М., 1995.
 7. Поддержка семьи в условиях кризиса: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы специальной психологии в образовании», 10–12 февр. 2010 г., г. Новосибирск. Новосибирск, 2010.
 8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2012.
 9. Шестун Е., протоиерей. Православная педагогика. М., 2001.

Рукопись поступила в редакцию 19 марта 2012 г.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 233-256 + 243.4

С. Б. Бережной

ТЕОРИЯ ДХАРМ АБХИДХАРМАКОШИ

Статья посвящена истолкованию категорий теории дхарм сарвастивады, представленной в трактате великого буддийского мыслителя Васубандху (IV–V вв. н. э.). В работе анализируется главный онтологический принцип сарвастивады, ее философский девиз — «сарвам асти», утверждающий, что подлинно реальны только дхармы. Основываясь на своем прочтении санскритского текста трактата «Абхидхармакоша», автор дает собственную интерпретацию теории дхарм сарвастивады в целом.

Ключевые слова: Васубандху, Абхидхармакоша, сарвастивада, дхармы, Самскрита-дхармы, Асамскрита-дхармы, Сансара, Нирвана.

Абхидхармакоша — трактат великого индийского буддийского мыслителя Васубандху (IV–V вв. н. э.), посвященный абхидхармистской философии и излагающий философские воззрения двух направлений раннего буддизма: сарвастивады (школы кашмирских вайбхашиков) и саутрантики.

Абхидхармакоша существует в виде двух отдельных текстов: Абхидхармакоша-карика (санскр. *Abhidharmakośakārikā*) и Абхидхармакоша-бхашьям (санскр. *Abhidharmakośabhbhāṣyam*). Абхидхармакоша-карика [13] — это достаточно короткий стихотворный текст, выражающий суть взглядов автора сжато. Абхидхармакоша-бхашьям [14] — стихотворный текст тех же самых карак и вместе с обширным прозаическим комментарием к ним, который составлен самим же Васубандху. Суть и цель Абхидхармакоши представлена в самом трактате следующим образом:

yaḥ sarvathā sarvahatā'ndhakāraḥ
saṁśārapañkāj jagād ujjahāra
tasmai namaskṛtya yathā'rthaśāstre
śāstraṁ pravakṣyāmy abhidharmakośam [13, 76].

Тому, кто всеми средствами, совершенно, полностью уничтожил создателя
ослепленности (*andhakāra*),
Из грязного болота сансары мир извлек,
Ему поклоняюсь, воздаю хвалу [тем], что в содержательной, богатой смыслами
шастре учение сокровищницы Абхидхармы я изреку, прославлю.

Andhakāra — это именно *создатель* ослепленности. Речь в первой карики Абхидхармакоши, очевидно, идет об уничтожении не просто некоего безлично абстрактного качества духовной слепоты, а об уничтожении, *в том или ином смысле*, вполне определенного персонажа — злого демона Мары, владыки тьмы. Санскритское *-kāra* — это: «1) создатель, автор 2) буква 3) звук 4) слово» [6]. *Andha* — «1) слепой, ослепленный *кем-л.* (- о) 2) печальный» [Там же]. Хотясанскритско-английский словарь М. Моньера-Вильямса дает такое значение для *andhakāra*: «darkness (мрак, темнота)» [11]. Текст Л. Прудена первую строку данной карики переводит так: «He has, in an absolute manner, destroyed all blindness...» («Он совершенным образом разрушил всю слепоту, все ослепление») [12, 55]. Е. П. Островская и В. И. Рудой переводят этот отрывок, также обезличивая понятие «*andhakāra*»: «...кто полностью рассеял всякую *тьму*...» (курсив мой — С. Б.) [2, 192]. Стоит заметить и то, что слово *koṣa* означает не только сокровищницу, но и обладает большим спектром значений: «1) бочка; ведро 2) ящик; сундук; шкаф 3) ножны 4) кладовая; сокровищница 5) словарь 6) сборник стихов 7) почка 8) бутон 9) бот. чашечка (особ. лотоса) 10) кокон» [6]. То есть Абхидхармакоша — это и «вместилище, бочка, сундук Абхидхармы (высшей философии)», это и «ножны Абхидхармы», следовательно, Абхидхарма уподобляется мечу Знания, отсекающему неведение. Также Абхидхармакоша — это и «словарь Абхидхармы», «сборник стихов по Абхидхарме» и даже «кокон Абхидхармы», в котором, как можно предположить, созревает существо или же вызревает сущность многоцветного и устремленного к небесам Знания.

Сарвастипада (санскр. *sarvāstivāda*) — это направление ранней буддийской философии, породившее ряд религиозно-философских школ. Эти школы, собственно, и занимались в первую очередь изучением и развитием философии Абхидхармы. Считается, что возникла сарвастипада в III в. до н. э., накануне третьего общебуддийского собора в г. Паталипутра. Абхидхармистская философия сарвастипады оказала сильнейшее влияние на многие направления и раннего буддизма, и буддизма махаяны (махаяна существует примерно с I в. до н. э. — I в. н. э.). Сарвастипада называется так в честь ее собственного основополагающего онтологического принципа «*sarvam asti*» («все есть»): речь идет о том, что все дхармы — настоящего, прошедшего, будущего времени — существуют реально и реально существуют только они. Обыденное миро восприятие — вне созерцания дхарм ошибочно. На основании этой концепции «возникла в высшей степени рационалистическая и детализированная теория дхарм. Это явилось одной из причин ее широкого распространения как в Индии, так и далеко за ее пределами... Позднее влияние сарвастипады распространилось на Центральную и Среднюю Азию, Тибет, Китай и Японию, а на юго-востоке через Бирму и Индокитай достигло Суматры и Явы» [8, 51]. Основателем школы сарвастипады иногда считается индийский философ Катьянапут-

ра (санскр. Kātyāyanīputra), которому и приписывают провозглашение основной формулы сарвастивады — *сарвам асти* [9, 144].

Предположительно во II в. до н. э. сарвастивадины создали Абхидхармакоши («Великое обсуждение Абхидхармы»), комментарий к абхидхармическому трактату Джнянапрастхана. Махавибхаша — энциклопедия буддийских и небуддийских учений, излагаемых с сарвастивадинской точки зрения. Со времени создания Махавибхаши «...кашмирские и гандхарские учителя и философы, опиравшиеся на положения этого трактата, стали именовать себя *вайбхашики* (от санскр. vaibhāśika — “[школа] тех, кто следует Комментарию”)» [Там же, 143]. Вайбхашиками-сарвастивадинами были великие буддийские мыслители — Васумитра, Буддхадэва, Дхармарши, поэт Ашвагхоса. К сарвастиваде восходит ряд школ буддийской мысли — кашмирские и гандхарские абхидхармики, муласарвастивада («коренная сарвастивада») и др. Их влияние на последующую историю буддийской философии огромно. В. К. Шохин видит значение сарвастивады не только в создании классической теории дхарм, но и в том, что именно она сформулировала ряд фундаментальных философских концепций, оппонирование которым, собственно, и породило основные течения философии буддизма махаяны: «Именно на критике учения сарвастивадинов о “собственной природе” дхарм основывается учение о пустотности (шуньята) в философии мадхьямики, а на критике ее атомизма — отрицание существования объектов вне сознания в философии виджнянавады» [Там же, 149].

Трактат «Абхидхармакоша» состоит из девяти разделов [12–14]:

I. Dhātunirdeśa (Описание группировок дхарм — дхату) — согласно Е. П. Островской и В. И. Рудому «в нем излагается сумма философских представлений о психике как потоке элементарных мгновенных состояний (дхарм), рассматриваются классификации этих состояний» [2, 8]. Санскритское слово dhātu означает: «*dhātu m.* — 1) металл 2) руда 3) слой, пласт 4) первичный элемент (согласно инд. философии насчитывается пять элементов: ākāśa — эфир, vāyu — воздух, tejas — огонь, pṛthivī — земля, ap — вода) 5) составная часть тела (*ih* насчитывается семь: rasa — жизненный сок, asṭj — кровь, māṃsa — мышцы, medas — жир, asthi — кости, tajjā — костный мозг, šukra — сперма) 6) грам. корень» [6]. Очевидно, что слово dhātu в любом смысле подразумевает собой что-либо основополагающее, фундаментальное, сущностное. Здесь, в Абхидхармакоше, оно означает совокупности дхарм, выделяемые по особым классификационным характеристикам. Но понятие «психика», употребляемое Е. П. Островской и В. И. Рудым в приведенной выше цитате, вряд ли уместно для наименования потока дхарм, из которых слагается *все* сущее, а не только то, что имеет отношение к отдельному живому существу — к его внешности ли, внутренности ли, сокровенным глубинам ли. Раздел состоит из 48 стихов (санскр. kārika).

II. Indriyanirdeśa (Описание сил психики) — «он посвящен анализу психических способностей, причин и условий, благодаря которым возможно обретение нирваны...» [2, 8]. Санскритское слово indriya означает: «*indriya* — 1. 1) относящийся к Индре 2) подобный Индре 2. *n.* 1) сила Индры 2) верховная власть; сила, мощь 3) орган чувств 4) сила чувств; чувственность 5) чувственное

наслаждение» [6]. В этом слове очевидно и слышимо его божественное происхождение: любой орган чувств имеет отношение к Индре, он является в каком-то смысле (не стоит, впрочем, торопиться с утверждением, что мы знаем, в каком) силой Индры. И именно знание индрий — сил Индры — и ведет к обретению нирваны. Этот раздел состоит из 73 стихов.

III. Lokanirdeśa (Описание мира) — космогония, космология, рассказ о логике развития человеческого общества. Состоит из 102 стихов.

IV. Karmanirdeśa (Описание кармы) — «разъясняет проблемы причинно-следственных зависимостей, порождаемых деятельностью живых существ» [2, 8]. Раздел посвящен важнейшему буддийскому учению о карме — учению о том, что все происходящее в жизни каждого-либо живого существа имеет в качестве своей причины действия этого живого существа, совершенные в прошлом. Закон кармы — это закон воздаяния. Слово karma — это именительный или винительный падеж, или звательная форма от существительного karman, которое означает: «*karman n.* — 1) действие, работа 2) дело, обязанность 3) обряд, ритуал 4) грам. объект действия (*стоит в аккузативе — в активной конструкции или в номинативе — в пассивной конструкции*) 5) судьба 6) результат, итог» [6]. То есть карма — это нечто сделанное и имеющее, по причине этой активности, некоторый следственный судьбоносный отклик. Раздел состоит из 127 стихов.

V. Anuśayanirdeśa (Описание скрытых загрязнений) — «здесь рассматривается природа эмоциональности и ее связь с неведением» [2, 8]. Anuśaya — «признание, раскаяние» [6]. Поэтому название раздела точнее было бы перевести так: «Описание того, что заслуживает раскаяния». Состоит из 71 стиха.

VI. Mārgaprahāṇanirdeśa (Описание пути и личности) — описание путей к освобождению и типология просветленных личностей. Prahāṇi — «исчезновение» [Там же]. Prahāṇa — «*n. relinquishing* (оставление, отступление), *abandoning* (покидание), *avoiding* (избегание); *abstraction, speculation* (обдумывание), *meditation* (размышление); *exertion* (напряжение)» [11]. То есть название раздела можно перевести и так: «Описание пути бегства [из сансары]». Состоит из 80 стихов.

VII. Jñānanirdeśa (Описание подлинного знания) — речь идет о знаниях, ведущих к освобождению от пространственно-временных цепей сансары. Состоит из 56 стихов.

VIII. Samāpattinirdeśa (Описание йогического созерцания) — описание различных созерцательных йогических состояний. Состоит из 43 стихов.

IX. Pudgalanirdeśa (Описание индивидуальной личности) — опровержение представлений о бытии самостоятельно существующей индивидуальной личности. Состоит из 13 стихов.

Собственно фундамент теории дхарм сарвастипады представляют собой именно первые два раздела трактата. В остальных разделах происходит развертывание данной теории дхарм во всеобъемлющую систему, состоящую из описаний важнейших сторон действительности, логически связанных между собой. Основное содержание первого и второго разделов изложено Ф. И. Щербатским по тибетским источникам в его работе «Центральная концепция буддизма и значение термина “дхарма”» [10, 112–198]. Перевод на русский язык разделов I–VI Абхидхармакоша-бхашьям с санскрита сделан В. И. Рудым и

Е. П. Островской. Они первые переводчики Абхидхармакоши с санскрита на какой-либо европейский язык, так как «долгое время санскритский оригинал Абхидхармакоши считался безнадежно утраченным, и такие крупные исследователи, как Ф. И. Щербатской, О. О. Розенберг и Л. де ла Валле Пуссен, были вынуждены работать над тибетской и китайскими версиями трактата. “Энциклопедия Абхидхармы” была случайно обнаружена Р. Санкритьяной в небольшом тибетском монастыре Нгор в 1935 г. Потребовалось около десяти лет, чтобы подготовить и опубликовать подробное палеографическое и археографическое описание рукописи на пальмовых листьях» [2, 8]. В. И. Рудой и Е. П. Островская делали свой перевод с санскритского оригинала Абхидхармакоша-бхашьям, изданного П. Прадханом в 1967 г.

В Абхидхармакоше все сущее, которое есть или может быть, представляет собой набор из 75 дхарм, т. е. слагается из 75 состояний-«элементов» максимум. В других абхидхармистских системах количество дхарм указывается иное: 84, 100, 127, и вообще число дхарм в системе может быть огромным [8, 63]. О. О. Розенберг подчеркивает величайшую, системообразующую значимость понятия «дхарма» для любой буддийской философии: «Понятие “дхарма” в буддийской философии имеет столь выдающееся значение, что *система буддизма в известном смысле может быть названа теорией дхарм*. При этом мы подчеркиваем в философии буддизма ту специфическую особенность ее, благодаря которой она отличается от других направлений индийской философии. В таком же смысле мы, например, называем философию Платона учением об идеях или философию Канта трансцендентальной философией» [7, 97]. С данным суждением О. О. Розенберга безоговорочно следует согласиться. Он изрекает истину, которую, впрочем, многие часто понимают несколько однобоко, забывая о том, что дхарма — это не только Закон, Учение Будды в общем, но и также это онтолого-сoterиологическое понятие в частности. Согласно санскритско-русскому словарю В. А. Кочергиной слово «дхарма» означает: «1) состояние (*душевное*) 2) мораль, нравоучение 3) религиозное предписание 4) совесть 5) добродетель 6) справедливость 7) долг, обязанность 8) закон 9) природа, сущность 10) Дхарма, религия, вера» [6]. В качестве онтологической категории «дхарма» — это определенное умственное, речевое или телесное состояние, это атомарная сущность, которая имеет место и время реально быть. Подлинное бытие любой дхармы — мгновение (санскр. *kṣaṇa*) [5]. Любая дхарма обладает мгновенной природой существования и существует в течение некоторого ряда мгновений. Наиполнейшим образом теория дхарм представлена именно в философии сарвастивады. Сумма 75 дхарм сарвастивады объемлет собой все потенциально возможное сущее, это полная таблица элементов сущего без каких-либо возможных добавлений.

Из текста Васубандху можно вычленить шесть делений дхарм на различные классы, существование которых обусловлено логикой соответствующих детерминаций [1, 27–71; 10, 187–198; 12, 76–81]. Ниже приводятся эти шесть делений дхарм в том порядке, как они представлены у Ф. И. Щербатского, но значения дхарм и смысл этих делений я интерпретирую по-своему. Следует также заметить, что порядок классификации дхарм и перечисления дхарм у

Ф. И. Щербатского не соответствует последовательности перечислений санскритского текста. Тем не менее порядок перечисления делений дхарм в работе Ф. И. Щербатского обладает определенной логикой, вероятно, перенесенной им в его текст из тибетских комментариев к Абхидхармакоше, и поэтому этот порядок здесь сохранен:

1) 75 дхарм делятся на 72 самскрита (*saṃskṛta*) и 3 асамскрита (*asaṃskṛta*) дхармы. Ф. И. Щербатской переводит «самскрита» как «обусловленные, не-постоянны», а «асамскрита» как «необусловленные, неизменные». Но «самскрита» означает в буквальном переводе «очищенный, украшенный, обработанный, культурный», а также означает и сам «санскрит» — язык индийских жрецов-брахманов, язык буддийских сутр, тантр, шастр. Таким образом, самскрита-дхармы — это сущности, формирующие собой «культурное», в самом широком смысле слова, «целое», то, к чему «приложилась рука» какого-либо в самом широком смысле «созидателя». Из самскрита-дхарм слагается сансара, миры перерождений живых существ. Соответственно слово «асамскрита» несет в себе *иное, другое, противоположное* значение: асамскрита-дхармы образуют собой некое внекультурное целое. Это пространство, которое не является полем игры обработанных, «окультуренных», «сделанных» сил. Это поле игры сил, не существующих в аспекте какого-либо «созидания», становления, в форме какого-либо развития и прогресса. Это дхармы, из которых слагается нирвана.

2) 75 дхарм делятся на сасрава (*sāsrava*) и анасрава (*anāsrava*) дхармы. Сасрава — это самскрита-дхармы в «загрязненном» состоянии. Это те из самскрита-дхарм, которые «работают» на усиление страдательных тенденций в жизни. Анасрава — «незагрязненные» дхармы. Это 3 асамскрита-дхармы и те из самскрита-дхарм, которые «работают» на подавление страдательных тенденций.

3) Деление по принципу соответствия групп дхарм «Четырем благородным истинам» (4 *āgyasatyāni*). А именно: первые две «благородные истины» — истина страдания (*duḥkha*) и истина причины страдания (*samudaya*) — составлены 72 самскрита-дхармами, пребывающими в загрязненном состоянии, в состоянии «сасрава». Третья «благородная истина» — истина прекращения страданий (*nirodha*) — составлена 3 асамскрита-дхармами. То есть третья «благородная истина» — истина обретения нирваны. И четвертая «благородная истина» — истина пути к нирване (*mārga*). Она составлена самскрита-дхармами в незагрязненном (анасрава) состоянии.

4) Деление дхарм на 12 аятана (*āyatana*). Аятана — «место, местопребывание, священное место, храм» [6]. Это 6 органов, 6 сил восприятия — зрение, слух, нюх, вкус, осязание, ум как орган восприятия. То есть 6 сил — это 6 дхарм, которым соответствуют 6 типов объектов восприятия (видимое, слышимое, запах, вкус, осязаемое, объекты умственного восприятия); из них первые пять представляют собой отдельные дхармы, а шестой тип включает в себя 64 дхармы, в том числе 3 асамскрита-дхармы.

5) Деление дхарм на 18 дхату (*dhātu*) — на 18 классов, групп дхарм. Здесь к 12 аятана добавляется 6 «сознаний», связывающих каждую силу восприятия с соответствующим ей объектом. Это сознания видимого, слышимого, обоняемого, вкушаемого, осязаемого и умственное сознание. Сознание (*vijñāna*) — это

одна дхарма, расщепляемая в данной классификации на 7 дхату: сознание как таковое (*mano-dhātu*) и 6 упомянутых «частных» сознаний.

6) деление дхарм на 5 скандх (*skandha*) — 5 группировок дхарм. Две скандхи представляют собой описание телесной сферы деятельности живого существа, одна — речевой сферы деятельности, еще две скандхи представляют собой описание всего того, что происходит в уме.

Среди учений сарвастивады особый интерес вызывает концепция «*sarvam asti*», которая и породила само наименование данного направления буддийской философии. Во фразе «*sarvam asti*» — философском девизе и главном онтологическом тезисе данной школы — речь идет о том, что дхармы существуют *реально* в трех временах! То есть они на самом деле существуют в прошлом, в настоящем, в будущем. Данное положение, безусловно, требует пояснений. В Абхидхармакоша-бхашьям Васубандху приводит четыре основные интерпретации данного важнейшего онтологического тезиса сарвастивады [3, 71–75, 140–146; 14, 294–297]. Это мнения бхаданты¹ Дхарматраты, бхаданты Гхощаки, бхаданты Васумитры, бхаданты Буддхадевы. Четырьмя бхадантами, каждым из них, выдвигается определенная центральная категория, рассуждения вокруг которой и представляют собой интерпретацию философского девиза сарвастивады — «*sarvam asti*». Данные центральные категории таковы: *bhāva* — бхаданта Дхарматраты, *lakṣaṇa* — бхаданта Гхощака, *avasthā* — бхаданта Васумитра, *anyathā* — бхаданта Буддхадева.

Вот каковы значения этих «главных слов» сарвастивады согласносанскритско-русскому словарю В. А. Кочергиной:

«*bhāva* m. — 1) становление; возникновение 2) переход 3) существование, бытие 4) характер, нрав 5) склонность, пристрастие 6) взгляд 7) смысл, значение 8) любовь 9) вера, доверие 10) чувство 11) вещь 12) разумный человек 13) достойный господин (при обращении в драме).

lakṣaṇa — 1. см. *lakṣaka* 1; 2. n. 1) см. *lakṣá* 1); 2) качество 3) счастливое предзнаменование 4) определение; обозначение 5) вид, способ 6) направление 7) побуждение 8) удобный случай, повод 3. (— о) 1) выделяющийся *чем-л.* 2) имеющий *что-л.* 3) относящийся к *чему-л.*

lakṣ — 1) ощущать; воспринимать 2) познавать 3) наблюдать; замечать.

lakṣá — 1. m., n. 1) знак, признак; примета 2) цель, точка прицела 3) сорт 4) цена, стоимость 2. сто тысяч.

lakṣaka — 1. 1) указывающий, обзывающий 2) намекающий 2. см. *lakṣá* 2.

avasthā II f. — 1) положение, состояние 2) условие, обстоятельство.

anyáthā adv. — 1) иначе; иным способом 2) ошибочно; ~ kar a) поступать иначе (тж. неправильно) б) изменять; исказять в) принижать» [6].

Но приведем высказывания каждого из бхадант, объясняющие смысл принципа *сарвам асти* [14, 296–297]:

bhāvānyathiko bhadantadharmatrātaḥ / sa kilāha /

¹ Санскр. *bhadanta* — уважительное наименование авторитетного, сведущего буддийского мастера: «уважаемый, почтенный» [11].

Бхаданта Дхарматрата об изменении сансарного сущего именно так [говорит]:

dharmasyādhvasu, pravartamānasya bhāvānyathātvāṁ bhavati na dravyānyathātvam /

В ходе развертывания дхармы в текущем времени происходят изменения вида ее сансарного существования (*bhāva*), но ее индивидуальная сущность (*dravya*) не изменяется.

То есть можно предположить, что речь здесь идет о том, что любая самскрита-дхарма, всегда существующая во времени, текущем и текущем по своей природе, изменяется таким образом, что, изменяясь феноменально, не изменяется ноумenalльно, по своей сути, охраняет свою неизменную сущность. Вопросы вызывает понятие «*dravya*». Санскритско-русский словарь В. А. Кочергиной дает следующие его значения:

«*dravya I n.* — 1) предмет, вещь 2) *филос.* вещество, материя 3) имущество, собственность 4) золото 5) составная часть *чего-л.* 6) индивидуальность, лицо.

dravya II — 1. 1) сделанный из дерева 2) относящийся к дереву 3) подобный дереву 4) живущий на деревьях 2. *n.* 1) лак 2) клей 3) гумми, смола, камедь» [6].

То есть понятие «*dravya*» не совсем подходит на роль кантовского ноумена или платоновской идеи, поскольку сарвастипада не относит бытование самскрита-дхарм к некому запредельному и/или высшему миру. Самскрита-дхармы вполне феноменальны, они — здесь, в этой реальности, но лишь в силу общей (умственной, речевой, телесной) омраченности не воспринимаются большинством людей. Скорее, понятие «*dravya*» характеризует именно то в любой самскрита-дхарме, что делает ее постоянным предметом наименования и созерцания, осуществляемого опытным абхидхармиком. «*Dravya*» — это прочное, твердое как дерево, собственное «лицо» дхармы. Это ее индивидуальность, суть, которая может постоянно восприниматься абхидхармиками. Но в потоке времени дхарма изменяется — возникая, пребывая, угасая, исчезая, т. е. входит в настоящее и затем уходит в прошлое. О диалектической двойственности восприятия самскрита-дхарм, вероятно, и рассуждает бхаданта Дхарматрата.

yathā suvarṇabhājanasya bhittvā 'nyathā kriyamānasya saṁsthānānyathātvāṁ bhavati na varṇānyathātvam /

Так, например, разбившийся золотой кувшин, когда он переделан [кем-либо — мастером или т. п.], изменяет свой внешний вид, но не свой изменяет цвет и сущность (*varṇa*).

Следует отметить, что санскритское слово *varṇa* многозначно. Это и цвет, и сущность, и покров, и звук, и слог, и награда [Там же].

yathā ca kṣīraṁ dadhitvena pariṇamadrasavīryavipākāṁ parityajati na varṇam /

Также, например, когда молоко превращается в простоквашу, оно меняет свой вкус, теряет свою [молочную] силу, изменяются последствия [его воздействия], но не цвет, не сущность.

evaṁ dharmo 'pyanāgatādadhvanaḥ pratyutpannamadhvānamāgacchannanāgata-bhāvaiḥ jahāti na dravyabhbāvam /

Так и дхарма, переходя от своего будущего в настоящее время, уходит от своего

будущего сансарного существования [в настоящее], но не утрачивает своей сансарной индивидуальной сути.

evaṁ pratyutpannādatītamadhvānam gacchan pratyutpannabhāvam jahāti na dravyabhāvamitī /

Также и переходя из современного состояния в прошедшее, [дхарма] уходит из современного сансарного существования, но также не утрачивает своей сансарной индивидуальной сути.

lakṣāṇyathiko bhadantaghoṣakaḥ / sa kilāha /

Бхаданта Гхошака об изменении качества, вида [дхарм] именно так [говорит]:

dharmaḥ dhvasu pravarttamāno ’tīto ’tītalakṣaṇayukto ’nāgatapratyutpannābhāvam lakṣāṇabhāvamiyuktaḥ /

В ходе развертывания дхармы в текучем времени существует связь, соединение прошедшего с качеством, видом, признаком (*lakṣaṇa*) прошедшего, но нет ее [дхармы] разъединения (*viyukta*) с качествами, видами, признаками будущего и настоящего.

То есть самскрита-дхарма, пребывая в текучем и текущем времени, сохраняет некоторое качественное постоянство, преемственность, имеет определенный и определяемый стержень — вид, качество.

anāgato ’nāgatalakṣaṇayukto ’tītapratyutpannābhāvamiyuktaḥ /

Будущая [дхарма] связана с качеством, видом, признаком будущего, но она не лишена связи с прошедшим и настоящим.

evaṁ pratyutpanno ’pyatīnāgatābhāvamiyuktaḥ /

Таким же образом и ныне сущая [дхарма] не лишена связи с прошедшим и будущим.

tadyathā puruṣa ekasyāṁ striyāṁ raktaḥ śeṣāsvavirakta iti /

Так, например, мужчина, испытывающий страсть к одной женщине, не остается безразличным и к остальным тоже.

avasthā ’nyathiko bhadantavasumitraḥ / sa kilāha /

Бхаданта Васумитра об изменении состояния, обстоятельств [дхарм] именно так [говорит]:

dharmaḥ dhvasu pravarttamāno ’vasthāmavasthāmī prāpyānyo ’nyo nidiṣyate avasthāntarato na dravyāntarataḥ /

В ходе своего развертывания в текучем времени дхарма находится в том или ином состоянии (*avasthā*), получает то или иное определение по причине пребывания в таких состояниях, но не по причине своей индивидуальной сути (*dravya*).

Васумитра делает акцент не на понятии «*dravya*», о смысле которого было сказано выше, но на понятии «*avasthā*». Вероятно, он в принципе отвергает понимание самскрита-дхарм как чего-то, что может восприниматься как постоянное, обладающее неизменной индивидуальной сущностью. В сансаре царит непостоянство, и любая самскрита-дхарма — это неопределенная сумма определенных состояний, бытийных обстоятельств (*avasthā*), которые, собственно, и созерцаются? Если так, то никаких постоянных индивидуальных сущностей (*dravya*) у самскрита-дхарм просто не существует. Но встает вопрос: обладают

ли эти самые состояния-обстоятельства (*avasthā*) какой-либо постоянной, прочной сутью (*dravya*)? И если не обладают, то как их можно распознавать и наблюдать?

yathaikā vartikā ekāṅke nīkṣiptā ekamityucyate śatāṅke śataṁ sahasrāṅke sahasramiti /

Это подобно тому, когда указатель [счетного устройства], установленный на цифру один, называют единицей, на сотню — сотней, на тысячу — тысячей.

То есть любая самскрита-дхарма, в интерпретации Васумитры, не обладая общей «эйдемической» сущностью, обладает смыслами, распознаваемыми через ее частные конкретные осуществления в тех или иных состояниях, и именно так и должна созерцаться? Как нечто текучее, но созерцаемое на мгновенных «срезах» бытия? Предположим, что так. Но всегда остается вопрос: что означает утверждение о реальности дхарм в трех временах? Может быть, речь идет о том, что дхармы реальны всегда именно с точки зрения того, кто смотрит на них, так сказать, «со стороны» или «сверху» — как на непрерывный дхармовый поток. Тогда, вероятно, здесь подразумевается взгляд Будды или архата, которые только и способны это делать, и именно они могут влиять на какой-либо посторонний дхармовый поток, состоящий из самскрита-дхарм, или же (в случае архата, ибо Будды — вне сансары) только на свой личный дхармовый поток — на его прошлое, будущее, настоящее. Для созерцателя же более низкого ранга, пребывающего внутри дхармового потока, величайшим достижением будет восприятие мгновенности бытия дхарм.

anyathānyathiko bhadantabuddhadēvah / sa kilāha /

Бхаданта Буддхадева об изменении изменения [дхарм] именно так [говорит]:

dharma 'dhvasu pravartamānah pūrvāparamapekṣyānyo 'nya ucycate avasthāntarato na dravyāntarataḥ /

В ходе своего развертывания в текучем времени дхарма различается как та или иная, в зависимости от ее первого и последнего, предшествующего и последующего, начального и наивысшего состояний и соответственно тому именуется; это так по причине ее пространственно-временного состояния (*avasthāntarato*), а не по причине ее индивидуальной сути (*dravya*).

Буддхадева, видимо, тоже, как и Васумитра, отвергает понятие постоянной индивидуальной сути дхарм. Словосочетание «*avasthāntarato*» здесь я перевожу так: «по причине ее пространственно-временного состояния». Слово «*antar*» означает: «1. 1) близкий, ближайший 2) любимый 3) внутренний 2. п. 1) расстояние 2) удаленность 3) пространство 4) внутренность 5) промежуток времени; время 6) случай» [5]. Поэтому в «*avasthāntarata*» можно увидеть выражение неизбежно пространственно-временной природы любого состояния, обстоятельства сансары. Чем данная концепция отличается от концепции Васумитры, честно говоря, не очень понятно. Тем более что дальше Васубандху приводит жизненный пример для прояснения взгляда Буддхадевы, напоминающий по логике пример Васумитры об указателе счетного устройства. Речь заходит о том, что одна и та же женщина для своей дочери — мать, а для матери — дочь.

yathaikā strī mātā vocyate duhitā veti /

Это подобно тому, как [одна и та же] женщина называется матерью или дочерью, согласно обстоятельствам.

ityete catvāraḥ sarvāstivādāḥ /

Таковы четыре учения об истинном существовании всех [дхарм]».

Васубандху отвергает первое, второе и четвертое учения, объявляя истинным третье — учение Васумитры. И он говорит:

trīyaḥ śobhanaḥ

Третья [концепция] великолепна.

Теория дхарм сарвастивады, представленная в трактате Абхидхармакоша, таким образом, является загадочным и даже, можно сказать, обескураживающим учением, вводящим современного исследователя, кроме всего прочего, в курс проблем крайне несовременной философской темы истинного существования дхарм в трех временах. Теория дхарм Абхидхармакоши и теории дхарм, изложенные в иных буддийских трактатах, представляют собой целостные, универсальные онтолого-гносеолого-сотериологические учения буддизма. Эти концепции очень сложны и многозначны, их изучение с помощью «инструментария» европейской философии фактически только начинается, они требуют все более и более глубокого осмыслиения и особых герменевтических подходов. Но важнейшей из них и самой значимой с философской, историко-философской и религиоведческой точек зрения является теория дхарм, донесенная до нас «Энциклопедией Абхидхармы» Васубандху. О значимости данного текста говорит следующий факт: усилиями крупнейших отечественных буддологов — С. Ф. Ольденбурга, Ф. И. Щербатского и других — в 1928 г. был создан Институт изучения буддийской культуры (ИНБУК), в силу известных причин политического характера совсем недолго просуществовавший [4, 333–337]. Так вот, современная исследовательница буддийской философии и культуры Т. В. Ермакова, говоря об ИНБУКе, подчеркивает: «Сквозной для института темой стало комплексное исследование “Энциклопедии Абхидхармы” Васубандху — важнейшего памятника буддийской религиозно-философской мысли» [Там же, 334]. Процитированное, думается, служит наилучшей характеристикой значимости темы «Теория дхарм Абхидхармакоши», ее научной основательности и вписанности в контекст традиций и тенденций отечественного изучения проблем буддийской философии.

1. Бережной С. Б. Категории буддийской онтологии в свете онто-герменевтики. Челябинск, 2008.

2. Васубандху. Абхидхармакоша. Разд. 1, 2 / пер. ссанскр., введение, comment. и реконструкция системы Е. П. Островской и В. И. Рудого. М., 1998.

3. Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии (Абхидхармакоша). Разд. 5, 6 / сост., пер., comment., исслед. Е. П. Островской, В. И. Рудого. СПб., 2006.

4. Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX в. (Россия и сопредельные страны). СПб., 1998.

5. Индийская философия : энцикл. / отв. ред. М. Т. Степанянц. М., 2009.
6. Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М., 1978.
7. Розенберг О. О. Труды по буддизму. М., 1991.
8. Рудой В. И. Введение в буддийскую философию // Васубандху. Абхидхармаконаша. М., 1998. Разд. 1, 2.
9. Шохин В. К. Школы индийской философии. Период формирования. М., 2004.
10. Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М., 1988.
11. Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. Delhi, 1997.
12. Vasubandhu. Abhidharmakośabhbāṣyam; translated into French by Louis de La Vallee Poussin; English version by Leo M. Pruden. Berkeley, 1988. Vol. 1.
13. Vasubandhu. Abhidharmakośakārikā / ed. by V. V. Gokhale. Reprinted from the Journal of the Bombay Branch, Royal Asiatic Society, N. S. 1946. Vol. 22.
14. Vasubandhu. Abhidharmakośabhbāṣyam / ed. by P. Pradhan. Patna, 1967.

Рукопись поступила в редакцию 28 ноября 2011 г.

УДК 141.1(437.6) + 141.1(470) + 1(091)

О. Б. Ионайтис

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ В РОССИИ

В статье в контексте средневековых славяно-русских философских контактов рассматривается русский период творчества хорватского мыслителя Юрия Крижанича (ок. 1618–1683), дается анализ его философских, историософских, лингвистических и политических воззрений.

Ключевые слова: история русской средневековой философии, русская философская мысль и славянский мир.

Так исторически сложилось, что формирование и развитие русской философской мысли всегда было тесно сопряжено с культурным, религиозным, политическим влиянием славянского мира на Русь. Начало этой традиции было положено славянскими просветителями Кириллом и Мефодием. Они сформировали целое направление, которое позднее получило название «кирилло-мефодиевское». Под его влиянием разрабатывали свои концепции мыслители, сыгравшие значимую роль не только у себя на родине, но и во всем славянском ареале: Климент Охридский, Черноризец Храбр, Константин Преславский, Иоанн экзарх Болгарский, киевский митрополит Иларион, Нестор Летописец. Под влиянием кирилло-мефодиевской традиции начала формироваться развитая метасистема духовной культуры, охватившая южных и восточных славян на основе православной религии, письменности, одной книжности и общих традиций. «Это было становление и образование самого славянского языка, его внутренняя христианизация и воцерковление, преображение самой стихии славянской письменности и слова, славянского Логоса, самой души народа» [9, 6]. Русская средневековая философия, впитав кирилло-мефодиевскую традицию

и развивая ее, является составной частью философской мысли всех православных славянских народов.

Необходимо отметить, что кирилло-мефодиевская традиция, ее значимость и роль в истории русской мысли, может быть оценена неоднозначно. С одной стороны, она помогла войти русским мыслителям в мировой процесс, познакомиться с достижениями византийской мысли и, как следствие, развить свои концепции. Но с другой стороны, она, сосредоточивая внимание отечественных книжников на переводах, удаляла их от текстов на языке оригинала и оставшихся непереведенными. Вопрос о кирилло-мефодиевской традиции будет находиться в центре событий XVII столетия, вошедших в русскую историю как раскол.

После изгнания в 886 г. учеников Кирилла и Мефодия из Паннонии, они находят себе приют и новое поле для просветительской деятельности в Болгарском княжестве, которое принимает христианство при князе Борисе (Михаиле). Особого расцвета славянская письменность, как переводная, так и оригинальная, достигает при преемнике Бориса – болгарском царе Симеоне, с именем которого связан золотой век Болгарии.

В Киевскую Русь большая часть переводных текстов византийских и славянских авторов приходили именно из Болгарии, с которой она имела тесные экономические, политические и культурные контакты. Этот процесс соответствовал общей тенденции «кочевого» характера средневековой интеллигенции (Д. С. Лихачев), особенно славянской, которая постоянно мигрировала в славянских странах в связи с политической нестабильностью на родине, тем самым расширяя процесс взаимовлияния философских традиций. Например, в 1001–1014 гг. наблюдалась значительная миграция в Киев болгарских книжников, которые бежали от завоевавшего Болгарию Василия II [6].

Необходимо отметить и ряд других фактов, определявших роль Болгарии в процессе становления философской мысли в Киевской Руси. Во-первых, это то, что Болгария воздействовала на Русь только той частью своей культуры, которая подверглась византизации [4]. Во-вторых, отбор византийских источников осуществлялся самими заказчиками переводов и определялся их потребностями, а лишь затем соотносился с современным состоянием византийской мысли. Например, Киевскую Русь и Болгарию не очень волновала схизма 1054 г., и, как следствие, эта проблема не является значимой в славянских переводных и оригинальных текстах.

В целом процесс принятия византийского наследия Болгарией, как и Киевской Русью, можно назвать, по удачному выражению Д. С. Лихачева, «освоением-борьбой». Перенимая византийские традиции, оба государства боролись против политических и религиозных притязаний Константинополя. Опыт болгар в идеологическом обеспечении суверенитета не мог не использоваться Русью, чему способствовали кирилло-мефодиевская традиция и усвоение болгарской письменности.

В целом мы можем сказать, что славянский мир сыграл значительную роль в восприятии Русью византийского наследия, подготовив переводы, адаптируя их к общеславянским реалиям, подав тем самым пример трансляции философских традиций. Значение славянских стран в процессе передачи наследия

Византии велико и отразилось на формировании и развитии всей русской средневековой культуры, философии — в том числе.

Следующий значимый этап влияния славянского мира на уже Московскую Русь XVI–XVI вв. иллюстрируется четкой ориентацией переводов. Перед нами по преимуществу новинки созерцательно-аскетической литературы исихастов или сочинения, ими рекомендованные и им близкие. В это время появляются произведения Григория Синаита и Григория Паламы, а также их жития, произведения патриарха Каллиста, Филофея Синаита, Исаака Сирена, Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова. Печать интереса к христианско-аскетическим темам лежит и на произведениях светского характера, распространявшихся на Руси: на сербской христианизированной «Александрии», на «Повести о Стефаните и Ихнилате», на апокрифической литературе, приходившей из соседних с Русью славянских стран.

В славянском мире, в основном в Болгарии, осуществляются новые переводы уже существующих и вошедших в русскую культуру текстов, что заставляет и русских книжников пересмотреть свои прежние переводы. Так, возникают новые редакции «Служебных миней», «Слов Григория Синаита», «Слов Григория Богослова», «Пандектов Никона Черногорца», «Жития Антония Великого», произведений Илариона Великого, аввы Дорофея, Иоанна Златоуста. Главное, что их отличает, — это влияние идей исихазма и традиций аскетизма.

В Московской Руси появляются тексты, цель которых — помочь в понимании византийских источников. Например, в XIV в. в Сербии составляется словарь к переводу книги «Лествица Иоанна Синайского». Этот словарь в том же XIV в. появляется на Руси и перерабатывается в «Тлькование неудобъ познаваемомъ в писаныхъ рчьемъ».

На Русь из славянских стран поступали не только тексты, приезжают и сами мыслители. Значительную роль играл тот факт, что политическая нестабильность приводила видных деятелей Болгарии, Сербии, других славянских центров в Москву, которая, в свою очередь, активно их приглашала. В большинстве своем это был путь через Афон. Например, Пахомий Серб (Пахомий Лагофет), уроженец Сербии, получил прекрасное образование, посетил Афон, приехал на Русь и внес большой вклад уже в русскую культуру, занимаясь переводами, развивая и распространяя реформу патриарха Евфимия Тырновского. Здесь он пишет свои наиболее известные работы. Аналогичным примером может служить деятельность и Юрия Крижанича.

Юрий Крижанич родился около 1618 г. в городе Бихш (современный город Бихач). Он происходил из древнего хорватского рода, которому в XIII в. был присвоен дворянский чин. Образование он получил домашнее и достаточно хорошее. Затем Юрий поступает в Загребскую католическую семинарию. Окончив семинарию, он стремится пополнить свои знания, путешествуя по Европе: Венская коллегия, венгеро-хорватская колония в Болонье, греческий коллегиум св. Афанасия в Риме. В Граце он получил степень магистра философии, а в 1642 г. защитил докторскую диссертацию в Риме.

Юрий Крижанич всю свою жизнь изучал языки: венгерский, немецкий, латинский, турецкий, итальянский, испанский, греческий. Хорошее знание язы-

ков позволяло ему знакомиться с сочинениями самых разных авторов, в том числе и о Руси. Он изучал труды Сигизмунда Герберштейна («Записки о Московитских делах»), Антонио Поссевино («Московия»), Паоло Джовио. Сочинения последнего вызвали у Юрия Крижанича интерес к России и желание посетить ее с миссионерскими и просветительскими целями. Спустя годы такой случай ему предоставился: в 1647 г. Юрий Крижанич в составе польского посольства выезжает в Москву. Происходит неожиданное: Россию он воспринимает как свою истинную родину. Так, в одном из своих сочинений он пишет: «Меня называют скитальцем, бродягой; но это неправда: я пришел к царю моего племени, пришел к своему народу, в свое отечество, в страну, где единственно мои труды могут иметь употребление и принести пользу, где могут иметь употребление и принести пользу, где могут иметь цену и сбыт мои товары — разумею словари, грамматики, переводы» [2, 412]. Можно вполне согласиться с мнением М. Н. Тихомирова: «Крижанич писал свои сочинения в разные годы и в разных условиях. То, что было написано им во время пребывания в западноевропейских странах, а потом в Речи Посполитой, нельзя ставить в один ряд с тем, что он писал в России. Делать так — значит вырывать сочинения Юрия Крижанича, как и любого другого автора, из конкретной исторической обстановки, из реальной жизни. Нельзя сочинения Крижанича, написанные во время его пребывания в Западной Европе и в Речи Посполитой, а потом в России, рассматривать как единое целое, исходя только из принадлежности и преданности его к католицизму и не учитывая тех больших изменений, которые произошли во взглядах Крижанича во время его жизни в России» [8, 5–6].

В Москве Юрий Крижанич хотел заняться переводческой деятельностью. В связи с этим он рассуждал о возможности написания грамматики и ряда других сочинений по филологическим вопросам. Он привез с собой и изучал латинский лексикон Амвросия Калепина, в Москве же познакомился со славянским переводом этого сочинения, который был сделан Епифанием Славищеским и Арсением Сатановским. Славянский перевод Юрий Крижанич дополнял и расширял. Работа над латино-славянским словарем вызывала живой интерес у Юрия Крижанича и подтолкнула к созданию первой работы, выполненной в России, — «Объяснение выводно о письме словенском». После этого он приступил к написанию «Грамматики». В предисловии к своему труду Юрий Крижанич пишет: «...все без мало объяснено, что к словенскому правописанию относится, насколько я мог найти и рассудить... Составление этого писания дается не догматически, или, попросту говоря, по-учительски, но с критикой, с рассуждением, с подробным объяснением. Можно было бы, конечно, и кратко изложить это дело: просто дать правила, требующие с повелением — одно пишите так, а другое — иначе. Но так как грамматика русская никогда от своего возникновения не подвергалась еще рассмотрению (разве только единственным Смотрицким!), а с течением времени она многими и различными способами изменяется, то и появляется потребность все эти превращения изучить: от кого, как и почему это изменение учинилось...» [5, 93]. Показательно то, что он определяет одной из своих задач показать взаимовлияния славянских языков

друг на друга, а также влияние греческого на славянские языки. Безусловно, задачи, которые ставил Крижанич, были сверхмасштабны для одного человека. И все же это не смущало автора.

В своей работе Юрий Крижанич проводит очень важную и во многом передовую мысль: язык исторически развивается. Более того, этот закон действует для каждого языка. Развитие языка во многом определяется влияниями, которые он испытал, культурными традициями и новациями, которые проявляются в ходе исторического развития страны.

Начинает он свою грамматику с «самого начала». Он пишет следующее: «Точка есть наименьшее знамя в письме; из точек слагается черточка, из черточек — буквы, каковы *a*, *b*, *v*, *g*. Из букв — слоги (гос-по-дин), из слогов — слова (господин), из слов — фразы (начало мудрости есть страх Господен), из фраз — языки (например, греческий и другие), а затем — группы языков (так, славянские языки делятся на шесть: русский, польский, чешский, хорватский, сербский, болгарский)» [5, 95]. Он сравнивает процесс формирования гласных («гласницы») и согласных («негласницы») русского языка с аналогичными процессами в других славянских языках. Заканчивает свою работу Юрий Крижанич разделом об интонациях русской речи, выявляя следующие: возвышение, понижение, долгота, скорость. Показательно то, что Юрий Крижанич излагает материал в виде советов, рекомендаций и т. п., а не в виде указаний.

Со временем у Юрия Крижанича начинаются сложности во взаимоотношениях с московскими властями, и в 1661 г. егосылают в Сибирь — в Тобольск. «Тобольск в это время был отдаленным, но по-своему крупным центром, главным местом управления Сибирию. Он имел немалое значение для торговли с сибирскими народами и народами Средней Азии, с “Бухарами”. Это было место, куда ссылали людей по политическим причинам различного свойства» [8, 6]. Но, несмотря на все тяготы судьбы, в Тобольске Юрий Крижанич пишет ряд новых своих сочинений: «О Божественном пророчестве», «Толкование исторических пророчеств», «О святом крещении» и др.

Судьба славянского мира всегда волновала Юрия Крижанича. Объединение славян, как он считал, обладает большой перспективой. Для объединения важное значение имело создание всеславянского языка, над которым он и начал работать. В основу этого всеславянского языка Юрий Крижанич положил церковнославянский, разговорный русский и литературный хорватский, а также дополнил его рядом слов из украинского, польского и белорусского языков. Некоторые слова он придумал сам. Например, слово «чужебесие» — «излишнее преклонение перед всем иностранным». Идеи всеславянского языка изложил он в трактате «Грамматично изказание об русскому језику».

В качестве лексической основы всеславянского языка Юрий Крижанич использует лексику русского языка, поскольку русский народ, как указывает автор, древнее и знаменитее других славянских народов, которые произошли все от русского. Так, отделившись, часть русского народа пошла на юг (болгары, сербы, хорваты), другие — на запад (чехи, поляки). Русский народ, в большинстве своем, издревле живет на родной земле — на Руси. Грамматический жестрой всеславянского языка по большей части — грамматика хорватского языка.

По сути, Юрий Крижанич является родоначальником сравнительного славянского языкоznания. «Грамматично изказание об русскому језику» — первый труд по сравнительной славянской грамматике, и, что показательно, он создан в Сибири, в Тобольске.

На созданном им самим всеславянском языке Юрий Крижанич пишет, начиная с 1663 г., трактат «Политика» (иной раз он называет свое произведение «Политичны думы» или «Размыщление о народе», «Разговори об владательству»). «Но, конечно, главное значение “Политики” заключается не в том, что она является одним из важнейших источников для понимания русской жизни XVII в. Крижанич выступает перед нами как крупнейший писатель своего времени, как провозвестник славянского единства. Он как бы продолжает развивать те идеи, с которыми в свое время в Сербии выступил знаменитый гуманист XV в. Константин Костенчский» [8, 7]. Трактат «Политика» является уникальным сочинением, так как впервые в истории славянской мысли политика рассматривалась как наука, причем наука благородная, имеющая первостатейное значение для государей и их советников. Свое сочинение Юрий Крижанич посвящает непосредственно царю Алексею Михайловичу. Это и понятно. Ибо в самом начале, в предисловии, автор указывает, что его работа имеет практическое значение — помочь правильно управлять государством. Юрий Крижанич пишет, определяя задачи своего сочинения: «В этих книгах переведены беседы и наставления некоторых знаменитых писателей, писавших о политических делах (т. е. о царских, государственных и народных заботах и промыслах): а именно Филиппа Коминя, Паоло Паруты, Юста Липсия и других... Еще и из разных других книг здесь выписано о том, что подобает для соблюдения чести царского имени и величества. Каково мнение других народов об этом славном царстве (о Руси. — О. И.). Что в своих книгах о нем пишут... Как соседние народы обычно обманывают это преславное государство. Как надо обходиться с ними во время посольств, при переговорах в торговых делах и на войне; как оберегаться от их непрестанных обманов и хитростей, посредством коих они завладевают всеми плодами этой земли и достоянием всего народа. Потому здесь говорится о торговле, о рукодельных промыслах, о земледелии или о пахоте и обо всяких промыслах, что служат обогащению государственной казны и благоденstвию народа. Об укреплении царства, об умножении сил и обо всяких ратных промыслах. О соблюдении чести и достоинства — то, что непременно надо знать, но, мне кажется, доселе никогда не говорилось. О законах и обычаях, и о законопорядке: как он со временем бывает нарушен. Как хорошие порядки беречь, а дурные искоренять» [3, 17–19]. Такова программа сочинения Юрия Крижанича, самим автором определенная. Мы можем сказать, что она более чем обширна.

Юрий Крижанич постоянно сравнивает реалии русского государства с европейскими. Можно согласиться с мнением, что в «Политике» «...Россия впервые ставится лицом к лицу с Западной Европой», а Крижанич выступает с позиций панславизма [2, 412].

Сочинение Юрия Крижанича состоит из трех частей: первая посвящена исследованию экономических средств управления государством, вторая — военным

средствам, третья — мудрости, т. е. духовным средствам. Благо, сила, мудрость — три главных, позитивных принципа, на которых должно базироваться правильно обустроенное общество. Автором предполагается, что правильно правящий царь должен разобрать эти средства и применять их комплексно.

Судя по тексту, Юрий Крижанич был знаком с концепциями античных мыслителей (Платон, Аристотель, Цицерон), работой голландского правоведа и филолога Юста Липсия «Политические поучения и примеры», с мемуарами известного политического деятеля Франции Филиппа Комина. Юрий Крижанич демонстрирует хорошее знание истории России.

Свою деятельность он соотносит с природными дарами, данными человеку Творцом. Так, в своем трактате он пишет: «...человеку от рождения даны два дара, которых лишены бессловесные животные: разум — чтобы [он] мог научиться мудрости, и руки — чтобы мог делать мудреные или искусные вещи... Мудростью называется знание наиважнейших и наивысших вещей. А именно: о Боге, о небе, о земле, о человеческих нравах, о законопорядке и обо всяких великих, господских, премного важных и необходимых вещах... Философия или мудролюбие — это греческое и неудобное для нашего языка слово, и по нашему правильнее [будет] называть ее “заботой [о мудрости]” и “желанием мудрости”, а философа [звать] — “рачителем мудрости”... Из всего, что доселе было сказано, явствует, что философствовать или мудрствовать [это] не что иное, как думать о причинах всяких вещей и выяснить, отчего, из чего, каким образом и для чего происходит то или это» [3, 133–141].

В рассуждениях Юрия Крижанича сказывается традиция античного видения философии. К примеру, он пишет, что «...всякий разумный муж должен быть философом в тех делах, которыми он занимается, особенно [если он] политик или какой-либо начальник. Если начальник хочет верно судить о вещах, он действительно должен понять причины многих и премногих вещей. Ибо никто не судит верно о какой-либо вещи, если не знает, от какого корня и вершины она происходит или отчего, из чего, как и для чего она сотворена. Короче говоря, философия — это не [особое] искусство или наука, а скорее тщательная и обдуманная рассудительность или опытность в суждении о всех вещах. Ибо философия учит правильно судить обо всех вещах, не ошибаться и не заблуждаться. Философ и ничего не знает, и знает все. Подлинный философ ничего не умеет делать и обо всем может судить» [Там же, 143].

И все же, что значит знать? По мнению Юрия Крижанича, знание есть понимание причин вещей, а знать — значит понять причины вещи, ибо кто не знает причин — не знает и самой вещи. Вещи познаются по их причинам. Знания дают ощущение покоя. Например, если кто знает причины лунных или солнечных затмений, то не боится их, не сочиняет небылицы о возможных их последствиях. Знающий в данном случае понимает, что затмения происходят вследствие движения небесных тел по отношению друг к другу.

Юрий Крижанич уделяет внимание рассмотрению таких философских понятий, как причина, следствие, материал, форма, цель и т. п. Он пишет, что причиной является то, от чего или из-за чего что-либо происходит. В то время как следствие есть то, что происходит от причины или из-за нее. Четыре основ-

ные причины всего: творец, материал, форма и цель. Есть и второстепенные причины: орудия, условия, например. Он разъясняет свои утверждения следующим образом: «Творящая причина — та, что творит, создает, делает, порождает. Например, творящая причина горшка — гончар, меча — кузнец, дома — плотник. Материальная причина — то, из чего что-либо состоит. Например, материал горшка — глина, меча — железо, дома — дерево. Формальная причина — тот вид или то качество, благодаря которому всякая вещь является самою собой и без которого [она] не может существовать. Например, свойством горшка является его округлость и пригодность для варки [пищи], свойством меча — длина и острота, подобающая для рубки, свойства дома — пригодность для людского жилья. Конечная причина — то, ради чего что-либо существует. Например, цель горшка — варка, меча — рубка, дома — жилье. Производящая причина — это всякое орудие, оружие, посуда, с помощью которых что-либо производится. Например, производящей причиной для горшка является гончарный круг, для меча — молот и клещи, для дома — топор, пила и прочее. Содействующая причина — то, что облегчает, дает повод или является условием для создания чего-либо. Например: битва — условие для [проявления] воинской храбости...» [3, 142].

Эти тезисы должен учитывать всякий приступающий к познанию любого объекта. Но часто познание затрудняется тем, что сам процесс не идет «как по маслу». Тогда нужно учитывать следующее. Познающий, «...[там], где причина будет неведома, он познает ее через следствия. Так, по результатам алхимии он поймет, что она лжива. Скажет [он] так: “алхимия испокон веков никого не сделала богатым, но несчетное [множество людей] сделала нищими. Следовательно, алхимия — это не истинное средство обогащения, а обман и соблазн”» [Там же, 143].

Каждый разумный человек, по мнению Юрия Крижанича, должен опираться на изложенные им понятия. Тем более если человек хочет занять высокое общественное положение, служить государству и правительству, он должен изучать философию и следовать ее указаниям, применяя опыт философского познания к познанию всего окружающего его мира. В связи с подобными установками Юрий Крижанич уточняет следующее: «..философия — это не [особое] искусство или наука, а скорее тщательная и обдуманная рассудительность или опытность в суждении о всех вещах. Ибо философия учит правильно судить обо всех вещах, не ошибаться и не заблуждаться» [Там же, 143].

Юрий Крижанич подчеркивает неоднократно мысль о том, что славянские народы так же способны к наукам, как и другие. Более того, построение истинного царства в России является залогом распространения наук, искусств, просвещения. Юрий Крижанич предлагает свою классификацию наук, в логике которой явно проявляется знание автором европейских взглядов по данному вопросу. Выглядит она следующим образом: «Во-первых, мудрость можно разделить на две части: одна [из них] мудрость духовная, а другая — мирская. Во-вторых, духовная мудрость именуется богословием, и у нее есть свои подразделения, о коих мы здесь умолчим. Мирская мудрость разделяется на три части: на философию, математику и механику. В-третьих, механика

или рукоделие и промысел включает в себя рукодельное ремесло, и земледелие, и торговлю. Математика (или дивное учение) включает в себя музыку, арифметику, геометрию и астрономию, то есть искусство музыкальной игры и счета, землемерие и звездочетство. Философия включает в себя логику, физику и этику. А логика (или наука о беседах) включает грамматику, диалектику, риторику и поэтику. К физике относится врачевание и изучение разных тел: руд, камней, деревьев, трав, животных и всех прочих этих видимых вещей. Этика (или наука о нравственности) включает идиоэтику (или науку о личной нравственности), которая учит, как должен вести себя каждый человек, экономию (или науку о хозяйстве), которая учит управлять домом или челядью, и политику (или науку об управлении народом и королевскую мудрость), которая учит справедливо, славно и достойно управлять народами, городами и странами...» [3, 143–144].

Но наиболее достойна внимания и уважения такая наука, как политика, или «королевская мудрость». В основу политики как науки должны быть положены две пословицы: «Познай самого себя» и «Не верь чужестранцам». Что это значит? Юрий Крижанич отвечает следующим образом: «Как политик познает самого себя. Итак, королевский советник должен прежде всего познать природные качества своего народа, то есть [его] природный нрав, таланты и недостатки, достоинства и пороки и все, к чему наши люди от рождения способны или не способны. Он должен оценить, и сравнить, и сопоставить обличие, склад, одежду, нравы и богатство иных народов и нашего народа. Во-вторых, познать природные условия нашей страны или богатство и бедность наших полей: чем земля обильна, чем [она] бедна и чего лишена, что могла бы и чего не может уродить. В-третьих, познать наше житие: чем оно бедно и чем славно, а сравнив его с житием других народов и установив, в чем наше житие может считаться беднее, а в чем славнее жития соседних народов. В-четвертых, познать силу и слабость нашу: в чем мы сильнее и в чем слабее того или иного народа. В-пятых, познать отечественное правление или отечественные законы и обычай и древнее и нынешнее состояние народа: что в законах, в обычаях и стародавних государевых указах установлено хорошо и что — плохо. В-шестых, познать силу и слабость всего королевства: что безопасно и что опасно для королевства, кто наши соседи, друзья [и] враги, каковы их силы, желания и думы, какая польза и какой вред нам от них обычно бывает или может еще быть впередь. В-седьмых, познать способ использования своего богатства или знать, как пользоваться своим добром, которое от природы дано богом народу и земле нашей, и уметь сохранять его. То есть надо направлять умы и руки подданных ко всему тому, на что они пригодны и способны и что может быть полезным для народного блага. А землю возделывать так, чтобы мы взяли от нее все плоды, какие она только может уродить. В-восьмых, скрывать от иных народов тайны народа и королевства нашего. Скрывать неискусность и всякие общие пороки нашего племени. Соблюдать достоинство и славу народную. В-девятых, уметь различать разные советы. Ибо некоторые советы, полезные какому-либо иному народу, могли бы и нам быть полезны. А иные советы полезны для других народов, а для нас были бы вредны. Иные [советы] для

других вредны, а для нас могли бы быть полезны. Все это можно понять благодаря обдумыванию причин» [3, 146–147].

Показательны его комментарии к собственным вышеприведенным высказываниям: «Если бы наши древние славянские правители познали силу своего народа и [понимали], против каких народов было бы справедливо и полезно ее направить, [они] могли бы сделать чудеса. Ибо народ наш — один из самых простодушных, и поэтому [он] менее заносчив, меньше противится начальникам и [его] легче уговорить принять участие в погибельных ратях, нежели иные европейские народы. Далее, если бы мы поняли и оценили свое невежество и тупость своего ума, мы бы, конечно, отродясь не стали вступать в такое множество дел, переговоров, браков, торгов и всяких разговоров с другими, более хитрыми народами, как мы это сделали. И никогда бы мы не были столь многократно обмануты и осмеяны всеми народами, словно глупцы, и были бы свободны от многих бед, которые ныне мы должны терпеть» [Там же, 148].

Интересно то, что Юрий Крижанич, говоря о необходимости с научной стороны исследовать такой вопрос, как жизнь народа, для этой цели предлагают изучать «обличье», язык, одежду и другие приметы, из коих познаются врожденные качества и способности народов.

Размышляя о мудрости, Юрий Крижанич вновь возвращается к вопросу о языке. Он утверждает, что совершенство языка есть орудие мудрости, более того — ее признак. Развитие языка идет параллельно с развитием торговли и ремесел, а порой — определяет их. Поэтому развитие, модернизация языка есть задача государственная, ибо превосходство в языке ведет к политическим, экономическим достижениям. Иначе и быть не может, «...ибо чего не можем назвать словами, того мы не можем и придумать как следует» [Там же, 188].

Итак, познание ведет нас к пониманию общественного устройства и того, как его преобразовать в лучшую сторону. Юрий Крижанич пишет о том, что необходимо усвоить факт: государство состоит из многих, порой противоречивых, элементов. Борьба противоположных начал в государстве ведет к распаду, разрушению его. Поэтому необходимо осознать, по каким причинам возникают «болезни» государства. Юрий Крижанич указывает на следующие: «1) Если королевство попадает под власть иных народов... 2) Если нужно будет платить дань какому-либо иному народу. 3) Если в договорах, в торговых и иных делах народ наш будет хитростью обманут соседними народами и обнищает. 4) Если не будет справедливого суда и управы, если злодеи свободно злодействуют, а сильные слабых обзывают. 5) Если в королевстве будут алчные люди и безбожные законы или раздоры и обиды, из-за коих людям всегда придется жить в печали и вздыхать и жаждать перемен. 6) Если в наших делах будет какая-нибудь неудача, из-за кой весь народ потерпит убыток и поношение, злую славу и хулу. Все это приносит народу зло, от которого всегда должно предохранять государево попечение...» [Там же, 19–20].

Идеал правителя — мудрый правитель. Например, мудрость заключается в том, чтобы не довольствоваться тем, что правитель получил в наследство, но прилагать все силы, чтобы государство все время богатело, становилось сильнее, могущественнее. Правитель должен помнить о четырех столпах правильно

устроенного государства: о благочестии, богатстве, силе и мудрости. Благочестие укрепляет душу, остальные истины — тело. При этом важно для правителя постоянно придерживаться следующего правила: «Честь, слава, долг и обязанность короля — сделать свой народ счастливым. Ведь не королевства для королей, а короли для королевств созданы» [3, 31].

Богатство правителя заключается не столько в обширности его страны, сколько в многолюдности. Но главное, что укрепляет страну, — правильные законы и их соблюдение. Вообще, пишет Юрий Крижанич, связь между хорошими законами и многонаселенностью в стране — самая прямая. Аналогично рассуждает Юрий Крижанич и о богатстве правителя: «О, как заблуждаются те, что мнят, будто достоинство государства зависит более всего от богатства казны, даже если государство будет нищим» [Там же, 23]. Только благосостояние всех подданных может быть залогом расцвета государства.

Важным для правителя является правильно выстроенная политика с иностранными государствами. Он не должен допускать, чтобы интересы иных стран и народов были важнее своих. В политике правитель должен опираться на своих подданных.

Залог процветания государства — правильно выстроенная экономика, которая должна базироваться на развитии промыслов. Юрий Крижанич подчеркивает: важно помнить, что «...справедливыми называются такие промыслы, когда мы извлекаем всю пользу, которую можно получить от нашей земли и от соседних народов, разумными, богообязненными или милосердными и хорошими средствами...» [Там же, 30]. При этом не менее важен и следующий принцип: «Всякий надежный доход должен быть основан на труде и поте, приумножаться постепенно и терпеливо, и принимать его следует справедливо и достойно. Неумеренная роскошь приносит телу болезни, неумеренное богатство порождает нищету: то есть за чрезмерными сборами в казну следует запустение страны. Умеренность приносит наилучшие доходы» [Там же, 31]. Он классифицирует промыслы следующим образом: земледелие, ремесло, торговля, хозяйство.

Для успешного ведения торговли, ремесел и т. п. в России необходимо повысить общий уровень образования, а также было бы крайне полезно изучить запасы, недра страны, исследовать ее возможности и перспективы. Но еще более важно — использовать имеющиеся знания о возможностях своей страны, применять их на практике: в земледелии и т. п. Юрий Крижанич пишет: «Для развития и для совершенствования земледелия надо было бы вкратце перевести некоторые хорошие книги, в которых написано обо всем этом и перечислены все злаки, бобы, коренья, травы, семена, цветы, деревья, камни, руды, минералы, живность и [сказано,] из каких частей они состоят и какую пользу приносят. И как и в какое время надо за ними смотреть и ухаживать, и как сохранять [их] и употреблять... Хорошо было бы послать по всему царству наблюдателей или — еще лучше — приказать державникам, чтобы они искали и пробовали и узнавали, где в изобилии растут либо могут расти злаки, травы, деревья или такие растения, как лен, конопля, хмель, мед, капуста, лук и иное, либо где в изобилии плодятся овцы, кони, волы, свинья, рыба. А крестьянам и

жителям приказать, чтобы они со всем усердием позаботились о возделывании и разведении этих вещей и смогли побольше [их] продать» [3, 70].

Недоброжелатели России и всего славянского мира говорят, что славянские народы — отсталые, не способные к учению. Это ложь. «Так пусть же никто не говорит, что нам, славянам, волею небес заказан путь к знаниям и будто бы мы не можем или не должны им учиться. Ведь так же, как и остальные народы, не за день и не за год, а постепенно учились друг у друга, так и мы можем научиться, если приложим желание и старание. Более того, мы считаем, что именно сейчас пришло время нашему народу учиться наукам. Ибо в сие время Бог по своему милосердию и щедрости вознес на Руси славу, силу и величие славянского королевства так высоко, что в прошедшие века у нашего народа никогда не бывало столь славного королевства. И у иных народов мы видим, что в то время когда какое-либо королевство достигало наибольшего своего величия, в то же самое время у этого народа начинали расцветать и науки» [Там же, 136]. Юрий Крижанич приводит примеры из истории, подтверждающие его тезис, что мудрое правление всегда ведет к экономическому расцвету, а также к прогрессу в области наук и искусств. Он возлагает большие надежды на царя Алексея Михайловича, который обязательно поведет свою страну к свету знаний и благодеяния.

Историософская позиция Юрия Крижанича выражалась в следующем положении: историей правит провиденциализм, который реализуется через исторические деяния отдельных народов. В современной ситуации таким народом является русский народ, который должен сплотить все славянские народы и построить славянскую цивилизацию.

Славянский народ, по Юрию Крижаничу, состоит из шести «племен»: русские, поляки, чехи, болгары, сербы, хорваты. Две основные причины называет автор, которые умаляют авторитет славянских народов в мире: невежество в науках, поклонение всему иностранному. И в большинстве своем сами славянские народы виноваты в том, что к ним европейцы относятся с презрением, ибо допускают владычества над собой иных народов и не хотят активно развиваться, живут в невежестве. Все надежды на прогрессивное развитие славянского мира Юрий Крижанич возлагает на русское государство. Для того чтобы Россия исполнила свою великую миссию, необходимо провести в ней экономические и политические реформы. При этом Юрий Крижанич считает, что наиболее идеальной формой правления для России и вообще для любого государства является абсолютное самодержавие. Самодержавие — «...это жезл Моисеев, которым царь-государь может творить все необходимые чудеса. При таком строе правления легко могут быть исправлены все ошибки, недостатки и извращения и могут быть введены всякие благие законы. Мы [правильно] воспримем это благодеяние, если будем во всем покорны царю-государю, как Божьему наместнику...» [Там же, 174]. Государь должен дать, добавляет Юрий Крижанич, со словиям соответствующие им привилегии, дабы возвысить их в глазах народа и тем самым отстранить иностранцев от участия в управлении государством русским. Перечисляя и рассматривая недостатки русского народа, Юрий Крижанич указывает, что исправлены они вполне могут быть волею царя. И опять

неоднократно звучит проповедь абсолютного самодержавия. Как пишет Юрий Крижанич, «...прежде всего надо знать, что король нужен народу, как сердце в груди и как очи на теле... Король — пастырь человеческий... Все законные короли поставлены не сами собой и не людьми, а Богом... Правитель — наместник и слуга Божий, и судья над злодеями... Король подобен Богу на земле... Когда король вершил суд, Бог руководит им, чтобы он не ошибся» [3, 274–275]. Подчинение правителю — залог процветания страны. Причем комментируется этот тезис Юрием Крижаничем следующим образом: «...король вправе брать десятину с нив, виноградников и стад. Справедливо также, чтобы король был и слыл господином, а подданные были его рабами. Однако отнимать силой нивы, виноградники и рабов [своих] подданных — несправедливо. Но все, что делают короли, будь то справедливо или несправедливо, Самуил называет королевским правом» [Там же, 275]. Библейское подтверждение этого тезиса только усиливает, по мнению Юрия Крижанича, его верность.

Подчинение правителю должно быть абсолютным: «Никому не дозволено проклинать короля, хотя бы и несправедливого... Никто не может отказаться служить королю или изменить ему, хотя бы король и был несправедливым... Никто не может наказать помазанного короля или поднять на него свою руку. Ибо король — наместник, и помазанник, и угодник Божий» [Там же, 276]. Если же правитель несправедлив, зол, то народ должен понимать, что это Бог наказывает им подданных за их грехи. Поэтому необходимо исправиться, и тогда правитель будет иным. Подданные должны быть покорными правителю.

Государство состоит из сословий, и это вполне закономерно. «Сословия и разряды людей различны и складываются в соответствии с различными обязанностями людей. Ведь никто не живет для себя, как говорит апостол, то есть никто не рожден для того, чтобы жить только для себя и заботиться только о своих удовольствиях. Но каждый человек должен делать какое-либо дело, которое будет полезным и для всех людей, и зарабатывать себе на хлеб. А дело, которое кто-либо делает для общего блага и с помощью которого зарабатывает или заслуживает свой хлеб, называется “обязанностью”» [Там же, 278]. По свойствам обязанностей выделяются три сословия: церковное, благородное, простой народ. Обязанности церковного сословия (епископы, священники, монахи) — богослужение и духовное воспитание, благородного сословия (князья, должностные лица, военачальники) — объяснять волю царя и помогать ему в управлении государством, простого народа (люди на жаловании, торговцы, ремесленники, земледельцы) — трудиться. В каждом сословии есть «вредные члены», те, от которых проис текают беды. Например, в церковном сословии таковыми могут быть еретики, волхвы и т. п.

Юрий Крижанич с болью в сердце пишет: «Все народы проклинают чужевладство, признают его одним из наихудших зол и несчастий и считают его самым большим позором. Одни лишь мы, славяне, этого не понимаем» [Там же, 205]. Именно эту ситуацию должна переломить своей исторической миссией Россия, она должна объединить все славянские народы и освободить их от гнета иноземцев.

В 1676 г., в связи со вступлением на престол Федора Алексеевича, Юрий Крижанич получает возможность вернуться из Сибири в Москву. Россию он покинул в 1678 г. Погиб Юрий Крижанич, находясь в польском войске и защищая Вену в 1683 г., когда Кара Мустафа штурмовал город.

Знала ли Россия о сочинениях Юрия Крижанича? В своей работе И. Бадалич указывает на данные о том, что с работами Юрия Крижанича были знакомы видные представители русского правительства и знати (Б. И. Морозов, Ф. М. Ртищев, А. Л. Ордин-Нащокин, Артамон С. Матвеев), что его сочинения были представлены в личной библиотеке Петра Великого [1]. Обращаясь же к известному трактату И. Т. Посошкова «Книга о скудости и богатстве» (1724), мы можем видеть явные текстовые параллели с «Политикой» Юрия Крижанича. Прав И. Бадалич, утверждая следующее: «...заговорили одним языком науки Юрий Крижанич, ученый и дворянин западноевропейского пошиба, доктор философии и католический священник, с Иваном Тихоновичем Посошковым, православным подмосковным крестьянином-выучкой. И заговорили... в унисон не только о принципиальных вопросах, но и о второстепенных, о которых можно думать так или иначе. Заговорили и о таких вопросах, о каких раньше Крижанича рассуждали редчайшие прогрессивные экономисты Запада (например, о введении цехового устройства и т. п.). Такие совпадения обоих произведений в плане второстепенных тем и их решений приводят нас к заключению, что совпадения эти мы должны объяснять как последствие знакомства автора «Книги о скудости и богатстве» с «Политикой» Крижанича» [Там же, 402–403].

Кем был Юрий Крижанич для России? «Крижанич был в России и чужой, и свой: чужой по происхождению и воспитанию, свой по племенным симпатиям и политическим упованиям. Он ехал в Москву не просто наблюдать, а проповедовать, пропагандировать всеславянскую идею и звать на борьбу за нее» [2, 413]. С. М. Соловьев писал, что, изучая программу Юрия Крижанича, политическую в первую очередь, «...всякому легко может показаться, что Петр Великий в своей преобразовательной деятельности находился под влиянием этой программы. Мы далеки от мысли предполагать здесь непосредственное влияние; но сравнение программы Крижанича с деятельностью Петра очень важно: оно ясно показывает, что пути преобразования, избранные Петром, не были следствием его личного произвола, его личных взглядов, а были следствием общих взглядов тогдашних лучших людей, тогдашних авторитетов» [7, 381].

Впервые «Политика» была опубликована в 1859 г. в качестве приложения в шести томах к журналу «Русская беседа» под названием «Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. А. Безсонов». Сочинение и сегодня представляет интерес своими идеями, а не только как исторический раритет. Показательно то, что этот интересный трактат автор создал в тобольской ссылке и в тексте отражены реалии жизни в Тобольске. Но в целом мы также отчетливо можем видеть стремление автора подняться над суетой сегодняшнего дня и посмотреть в день завтрашний. Жизнь и сочинения Юрия Крижанича иллюстрируют не

просто контакты Руси и славянского мира, а процесс взаимопроникновения идей, традиций.

1. *Бадалич И.* Юрий Крижанич — предшественник Ивана Тихоновича Погошкова // Труды Отдела древнерусской литературы / ред. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. М. ; Л., 1963. Т. XIX. С. 391–403.
2. *Ключевский В. О.* Русская история: Полный курс лекций. М., 2004.
3. *Крижанич Ю.* Политика. М., 1997.
4. *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII вв. // Лихачев Д. С. Избр. произведения : в 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 20–250.
5. *Пушкин Л. Н.* Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества. М., 1984.
6. *Рыков Ю. Д., Турцов А. А.* Неизвестный эпизод болгаро-византийско-русских связей XI в. (киевский писатель Григорий Философ) // Древнейшие государства на территории СССР : материалы и исследования. М., 1982. С. 170–176.
7. *Соловьев С. М.* Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.
8. *Тихомиров М. Н.* От редакции // Крижанич Ю. Политика. М., 1965.
9. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Киев, 1991.

Рукопись поступила в редакцию 15 марта 2012 г.

УДК 141.1(470) + 1(091)

С. А. Азаренко

РУССКОЕ ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ И ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОСТИ

В статье рассматривается топология русского философствования, которое совершается в терминах телесности и совместности. В топологии процесс человеческого события анализируется в качестве телесного взаимодействия, порождающего определенные места и совместности социального мира. Совместность у многих русских мыслителей анализируется как на уровне малой, так и большой групп, общение которых осуществляется в рамках повседневного символического пространства-времени. В статье делается вывод, что такой подход русских мыслителей является собой рабочую модель социальности, вполне сопоставимую с тем, что имеет место в современной феноменологии и топологии.

Ключевые слова: телесность, местность, совместность, социальная топология, социальное пространство и время, социальные практики и техники.

В современной западной философии (от Э. Гуссерля до Ж.-Л. Нанси и др.) активно развиваются темы телесности и совместности в контексте социальной онтологии. Когда же мы обращаемся к русскому философствованию, то обнаруживаем, что тема совместности (соборности) являлась для него исходной идеей, а проблематика телесности, с которой оно работало, до сих пор не утратила своей актуальности. Согласно современной философии (а мы прежде все-

го имеем в виду социальную феноменологию и социально-топологическую философию), пережившей лингвистический и онтологический повороты, процесс порождения и воспроизведения совместности происходит в ходе регулярного телесного взаимодействия между людьми посредством определенной социальной практики, благодаря которой порождается определенное со-общение, способствующее при-общению людей к своему со-обществу с определенными представлениями и ценностями. Данный процесс рассматривается через конфигурирование его онтологических составляющих, таких, как телесность, местность и совместность.

В достаточной степени концептуально и развернуто онтология телесности и совместности представлена в сочинениях Ф. М. Достоевского, П. Флоренского, но особенно у Л. П. Карсавина. У последнего она оказалась сопоставимой в некоторых отношениях, с одной стороны, с фундаментальной онтологией М. Хайдеггера, а с другой — с современной феноменологией в ее обращении к повседневности, социальной психологии, символическому пространству, автобиографиям и публицистике (А. Шюц, Б. Вальденфельс, П. Бергер, Т. Лукман, П. Бурдье, Ж.-Л. Нанси и др.).

Рассмотрение темы соборности позволило русским мыслителям подступиться к социально-топологической проблематике, т. е. к проблематике совместности, к поиску механизмов того, как осуществляется «собирание» людей (социальный аспект) в определенной «местности» (онтологический аспект всеединства). Уже у А. С. Хомякова мы находим интересные соображения в этом отношении. Он отмечал, что славянские первоучители для передачи греческого слова *кафолический* избрали слово *соборный*. Они остановились на этом слове, поскольку собор выражает идею собрания не только в смысле проявленного, видимого соединения многих в каком-либо месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого соединения, иными словами, выражает идею единства во множестве [8, 279].

А. Ф. Лосев обращал внимание на то, что если попытаться выделить главную идею философии Соловьева, то это будет идея о *духовной телесности* [5, 91]. Из этой идеи можно вывести все остальные основные идеи Соловьева, среди которых наиболее выдающиеся — идея Всеединства и Богочеловечества, идея преображения тела и духа и идея Церкви как Тела Христова. Реальные материя и тело утратили святость Мировой души, но сохранили элементы Всеединства, и поэтому для человека есть сущностная потребность в аскезе, которая способствует возвышению духа за счет тела, через воскрешение, освящение и усмирение тела. Идеи сами по себе бестелесны и безжизненны, а плоть и материя грешны и бессмысленны. Все живое в природе нуждается в воскресении, восстановлении и преображении. Этим преображением, по Соловьеву, должно явиться полное одухотворение материи и полная материализация идеи. Уже в нашем мире постепенно происходит данный процесс. В процессе эволюции в неорганическом мире уже случилось преображение темного и саморазлагающегося вещества, например угля в алмаз (хотя они одинаковы по химическому составу). То же самое можно наблюдать и в органическом и человеческом мире: постепенное изменение материи, в переходе, например, от

темных серых облаков к безоблачному голубому дню с его светилом, сверкающим символам Всеединства, от отвратительной слизи первичных организмов — к красоте женского тела. В конце всего должно совершиться полное и окончательное воссоединение злого и разорванного бытия: воскресение мертвых, воскресение плоти и освящение всего мира.

П. Флоренский при объяснении процесса порождения культуры также исходит из тела и предлагает концепцию органопроекции. Фактически он показывает рождение «духовного» тела культуры. Он исходит из проектирующего действия самого человека в «органопроектировании». Созидающее существо человека Флоренский видит как в действии порождения «орудий», так и в «соборном» взаимодействии «сочиняющих» друг друга людей. Ключевой идеей концепции органопроекции Флоренского является удвоение человеческого тела. Живое тело есть первообраз всякой техники. По Флоренскому, на «основе» руки органически появляются различные предметы техники [7, 132]. И наконец, Флоренский предлагает обратиться к тому синтетическому орудию, которое объединяет в себе все орудия. Это орудие орудий есть помещение, дом. В доме, как средоточии, собраны все орудия. Что же есть проекция дома? Если каждое орудие порознь есть проекция какого-либо органа нашего тела с той или другой его стороны, то вся совокупность хозяйства, как одно организованное целое, есть проекция всей совокупности органов. Следовательно, дом есть размещение, а точнее, помещение всего человеческого тела в окружающем пространстве. Возможно, это в конечном итоге потому, что мир и человек у Флоренского обладают родством и представляют собой единство макро- и микрокосма.

У Л. П. Карсавина можно найти продолжение обоснования онтологической и подвижной структуры совместности как соборности. Он представляет ее в качестве симфонической личности, которую он толкует в терминах телесности. В его концепции по существу получает продолжение конкретизация понимания того, что собой представляет «духовное» тело. Он отмечает, что «индивидуальное тело существует не само по себе, но — как момент социального и симфонического тела» [3, 139]. В теле всякой социальной личности должны быть и животность, и вещность; равным образом — и в теле всякой индивидуальной личности. Быть вещным — значит «качествоовать» не только индивидуальной и социальной пространственностью, но и пространственностью физической, т. е. актуально обладать протяжением и объемом. «Мое» тело нерасторжимо связано с другими телами; оно окружено и отягчено инобытием. Соотнесенность моего тела с инобытиями ему телами, топологически подчеркивает Карсавин, не внешнее их соположение или соприкосновение, но их взаимопроникновение и взаимослияние. В моем теле есть инобытия ему телесность, в инобытийной телесности — моя. Мое пространственно-телесное бытие выходит за границы моего биологического организма. Все, что я познаю, вспоминаю и даже только воображаю, является «моим» телесностью, хотя и не только моим, но еще и мне инобытием.

Согласно Карсавину внешнее тело индивидуальной личности — это тело симфонической личности мира, поскольку оно специфически осуществляется индивидуальной личностью, и тела других индивидуаций мира, поскольку они

индивидуальной личностью осуществляются, осваиваются и в ее теле переходят. Тело, по Карсавину, *постоянно изменяется*: частицы других тел становятся им, а его частицы — другими телами. Оно изменяется и по форме: то сжимается, то расширяется. «Но оно несводимо к данному своему очертанию, ибо является всевременно-всепространственным телом личности: ее телесным процессом и единством, целым этого процесса, что не препятствует ему в каждый миг времени быть вполне определеною пространственною величиною, в определенном умалении содержащею свое прошлое и свое будущее» [3, 146]. Карсавин подчеркивает, что, как единство самого моего тела, дух ему не противостоит, но он и оно — одна и единственная моя личность: единственная в качестве духа, множественная и разъединенная в качестве тела.

Таким образом, концепция совместности Карсавина позволяет отчетливо видеть, насколько взаимосвязаны, взаимослияны и взаимозависимы все субъекты (а в качестве таковых у него выступают и семья, и общество, и нация, и мир) мира и какой, стало быть, равноценностью обладают все культуры и эпохи.

Онтологическая глубина мысли Карсавина в рассмотрении совместности сближает его с Хайдеггером. Сближение этих двух мыслителей нам представляется возможным уже ввиду их принадлежности к онтологии языка. Русскую философию часто упрекали за отсутствие исследовательского метода. Между тем упускаются из виду описательные возможности русского языка. Можно полагать, что принадлежность к языку с такой онтологической глубиной как бы «вытесняла» потребность у русского мышления в каком-то отдельном рациональном методе, будь то метод диалектический или феноменологический. Метод, которым пользуется Карсавин (что, по-видимому, характерно для русского философствования в целом, невзирая на ее интерес к диалектике или феноменологии), связан с онтологией языка (русского языка) и с историческим рассмотрением предметности. Хайдеггер долгое время утверждал, что самыми философскими языками являлись древнегреческий и немецкий, но в какой-то момент, познакомившись с русским языком, он и за ним стал утверждать этот статус. И сам немецкий мыслитель, в пору своего зрелого философствования, перешел к герменевтическому методу, то есть к анализу того содержания, которое заложено в онтологии языка. Согласно Хайдеггеру сущность языка выводится из его местопребывания. Пребывание же языка обнаруживается в говорении. При этом за словом стоят у-словия бытия, а вещи обретают способность вещать.

В. Эрн убедительно доказывал, что основание западноевропейской философии лежит в *ratio*, а русская философская мысль, развивавшаяся на основе греко-православных представлений, в свою очередь, кладет в основание всего Логос. Логос есть принцип, имманентный вещам, и всякая гес таит в себе скрытое, сокровенное Слово. И в то же время Логос извечно существует в Себе. Сотворенный в Нем мир символически знаменует Ипостась Сына, уходящую в присносущную тайну Божества. Отсюда, по Эрну, онтологическая концепция истины, чрезвычайно характерная для «логизма». Истина не есть какое-то соответствие чего-то с чем-то, как полагает рационализм. Истина онтологична. Познание истины мыслимо только как сознание своего бытия в Истине. Вся-

кое усвоение истины не теоретично, а практически. Теория познания «логизма» динамична. Отсюда беспредельность познания и отсутствие горизонтов [9, 79].

Под Логосом здесь понимается скорее не научное, а художественное или даже публицистическое слово. Лосев отмечал, что русская философия, в отличие от европейской, представляет собой такое интуитивное познание, которое осуществляется не посредством понятий, «а только в символе, в образе, посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности» [5, 74]. Русская философия неразрывно связана с жизнью, и поэтому она часто является в виде публицистики. Раскрывая онтологическое существование Логоса в «Бытии и времени», М. Хайдеггер фактически подступает к раскрытию его социально-топологической сути. В самом деле, как данность социальности, язык является оттиском с различных ракурсов телесного взаимодействия людей в их совместной жизнедеятельности. Функционирование совместности осуществляется в собирании и рассеянии, в открываемости и закрываемости, в сжимании и расширении. Язык дублирует телесные взаимодействия, в нем действуют «логосы» и «полемосы» в качестве лингвистических структур [1, 365].

Хайдеггер инициировал разработку темы совместности такими современными исследователями социальности, как П. Бурдье и Ж.-Л. Нанси. Согласно Ж.-Л. Нанси бытие не является общим в смысле общей собственности, но оно совместно. Таким образом, онтологию необходимо понимать как принадлежащую сообществу. Совместность выступает в качестве фактической изначальности, и логика «с», «со» или «со-общая» — это логика предела того, что пребывает между двумя или множеством, находящимися в одном пространстве и в одно время. Здесь имеет место логика открытости, реализующаяся через «обращение к...». Этот способ бытия или существования означает, что нет всеобщего бытия и общей субстанции, но есть бытие-в-месте.

Интересно в этой связи сопоставление позиций Нанси и Карсавина в отношении анализа того, как взаимно полагают друг друга такие составляющие социального бытия, как телесность, местность и совместность.

У обоих мыслителей господствует идея «взаимо обращенности» «мест» и «тел», которая очерчивает моделирование социальных тел в пространственно-временных координациях [6]. Самоданность отдельного тела существует только в качестве «обращенности» с другим телом. Мы видим, что и тот и другой мыслитель социальность сводят к «взаимодействиям» и без внимания оставляют то, что обуславливает их функционирование в качестве практик и техник. Вместе с тем у названных мыслителей мы находим только приближение к рассмотрению тех «структурирующих структур», которые обуславливают социальную реальность.

В самом деле, человек всегда живет уже внутри понятых им отношений, в некоторой досознательной области, которую можно понимать только из совместной практики людей. Человек действует в осмысленном пространстве, он определяем смыслом совместных действий, несводимых к следованию правилам. Взаимодействие понимается не по конечным состояниям, а из него самого, т. е. из того «между», которое воплощено в телесностях. Можно согласиться с Ж.-Л. Нанси, что смысл всегда разделяем, сообщаем, коммуницируем, ина-

че — по определению совместен. Смысл составляет отношение к себе как соотнесенному с другим. Со-вместность уже подразумевает отчетливое разделение смысла, в результате которого зарождается со-общество. Нанси доходит до того, что возводит единство людей, совершающих путешествие в одном купе, до идеальной модели совместности. Несколько человек оказываются случайным образом рядом друг с другом. Между ними нет никаких отношений. Но они равным образом составляют совокупность в качестве пассажиров данного поезда, пребывающих в одном пространстве и в одно время. Они находятся в промежутке между отъединенностью «толпы» и связностью «группы», будучи каждый раз близкими к превращению в одну или в другую.

Эта открытость связи с несвязностью, по Нанси, является обращенностью сингулярностей друг к другу. Понятие «сингулярности» подчеркивает здесь то обстоятельство, что открытости подвержены не только индивиды, но и целые коллективы, социальные институты и дискурсы, причем подвержены как в своих индивидуальных проявлениях, так и между собой. Данный способ бытия или существования означает, что нет всеобщего бытия и общей субстанции, но есть бытие-в-месте. Этот способ бытия дает качественно специальному — личности, группе, собранию, обществу, народу и т. д. — состояться. Мы видим, что французский мыслитель социальную сингулярность (совместность), равно как и смысл, сводит к «взаимообращенности» и без внимания оставляет то, что обуславливает их функционирование. Подобное «со-бытийное» прочтение совместности разнится с концепцией Карсавина, поскольку его рассуждения о группах (совместностях) происходят не в отвлеченной форме, а в контексте исторического пространства.

Согласно Карсавину «не пространственно-временная сфера деятельности членов группы, не их число конституирует и определяет группу. Не определяют ее и входящие в нее индивидуумы как таковые. Извне она вообще не определима, хотя ограниченность и специфичность направленности ее на внешний мир входят в ее определение. Ее прежде всего конституирует и определяет изнутри специфическое *социальное общение* (курсив наш. — С. А.), особое качествование социального общения. Но вместе с тем никакое (социальное) общение и взаимодействие двух или более индивидуумов не объяснимо без признания высшего индивидуализирующегося в них субъекта» [4, 125].

Показывая логику динамики существования группы и отличая ее от субстантивных «социалистических» моделей, Карсавин, так же как и Нанси, прибегает к примеру с пассажирами в купе как идеальной модели группового взаимодействия. Но его пример отличается конкретно-историческим рассмотрением от все же отвлеченного примера Нанси, у которого членов группы характеризует их выставленность по отношению друг к другу в некоей взаимообращенной самоданности вообще.

Карсавин пишет следующее: «Я нахожусь в обществе случайных, но интересных попутчиков. У нас завязался оживленный общий разговор, в котором, помимо занимающей всех нас и уясняющейся для каждого из нас темы, мы улавливаем некоторые индивидуальные черты друг друга, проникаемся “ритмом” и “организмом” данного общения. Как случается обычно, и среди нас есть известная

иерархия: один из нас является наиболее живым собеседником. Он словно центр нашего общества, “душа” его. Он как бы руководит беседою, организует общение. Несомненно, что мы могли понимать друг друга и столь интересно и оживленно беседовать, столь взаимно “согласоваться” только потому, что все мы — индивидуализации одной высшей личности. Эта личность, конечно, не человечество, не народ (мы принадлежим к разным национальностям). Это — родившаяся в нашем общении и эмпирически умершая, и, может быть, навсегда, когда мы разошлись, личность. Существовала она недолго, но толпа чаще всего существует еще меньшее время. Она не раскрылась вполне, но даже в несовершенном проявлении своем была многообразнее, интереснее и глубже иного ученого общества и, во всяком случае, центрального комитета “российской” коммунистической партии. И право же, нет ни малейших оснований отвергать нашу всеединую личность, раз мы допускаем, что пассажир, соблазнивший и оплодотворивший случайную свою спутницу, вместе с ней составляет потенциальную (т. е. не совсем потенциальную) семью» [4, 217].

Карсавин очень точно передает, как при оживленной беседе происходит порождение «ритма» органически-подвижного совместного пространства общения, как при этом происходит собирание «со-стояний» одного тела «со-стояниями» тела другого во взаимодействии с ним, как при этом один из собеседников, «душа» и средина (сердечность) всех, оказывается точкой натяжения пространства, со-полагая других, и как одновременно с этим (и вместе с тем) порождается всеединая личность, со-гласующая при-существующих.

В родившейся всеединой личности совершилось и общение национальностей, и общение неизвестных друг другу семей, и общение разных социальных классов и сословий. Тем не менее объединявшая людей личность — не человечество, не европейская культура, не один из ее народов и никто из всех пассажиров, в отдельности взятых. Эта личность возникла в людях и в них начала развиваться. Как это оказалось возможным? Карсавин поясняет данный процесс: один из собеседников, почтенный семьянин, поднимая тему семьи, был в беседе как бы со своею семьей, а значит, с со- положенными ему женой и детьми. Надо полагать, что тематизация семьи отзывала и членов семьи того, кто с ним поддерживал эту беседу.

Другой собеседник, русский человек, открыл в себе некоторое понимание того, что его в этической проблеме связывает со спутником-немцем. Он понял его, т. е. открыл в себе, как человек современной культуры, иную, чем он, ее индивидуализацию, т. е. индивидуализировал и актуализировал в ней русский этический идеал. Каждый из собеседников привносил что-то, с чем он со-бытийствует во «внешней» орбите связей по отношению к данной группе людей. А кто-то, кому удалось соблазнить свою случайную спутницу, сумел создать еще и изнутри «потенциальную» семью. Данная всеединая «личность» могла, возможно, развиться в прочную дружбу или даже в общество, но этот процесс был прерван остановкой поезда. Она возникла в эмпирии по своей воле и при этом смогла индивидуализироваться во всех пассажирах в отдельности.

Философствование Карсавина происходило в русле стихии русского языка, что делало его, при определенном усилии мысли, при-общенным к сути вещей.

Это с одной стороны, а с другой стороны — Карсавин следовал историческому методу, который вполне соответствовал духу современной философии истории. В современных исследованиях *исторического* предполагается, что прошлое (как и настоящее, и будущее) конструируемо, и потому его поиск, с одной стороны, возможен не только в *фактах* документированных источников, но и в *воображении* исторических романов или устных свидетельств и живых рассказов участников событий. К такому пониманию истории и подступается философско-историческая мысль Льва Карсавина. Классическая модель философии истории опиралась на философско-исторические концепции Гегеля и Маркса, базировавшиеся наialectическом методе. Претендую на универсальность, dialectический подход, невзирая на внимание к различиям, упрощал полноту исторического события, в котором действуют зачастую не две, а множество различных сил, которые не подвержены «снятию», как того требует dialectики. Рисуя необратимый ход вещей, рационалистическая dialectика оказывается нечувствительной к «прерывам» и «повторам», вписанным в ткань исторического процесса.

Требовался пересмотр рациональных моделей универсальной истории, который открылся принципиально новой трактовкой роли индивидуального в методологии исторического познания. С приходом феноменологического метода оказалось возможным преодоление объективизма и натурализма в понимании исторического процесса. Классическая философия истории субстантивировала объекты своего анализа. *Семья, школа, церковь, государство, буржуазия, рабочий класс* и т. п. социальные институции представляли в ней в качестве «вещей». Между тем феноменологическая методология утверждает, что социальные институции нельзя понимать как реализацию чьей-то «воли», индивида или группы. Они возникают в поле действия антагонистических и взаимодополняющих сил, где в зависимости от интересов, связанных с различными позициями агентов социальности, посредством борьбы реализуется реальность институтов [2, 9–29]. При этом история аккумулируется в вещах, зданиях, памятниках, теориях и т. д. Весь спектр социальных отношений, опространствливаясь, получает свое воплощение в телесных конфигурациях. Поле социального мира находится вне механической причинности, это поле нужно понимать в качестве символического, где обнаруживаются взаимодействия определенных позиций и диспозиций (короля и двора, епископа и епархии и т. п.).

Философия истории Карсавина обнаруживает поразительное причастие современным методологическим подходам, хотя его размышления идут в рамках христианской парадигмы истории.

Христианский историзм исходил из воплотившегося Логоса, который у Гегеля принял форму логики истории, точнее, dialectической логики, которую он отождествлял с историей, опираясь на библейский дискурс. В противоположность древнегреческой мифологии, исходящей в описании из верховной власти, библейская задает новый тип исторической дискурсивности. Библия делит людей на праведных и неправедных, богатых и бедных, фактически упраздняя греко-римскую мифологию истории. Отныне в истории устанавливаются противоположности, находящиеся в исторической борьбе. Однако как

понимать эту борьбу — диалектически (как это делают, например, Гегель или Маркс) или как-то по-другому, например феноменологически? Подход Карсавина приближает его к феноменологической и социально-топологической методологии истории, а между тем его «Философия истории» была написана в 1923 г.

Философия истории Л. Карсавина, в отличие от философии истории Гегеля, исходит не из отвлеченного Субъекта, движимого Духом, а из изначальности «трепетно» живого движения телесной совместности в истории. Он отходит от представления исторического процесса в терминах рационалистической диалектики понятий. Движение телесно-подвижной совместности в истории носит у него символические формы. Определить и передать словами схваченное нами «нечто» в телесных ракурсах других мы зачастую не в силах. Но наш опыт, благодаря тому, что мы уловили «нечто», значительно расширился. Подобное нечто в «позе» или «фразе», явленное в складках телесности, только и может быть передано символическим образом.

Руководствуясь методом, который Карсавин называет символическим, он выступает против естественно-научного подхода в истории. И потому он отвергает привнесение «причинности» в исторический процесс: в человеческом мире все обретает смысловую наполненность в ходе совместного исторического опыта. С его точки зрения, изучение истории отдельной личности невозможно средствами научной психологии. Здесь необходимо обращение к формам автобиографии и биографии. А ведь это такие художественные формы, которые оправдывают наличие воображения и измышления в историческом познании. Если взять художественную литературу, то в ней авторы постигают отдельную личность через символическую реальность, но смысл даваемого ими совсем не в «измышленном», а в том, что «измышляемым» характеризуется, что с помощью его познаваемо. Познаваема же с помощью «измышляемого» объективная историческая реальность. Автобиографический или биографический методы некоторые историки отвергают, полагая, что в них личности рассматриваются отъединенно от высших индивидуальностей — общества, культуры, человечества. Но так, полагает Карсавин, поступают только плохие биографы. История индивидуальности неизбежно переходит в историю вообще.

Во времена Карсавина стали поднимать вопрос об истории материального быта: об «истории» костюма, «истории» оружия и т. п. Но такая история может обернуться в бессвязное изложение, поскольку не может быть исторической связи между пространственно разъединенными вещами, пока не преодолевается их разъединенность и материальность. Примером с римской тогой Карсавин фактически относит нас к телу римлянина, свободному и объятому достоинством, что выражается в том, что тога не позволяет этому телу бегать или спешить подобно какому-нибудь рабу,циальному человеку или высокочке. Стало быть, так надо понимать Карсавина: «история костюма» начнет только что-то действительно сообщать и символизировать, когда мы впишем в него тело в «подающих» ему состояниях. «Теперь, я полагаю, — заключает Карсавин совсем в манере феноменологии повседневности, — ясно, при каких условиях и при каком подходе к проблеме возможна “история костюма”, “история материаль-

нного быта". Материальное само по себе, т. е. в оторванности своей, не важно. Оно всегда символично, и в качестве такового необходимо для историка во всей своей материальности. Оно всегда выражает, индивидуализирует и нравственное состояние общества, и его религиозные или эстетические взгляды, и его социально экономический строй» [4, 140].

Подход Карсавина является необычайно современным. В нем не хватает, как представляется нам, обращения к социальным практикам и техникам. Последние возникают в виде посредников группового поведения людей. В современных исследованиях представляются продуктивными подходы Дж. Морено, К. Левина и П. Бурдье, которые обращены к прояснению конкретных социальных координаций взаимодействия людей. П. Бурдье предлагает рассматривать социальное пространство общества через совокупность однородных полей, которые выступают в качестве системы позиций, определяемых своими диспозициями. И действительно, людей без позиций не существует. Например, мужчины и женщины взаимодействуют друг с другом в качестве «мужа» и «жены» (являя тем самым один смысл своих отношений в семейной практике) или в качестве «руководителя» и «сотрудника» (второй смысл в производственной практике) и т. д. Совокупность этих со-мыслов задает осмысленное поле социальных отношений, которые, объективируясь, превращаются в социальное пространство и время.

Но в современности мы наблюдаем процессы индивидуализации, плурализации и глобализации, которые ставят под сомнение воспроизведение органической группы как сообщества, поведение и единство которой определялось традиционными ценностями. Именно такую модель группы отстаивал Лев Карсавин. В настоящее время продуцируются в большинстве своем не «сообщества», а скорее группы «сообщников», единство которых держится зачастую на кратковременных связях и ценностях, которые они производят изнутри группы. Модель группы Ж.-Л. Нанси вполне соответствует этому состоянию группы.

Заключая, заметим, что рассмотрение человеческого бытия у русских мыслителей, равно как и у Карсавина, совершается в терминах телесности и совместности. Процесс человеческого со-бытия анализируется в качестве телесного взаимодействия, порождающего определенные места и совместности социального мира. Совместность анализируется как на уровне малой, так и большой групп, общение которых осуществляется в рамках повседневного символического пространства-времени. Подход, демонстрируемый Карсавиным, до сих пор является собой рабочую модель социальности, вполне сопоставимую с тем, что имеет место в современных социальной феноменологии и топологии.

-
1. Азаренко С. А. Логос // Современный философский словарь. М., 2006.
 2. Бурдье П. За рационалистический историзм // Социо — логос постмодернизма. М., 1997.
 3. Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения. М., 1992.
 4. Карсавин Л. П. Философия истории. М., 2007.

5. Лосев А. Ф. Русская философия // Лосев А. Ф. Страсть к диалектике: Литературные размышления философа. М., 1990. С. 91.
6. Нанси Ж.-Л. Согрис. М., 1999.
7. Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Символ. Париж. 1992. № 28.
8. Хомяков А. С. Сочинения богословские. СПб., 1995.
9. Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991.

Рукопись поступила в редакцию 15 марта 2012 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

АЗАРЕНКО Сергей Александрович – профессор кафедры социальной философии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: Sergey_azarenko@mail.ru

БЕРЕЖНОЙ Сергей Борисович – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук филиала Южно-Уральского государственного университета (Снежинск), кандидат философских наук, докторант кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: bergejnoi@mail.ru

ВИЛЬГЕЛЬМ Анжелика Мартыновна – старший преподаватель кафедры социальной психологии и психологии управления департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: am.vilgelm@gmail.com

ГЛОТОВА Галина Анатольевна – ведущий научный сотрудник лаборатории педагогической психологии факультета психологии Московского государственного университета, профессор, доктор психологических наук. E-mail: galina.glotova1@mail.ru

ГЛУХАНОК Наталья Степановна – профессор кафедры управления персоналом и психологии департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор психологических наук. E-mail: profi.n@mail.ru

ЕГОРОВ Владимир Михайлович – профессор кафедры анестезиологии-реаниматологии факультета повышения квалификации и переподготовки Уральской государственной медицинской академии, доктор медицинских наук. E-mail: vegorov1940@rambler.ru

ЕЛИСЕЕВ Александр Владимирович – аспирант кафедры финансового менеджмента и права Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета. E-mail: Alexandr_eliseev@e1.ru

ЕЛЬКИН Игорь Олегович – врач анестезиолог-реаниматолог детской клинической больницы восстановительного лечения «Научно-практический центр “Бонум”», доктор медицинских наук. E-mail: igorelkin@rambler.ru

ЗЕКРИСТ Рида Ирековна – доцент кафедры социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин Костанайского филиала Челябинского государственного университета (Казахстан), кандидат философских наук. E-mail: Zekrist@mail.ru

ИОНАЙТИС Ольга Борисовна — профессор кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: Ionaitis@yandex.ru

ИСМАГИЛОВА Файруза Салихджановна — профессор кафедры общей психологии и психологии личности департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор психологических наук. E-mail: ismagilova.f@gmail.com

КЕРИМОВ Александр Алиевич — доцент кафедры теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: Kerimov68@mail.ru

КЛИМОВ Валерий Николаевич — аспирант кафедры социологии и психологии Гуманитарного института Уральского государственного экономического университета. E-mail: syoo.usue@yandex.ru

ЛОБОВИКОВ Владимир Олегович — главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, профессор, доктор философских наук. E-mail: vlobovikov@mail.ru

МИРОЛЮБОВА Галина Семеновна — доцент кафедры общей психологии и психологии личности департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат психологических наук. E-mail: mgs07@mail.ru

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — ассистент кафедры теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

ПЕТРИЩЕВ Максим Викторович — доцент кафедры экономической теории экономического факультета Тверского государственного университета, кандидат экономических наук. E-mail: magainm@yandex.ru

ПОПОВ Валерий Германович — советник при ректорате Уральского федерального университета, профессор, доктор социологических наук. E-mail: valery54-popov@yandex.ru

ПОПОВА Лариса Григорьевна — директор департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, заведующая кафедрой психологии развития и педагогической психологии, доцент, кандидат педагогических наук. E-mail: Popova.larisa@usu.ru

РАЗИНА Марина Владимировна — заместитель директора департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доцент кафедры психологии развития и педагогической психологии, кандидат педагогических наук. E-mail: m_razina@mail.ru

СОБОЛЕВ Андрей Олегович — начальник управления внешнеэкономической деятельности и инвестиций Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области, соискатель кафедры мировой экономики Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета. E-mail: sobolev@gov66.ru

ТЕМКИНА Ирина Михайловна — профессор кафедры мировой экономики Высшей школы экономики и менеджмента Уральского федерального университета, кандидат экономических наук. E-mail: sobolev@gov66.ru

ТРУБИНА Елена Германовна — профессор кафедры социальной философии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: Elena.trubina@gmail.com

ШЕРСТНЕВ Михаил Анатольевич — доцент кафедры теоретической экономики и международных экономических отношений Института теоретической экономики и международных экономических отношений Самарского государственного экономического университета, кандидат экономических наук. E-mail: sherstnev@sseu.ru

ЮРТАЕВА Марина Николаевна — ассистент кафедры управления персоналом и психологии департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат психологических наук. E-mail: myurtaeva_82@mail.ru

SUMMARY

THEORY OF COGNITION AND LOGIC

Lobovikov V. O. A formal-axiological equivalence of the rationalistic and sensualistic criteria of existence in two-valued algebra of metaphysics	5
---	---

The paper is investigating philosophical notions «feeling», «matter», «being», «knowledge», «universality», «infiniteness» and other as *evaluation-functions determined by two evaluation-variables in two-valued algebra of metaphysics*, which is understood as nothing but formal axiology. The evaluation functions under investigation are precisely defined by evaluation tables. Strict definitions of the notions «formal-axiological equivalence» and «law of algebra of metaphysics» are given. By means of these definitions a list of equations and laws of the algebra is generated. Elements of this list are connected with the relevant aspects of the history of philosophy. The paper submits precise formulations and tabular substantiations of laws of contraposition of the binary operations «knowledge», «universality» and «infiniteness» in two-valued algebra of metaphysics. The paper indicates precisely that concrete relation (formal-axiological one) and that specific condition (namely, contraposition), under which the rationalistic and sensualistic criteria of existence are equivalent.

Key words: empirical, knowledge, episteme, feeling, matter, being, experience, universals, particulars, finite, infinite, algebra-of-metaphysics, binary, operation, formal-axiological, equivalence, contraposition.

SOCIAL PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Trubina E. G. Mobility and sedentarism in social theory	22
---	----

The article focuses on «the mobility turn» (D. Urry) which marks the social theory of the last decade. The novel conceptual frameworks which the proponents of the turn introduce as part of the re-consideration of the foundations of social theory are considered in order to show the complexities behind embedding «the mobility turn» into existing theoretical context, including the theories of public sphere.

Key words: mobility, sedentarism, movement, materiality, private and public, public sphere.

Popov V. G., Klimov V. N. The social nature of the business in the context of classical sociology	34
---	----

The article deals with the problems of establishing the phenomenon of political representation in the context of the sociology of Bourdieu's politics. The differences in political representation and of the political delegation, political and social representative offices. The main functions of the system of political representation: the articulation and integration of political interests coincide, aggregation and reporting of political groups.

Key words: entrepreneurship, social conditions and factors of development, the place and role of entrepreneurship in society, the social nature of the business.

 PHILOSOPHY OF POLICY AND POLITICAL SCIENCE

<i>Zekrist R. I.</i> Michel Foucault's concept of power	40
---	----

For two and a half thousand years of existence of philosophy in it was developed many of the concepts of power. In general, the majority of these concepts are in poor agreement between themselves. The concept of power, represented in the work of M. Foucault, and will be the subject of analysis in this article.

K e y w o r d s: power, state power, discourse, will to power, knowledge.

<i>Kerimov A. A.</i> The concept of parliamentarism in Russia's political science	46
---	----

The article is devoted to the study of various approaches to the interpretation of the concept of parliamentarism in Russia's political science and the establishment of its universal characteristics.

K e y w o r d s: parliamentarism, the parliament, an elected representative, popular, representation, the principle of separation of powers.

<i>Muhamedov R. S.</i> The Post-Soviet Space at the Russian-American relations	52
--	----

The main purpose of the paper is to investigate the Russian-American relations at the present stage. The text is examined an unsolved problems of relations between the two countries. The author touched upon topical differences, including recognition Abkhazia and South Ossetia as independent states, using natural gas resources to blackmail neighboring countries, supporting Georgia in the conflict. Much attention is paid Georgia's integration into NATO.

K e y w o r d s: the Russian-American relations, Georgia, NATO, the Post-Soviet Space.

PHILOSOPHY OF ECONOMICS AND ECONOMIC SCIENCE

<i>Petrischev M. V.</i> Intermarket competition of commodity producers and interbranch competition of capitals	59
--	----

Existence of an intermarket competition of the goods is theoretically proved. Distinction of the bases, processes and results of an intermarket and interbranch competition is shown.

K e y w o r d s: goods sort, a competition in the market of a sort of the goods, different advantage of sorts of the goods, an intermarket competition, the general market balance, distinction of rate of return on branches, an interbranch competition.

<i>Sherstnev M. A.</i> International capital flows in transition economies in the course of market reforms: main trends and issues	67
--	----

The article contains an attempt to analyze the main trends and some specific features of international capital flows in transition economies in the course of market reforms, provides comparative analysis of these processes between two groups of countries at the aggregate level and puts this in the course of contemporary debate on the international capital flows between advanced economies and emerging markets.

K e y w o r d s: international capital flows, transition economies, capital controls.

<i>Eliseev A. V.</i> Improvements to collective bargaining in the face of economic modernization ..	77
---	----

The article deals with the actual problem-analysis of collective agreements of enterprises of mining-metallurgical complex of Sverdlovsk region. It then reviews the structure and design phases of the collective agreements of the largest enterprises – Pervoural'skogo novotrubnogo, Sinarskogo tube, Urals aluminium plants and Vysokogorsky mining and concentrating plant; their comparative analysis is carried out and, on this basis, develop recommendations for the improvement of collective agreements and their relation to socio-economic policy of the territories where they are located.

K e y w o r d s: social partnership, collective agreements, a system of indicators of collective agreements, social and economic indicators.

<i>Sobolev A. O., Temkina I. M.</i> Features of commodity export of the old industrial region: analysis and forecasts (based on the materials of the Sverdlovsk region)	85
The article consistently describes the meaning and the value of export in the frames of the FTA (Foreign Trade Activities) at the time of economical globalization. It gives a detailed analysis of the content and structure of export of the Sverdlovsk region, and justifies the specifics of old industrial region's export policies. It defines ways for the growth of value and the improvement of structure of the region's export, as well as the policy of state export support and its evolution during the entry of the Russian Federation into the WTO (World Trade Organization).	

Key words: globalization, regional export policy, export basket, export sector, cluster development of cities-exporters, state export support.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY AND PSYCHOLOGY

<i>Yurtaeva M. N., Glukhanyuk N. S.</i> Mediated-moderative interaction of cognitive processes and personality traits as a determinant of overcoming the various forms of uncertainty	95
--	----

This paper presents the results of the research of the phenomenon of tolerance for uncertainty. In the article we verify the assumption of a complex content of the phenomenon, presented by moderative-mediated interactions of the features of cognitive processes and personality traits. Through research effects of involuntary intellectual control, functional values of which are considered as a basis to overcome the differentiation of various forms of uncertainty have been found.

Key words: tolerance for uncertainty, the technique of «splitting» of the poles of cognitive styles, involuntary intellectual control, forms of uncertainty overcoming.

<i>Egorov V. M., Elkin I. O.</i> Comparative estimation of influence of variants of general anaesthesia and operating stress on higher psychical functions for children	99
---	----

Diagnose the condition of higher mental functions in 424 children aged 3 months up to 15 years, which was made operative treatment of varying complexity in general combined anesthesia. We discuss the effects of general anesthesia on the psyche of the child in terms of clinical psychology.

Key words: psycho in pediatric anesthesiology, higher mental functions, the type of nervous system, long-term mechanical memory, emotional maladjustment.

<i>Ismagilova F. S., Miroyubova G. S.</i> Psychological research of the problem of criterion-oriented support of a manager's work activity	108
--	-----

This article deals with the results of a pilot research of a subjective system of criteria of an activity represented in work experience of managers of companies located in the Ural region. The authors raise the question of changing an individual criterion-oriented system of appraising an activity effectiveness depending on a subject's work experience and his/her position. Cluster analysis helped to single out groups of criteria that underwent a preliminary quantitative and qualitative analysis. A complex interdisciplinary approach was used in this research.

Key words: a work experience, a criterion-oriented support of managers' work activity; appraisal of a work activity effectiveness.

<i>Wilhelm A. M., Glotova G. A.</i> The comparative analysis of educational specialists' conceptions of pedagogical communicative culture	117
---	-----

In this work we consider features of different teachers' identification of their behavior in difficult pedagogical situations with the behavior of the «ideal» or a «real» teacher. We also give a comparative analysis of educational specialists' and psychologists' conceptions about a correlation of competence, qualities and skills necessary for effective pedagogical dialogue with such levels of communicative culture of a teacher as communicative literacy, communicative competence and communicative creativity.

Key words: pedagogical communicative culture, conceptions of «the ideal» and a «real» teacher, levels of communicative culture.

Popova L. G., Razina M. V. The study of the valuable orientations of orthodox adolescents ... 127

The paper considers the study of value orientations of orthodox adolescents. We used the Milton Rokich method for investigation spiritual and moral sphere of children in the age 15–16 years and analyzed results in accordance with the main ideas of Christian (Orthodox) doctrine.

Key words: education, religion, church, orthodoxy, a teenager, values, spiritual and moral sphere, the dogma.

HISTORY OF PHILOSOPHY

Berezhnaya S. B. The dharmas theory of Abhidharmakoṣha 135

The article is devoted to the interpretation of categories of the dharmas theory of Sarvāstivāda, represented in the treatise «Abhidharmakoṣha» by a great Buddhist thinker Vasubandhu (IV–V centuries AD). Sarvāstivāda is a trend of early Buddhism that created its own system of ontology and gnoseology within the bounds of the Abhidharma philosophy. The Buddhist theory of dharmas represents a life of any living being as a stream of dharmas – ontological elements from which all the existence is made up. The main ontological principle of Sarvāstivāda is analyzed in the article, its philosophical motto – «Sarvam asti», stating that only dharmas are real. Basing upon his own reading of the Sanskrit text of the «Abhidharmakoṣha» treatise, the author gives a peculiar interpretation of the dharmas theory of Sarvāstivāda in whole.

Key words: Vasubandhu, Abhidharmakosh, sarvastivada, dharmas, Samskrita-dkarmy, Asamskrita-dkarmy, sansara, nirvana.

Ionaitis O. B. George Krizjanit in Russia 146

At the article at context of medieval Slavic-Russian philosophic contacts view Russian period of creative work of Croatian thinker George Krizjanit (about 1618–1683), give analysis of his philosophic, philosophy of history, linguistic and political views.

Key words: history of Russian medieval philosophy, Russian philosophic ideas and Slavic world.

Azarenko S. A. Russian philosophy and modern topological philosophy..... 160

The article considers the topology of the Russian philosophy, which takes place in terms of «bodily» and «community». Russian philosophers «community» considers at the level of symbolic space-time. The article concludes that the approach of Russian thinkers is a working model of sociality, it is comparable with what takes place in contemporary phenomenology and topology.

Key words: bodily, community, social space-time, social practices and technology.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
2012. № 2 (103)

Серия 3
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 13.06.2012. Формат 70 × 100 $\frac{1}{16}$.
Уч.-изд. л. 14,8. Усл. печ. л. 14,58. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2291;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по философии, социологии, политологии, экономике, культурологии, психологии, международным отношениям Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в Объединенный подписной каталог «Прессы России». Подписной индекс 82415. Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://proceedings.usu.ru>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@usu.ru) и лично автором (на СД-диске) представляются авторский текст (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи (в двух экземплярах).

2. В редакцию по почте или лично автором представляется официально заверенная внешняя рецензия (делается специалистом соответствующей отрасли знаний, не работающим в одном вузе, или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи).

3. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

4. Автор пересыпает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

5. При одобрении рукописи рецензентами и редакцией редакция сообщает об этом автору и пересыпает автору, не состоящему в штате УрФУ, электронной почтой реквизиты УрФУ для частичного возмещения расходов на рецензирование, научное, литературное, техническое редактирование и тиражирование материала, пересылку авторского экземпляра по почте и т. д. Плата с аспирантов очной формы обучения не взимается.

6. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

в) заголовок статьи на русском языке;

г) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95);

д) ключевые слова по исследуемой проблеме;

е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

ж) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;

з) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на собрании руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru>

3. Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. Коробкин М. Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. Куропаткин А. Н. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. Николаев И. А., Марушкина Е. В. Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru>

.....

21. Шацилло К. Ф. Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] – означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] – первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) – на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общезвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу*.

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна*. Телефон для справок (343) 350-59-20).

Электронный адрес: izvestia_3@usu.ru